

ДЕБАТЫ ШЕСТОГО РЕЙНСКОГО ЛАНДТАГА

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ) ¹¹ДЕБАТЫ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ И ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ
ПРОТОКОЛОВ СОСЛОВНОГО СОБРАНИЯ ¹²

К изумлению всей пишущей и читающей Германии прусская «*Staats-Zeitung*»¹³ в одно прекрасное берлинское весеннее утро опубликовала свои *признания*. Она, конечно, избрала для этого великосветскую, дипломатическую форму, а не занимательную форму исповеди. Она сделала вид, что хочет показать своим сестрам зеркало познания, она мистически-загадочно говорила только о других прусских газетах, между тем как на самом деле она говорила о той газете, которая является прусской *par excellence* * — о себе самой.

Это обстоятельство допускает различные объяснения. *Цезарь* говорил о себе в третьем лице. Почему же в таком случае прусской «*Staats-Zeitung*», когда она говорит о третьих лицах, не иметь в виду самоё себя? *Дети*, говоря о себе, обыкновенно вместо слова «я» называют себя по имени: «Георг» и т. п. Почему же прусской «*Staats-Zeitung*» не замещать местоимение «я» именами: «*Vossische*»¹⁴, «*Spencersche*»¹⁵ или именем какого-нибудь другого святого?

Появилась новая цензурная инструкция. Наши газеты сочли необходимым усвоить манеры и внешние формы, подобающие свободе. И прусская «*Staats-Zeitung*» тоже была вынуждена встряхнуться и обзавестись какой-нибудь либеральной — по меньшей мере, самостоятельной — идеей.

Первым необходимым условием свободы является, однако, самопознание, самопознание же невозможно без признаний.

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

Если только твердо помнить, что прусская «Staats-Zeitung» опубликовала здесь *свои признания*; если не упускать из виду, что мы тут видим перед собой первое пробуждение полуофициального газетного детища к самосознанию, — то все загадки будут разрешены. Мы убедимся, что прусская «Staats-Zeitung» «невозмутимым тоном произносит великие слова», и нам только трудно будет решить: восхищаться ли нам больше невозмутимостью этого величия или величиим этой невозмутимости?

Едва только успела появиться цензурная инструкция, едва только успела «Staats-Zeitung» прийти в себя от этого удара, как она выступила с вопросом: «Какую пользу принесла вам, прусским газетам, большая свобода по отношению к цензуре?»

Она, очевидно, этим хочет сказать: какую пользу принесли мне долгие годы строгого цензурного надзора? Чем же я стала, несмотря на весь старательный надзор и всестороннюю опеку? И что же теперь будет со мной? Ходить самостоятельно я не научилась, а падкая на зрелища публика ждёт всяких антраша от паралитика. Такая же участь ждёт и вас, мои сёстры! Признаем же открыто перед прусским народом наши слабости, но будем дипломатичны в этих своих признаниях. Мы не скажем ему прямо, что мы неинтересны. Но мы ему скажем, что если прусские газеты неинтересны прусскому народу, то прусское государство не представляет интереса для газет.

Смелый вопрос «Staats-Zeitung» и ещё более смелый ответ являются только прелюдией к её пробуждению, — это она сквозь сон бормочет текст той роли, которую она впоследствии исполнит. Она пробуждается к сознанию, она проявляет свою сокровенную сущность. Внимайте Эпимениду¹⁶!

Известно, что первой теоретической деятельностью рассудка, который ещё колеблется между чувственностью и мышлением, является *счёт*. Счёт — это первый свободный теоретический акт рассудка *ребёнка*. *Давайте считать*, — призывает прусская «Staats-Zeitung» к своим сёстрам¹⁷. *Статистика* — первая политическая наука! Я познал голову человека, если я знаю, сколько на ней волос.

Поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы поступали по отношению к тебе. И можно ли оценить по Достоинству нас самих, в особенности меня, прусскую «Staats-Zeitung», лучше, чем статистическим путём! Именно статистика удостоверит не только тот факт, что я столь же часто выхожу в свет, как любая французская или английская газета, но также и тот факт, что меня меньше читают, чем какую бы

то ни было газету цивилизованного мира. Откиньте чиновников, которые без особого желания вынуждены интересоваться мной, сбросьте со счёта общественные заведения, которые не могут обходиться без полуофициального органа, — кто же станет читать меня, — я спрашиваю, кто? Сосчитайте производимые на меня затраты, сосчитайте доходы, которые я приношу, и вы убедитесь, что произносить невозмутимым тоном великие слова вовсе не значит заниматься прибыльным делом. Видите, как убедительна статистика, как простой арифметический счёт делает излишними всякие дальнейшие умственные операции. Итак, считайте! Цифровые таблицы просвещают публику, не возбуждая её страстей.

«Staats-Zeitung» с её высоким пониманием значения статистики ставит себя рядом не только с китайцем¹⁸, не только со статистиком мироздания — Пифагором¹⁹. Она показывает, что находится под влиянием великого натурфилософа новейшего времени, который хотел представить в числовых рядах все различия в мире животных^{*} и т. д.

Таким образом, для «Preussische Staats-Zeitung», несмотря на весь её бросающийся в глаза позитивизм, не являются чуждыми и принципы современной философии.

«Staats-Zeitung» — газета всесторонняя. Она не успокаивается на *числе*, на *величине времени*. Она идёт дальше в своем признании количественного принципа, она отдаёт должное и *пространственной величине*. Пространство — это первое, что импонирует *ребёнку* своей величиной. Оно — первая величина, с которой ребёнок сталкивается в мире. Ребёнок поэтому считает человека большого роста большим человеком, и точно так же по-детски рассуждающая «Staats-Zeitung» повествует нам о том, что *толстые* книги несравненно лучше, чем *тонкие*, о листках же, о *газетах*, выходящих ежедневно в размере одного только печатного листа, и говорить не приходится.

Вы, немцы, умеете высказываться только обстоятельно! Пишите же весьма пространные книги о государственном устройстве, пишите весьма солидные учёные труды, которых никто, кроме почтенного автора и почтенного рецензента, не читает, но помните, что ваши газеты — это не книги. Сообразите, какое количество листов бумаги содержит основательный трёхтомный труд! Ищите поэтому дух наших дней, дух времени не в газетах, которые предлагают вам статистические таблицы, а в книгах, размеры которых уже служат гарантией их основательности.

^{*} — Лоренца Окена. *Ред.*

Помните, благонравные дети, что тут речь идёт об «учёных» вещах. Штудируйте поэтому прежде всего толстые книги, и вы проникнетесь любовью также и к нам, газетам, за наш воздушный формат, за нашу светскую лёгкость, которые после толстых книг оказывают поистине освежающее действие.

Правда, наше время не имеет уже того настоящего чувства величия, которое восхищает нас в средних веках. Посмотрите на наши тощие пиетистские трактатики, на наши философские системы размером всего *in octavo* * и сравните их с двадцатью огромными фолиантами Дунса Скота. Эти фолианты вам даже не надо читать. Уже одни их фантастически огромные размеры трогают — подобно готическому зданию — ваше сердце, поражают ваши чувства. Эти первобытно-грубые колоссы действуют на душу как нечто материальное. Душа себя чувствует подавленной под тяжестью массы, а чувство подавленности есть начало благоговения. Не вы владеете этими книгами, а они владеют вами. Вы являетесь их акциденцией, и такой же акциденцией, по мнению прусской «Staats-Zeitung», должен стать народ по отношению к своей политической литературе.

Таким образом, «Staats-Zeitung» не лишена исторических, присущих солидному средневековью принципов, хотя и выражается она совершенно по-современному.

Если, однако, теоретическое мышление *ребенка* имеет количественный характер, то суждение ребёнка, как и его практическое мышление, имеет характер прежде всего практически-чувственный. Чувственная природа организма ребёнка — это первая связь, которая соединяет его с миром. *Практические органы чувств*, преимущественно нос и рот, являются первыми органами, при помощи которых он *оценивает* мир. Поэтому по-детски рассуждающая прусская «Staats-Zeitung» определяет при помощи *носа* ценность газет вообще, свою собственную ценность в частности. Если один греческий мыслитель считает лучшими сухие души²⁰, то «Staats-Zeitung» считает «хорошими» газетами «*благовонные*». Она не может нахвалиться «*литературным ароматом*», присущим аугсбургской «Allgemeine»²¹ и «Journal des Debats»²². Похвальная, редкая наивность! Великий, величайший Помпей!

Развернув, таким образом, перед нами целый ряд отдельных, заслуживающих признательности мыслей, давших нам возможность глубоко заглянуть в её душу, «Staats-Zeitung» резюмирует затем свой взгляд на государство в одном глубоком

* — формат книги в восьмую листа. *Ред.*

рассуждении, центральное место в котором занимает великое открытие, «что в Пруссии государственное управление и весь организм государства отделены от политического духа и поэтому те могут представлять никакого *политического* интереса ни для народа, ни для печати».

По мнению прусской «*Staats-Zeitung*», таким образом, в Пруссии государственное управление непричастно к политическому духу, или политический дух непричастен к государственному управлению. Как неделикатно поступает здесь «*Staats-Zeitung*», высказывая нечто такое, хуже чего не мог бы придумать злейший враг, а именно, что действительная государственная жизнь лишена политического духа и что политический дух живёт вне действительного государства!

Однако мы не должны забывать *детски-чувственную точку зрения* прусской «*Staats-Zeitung*». Она повествует нам о том, что когда речь идёт о железных дорогах, следует думать только о железе и дорогах, когда речь идёт о торговых договорах, следует думать только о сахаре и кофе, когда речь идёт о кожевенных заводах, — только о коже. Разумеется, ребёнок не идёт дальше *чувственного восприятия*, он видит только единичное, не подозревая существования тех невидимых нервных нитей, которые связывают это особое с всеобщим, которые в государстве, как и повсюду, превращают материальные части в одушевлённые члены одухотворённого целого. Ребёнок верит, что солнце вращается вокруг земли, всеобщее — вокруг частного. Ребёнок поэтому не верит в дух, зато он верит в *привидения*.

В соответствии с этим прусская «*Staats-Zeitung*» считает политический дух французским привидением, и ей кажется, что она заклинает это привидение, бросая ему в голову кожу, сахар, штыки и цифры.

Однако, прервёт нас здесь читатель, ведь мы хотели поговорить о «дебатах в рейнском ландтаге», а вместо этого нам преподносят «*невинного ангела*», старообразное детище прессы, «*Preussische Staats-Zeitung*», и повторяют те старчески-премудрые колыбельные песни, при помощи которых она снова и снова пытается убаюкать себя и своих сестёр, чтобы погрузиться в глубокий зимний сон.

Но разве не сказал Шиллер:

И то, что увидеть не может мудрец,
Доходит до *детских невинных сердец*²³.

Прусская «*Staats-Zeitung*» «в своей невинности сердечной» напомнила нам, что в Пруссии, не хуже чем в Англии, мы

имеем *сословные собрания*, дебаты которых ежедневная пресса *имела бы-де право* обсуждать, если бы она *умела* это делать, ибо в классически гордом сознании своего достоинства «Staats-Zeitung» полагает, что не хватает прусским газетам не *права*, а *уменья*. Это качество в виде особой привилегии мы охотно за ней признаём и, не распространяясь дальше о её способностях, берём на себя смелость осуществить на деле ту идею, которую она в своей невинности сердечной выболтала.

Опубликование протоколов ландтага лишь тогда станет действительностью, когда они будут обсуждаться как «*публичные факты*», т. е. когда они станут достоянием печати. Нас, конечно, ближе всего касается последний *рейнский* ландтаг.

Мы начинаем с «*дебатов о свободе печати*» и предварительно заметим, что при обсуждении этого вопроса мы будем иногда выступать как участники, высказывая наш собственный взгляд; в дальнейших же статьях мы будем следить за ходом прений и освещать его больше с точки зрения историка-наблюдателя.

Самый характер прений обуславливает это различие в способе изложения. В дебатах по всем остальным вопросам различные мнения защищались представителями сословий с одинаковой силой. В вопросе же о печати, наоборот, противники свободы печати имеют некоторое преимущество. Помимо ходячих выражений и общих мест, которые носят в воздухе, мы встречаем у этих противников какой-то *патологический аффект*, страстную предвзятость, обусловленную их *действительным*, а не воображаемым отношением к печати, между тем как у *защитников печати* на этом ландтаге, вообще говоря, нет *никакого действительного отношения* к их подзащитному. Они никогда не знали свободу печати как *насущную потребность*. Для них она дело ума, в котором сердце не принимает никакого участия. Она для них «экзотическое» растение, с которым они связаны только как «любители». Вследствие этого они против особо «веских» доводов противников выставляют подчас слишком общие, расплывчатые рассуждения, но даже и самый скудоумный довод претендует на важное значение, пока он не разбит наголову.

Гете как-то сказал, что художнику удаётся изображение только такого типа женской красоты, который он любил хотя бы в одном живом существе²⁴. Свободе печати также присуща своя красота, — хотя красота эта отнюдь не женская, — и её надо любить, чтобы быть в состоянии защищать ее. Существование того, что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нём потребность, без него моё

существование не может быть полным, удовлетворённым, совершенным. Между тем упомянутые защитники свободы печати, повидимому, наслаждаются полнотой жизни и при отсутствии свободы печати.

Либеральная оппозиция показывает нам уровень политического собрания, как вообще оппозиция служит показателем уровня развития данного общества. В такое время, когда сомневаться в привидениях считается философской смелостью, когда протест против суда над ведьмами кажется парадоксом, — в такое время чем-то вполне *законным* признаются вера в привидения и процессы о ведьмах. Страна, которая, подобно древним Афинам, смотрит на прихлебателей, паразитов, льстецов, как на исключения, противоречащие народному разуму, как на *юрродство*, — такая страна есть страна независимости и самостоятельности. Народ же, который, как все народы доброго старого времени, право думать и высказывать истину предоставляет только *придворным тутам*, может быть только народом зависимым и обезличенным. Собрание сословий, в котором оппозиция уверяет, что свободная воля присуща человеческой природе, по меньшей мере не есть собрание сословий свободной воли. Исключение только подтверждает правило. Либеральная оппозиция показывает нам, во что превратилась либеральная позиция, показывает ту степень, в какой свобода воплотилась в человеке.

Если мы поэтому заметили, что защитники свободы печати в сословном собрании ни в каком случае не стоят на высоте своей задачи, то это ещё в большей мере относится ко всему ландтагу вообще.

И тем не менее мы начинаем изложение дебатов ландтага именно с этого пункта, исходя не только из особого интереса к свободе печати, но также и из общего интереса к ландтагу. Нигде *специфически-сословный* дух не выразился яснее, определённое и полнее, чем в дебатах о печати. В особенности это верно по отношению к *оппозиции против свободы печати*, подобно тому как вообще в оппозиции против *общей свободы* проявляется наиболее резко и беспощадно, как бы показывая свои зубы, дух известного круга, индивидуальный интерес определённого сословия, естественная односторонность характера.

Дебаты дают нам полемику княжеского сословия против свободы печати, полемику дворянского сословия, полемику городского сословия, так что здесь полемизируют не *отдельные лица*, а *сословия*. Какое зеркало могло бы вернее отразить внутренний характер ландтага, чем дебаты о печати?

Мы начинаем с оппонентов против свободы печати, а именно, как и подобает, — с оратора из княжеского сословия.

Мы не будем подробно останавливаться на первой части его речи относительно того, «что и свобода печати и цензура составляют зло и т. д.», так как тема эта более основательно разобрана другим оратором. Но мы не можем обойти молчанием *характерную* для оратора *аргументацию*.

«Цензура — меньшее зло, чем распушенность прессы». «*Это убеждение* постепенно так укрепилось в *нашей* Германии» (спрашивается, какая это часть Германии?), «что и *Союз* издал по этому поводу *законы*, которые Пруссия одобрила и которым она подчинилась»²⁵.

Ландтаг обсуждает вопрос об освобождении печати от сё пут. Самые эти путы, говорит оратор, самые эти цепи, которыми скована печать, доказывают, что она не предназначена для свободного движения. Её скованное существование свидетельствует о её сущности. Законы против свободы печати опровергают свободу печати.

Это — *дипломатический* аргумент против всяких реформ, в наиболее решительной форме высказанный *классической теорией* известной партии²⁶. Каждое ограничение свободы признаётся фактическим, неопровержимым доказательством того, что у власть имущих когда-то было убеждение в необходимости ограничения свободы, и это убеждение объявляется руководящим началом в последующее время.

Когда-то приказывали верить, что земля не движется вокруг солнца. Был ли Галилей опровергнут этим?

Точно так же в *нашей Германии* было узаконено общеимперское убеждение, разделяемое и каждым владетельным князем в отдельности, что крепостное состояние есть природное свойство определённых человеческих существ, что истина яснее всего доказывается посредством хирургических операций, т. е. с помощью пыток, что огонь ада лучше всего демонстрируется еретику пылающими кострами на земле.

Разве узаконенное крепостное состояние не являлось фактическим доказательством против рационалистической выдумки, что человеческое тело не есть объект пользования и владения? Разве первобытно-грубая пытка не опровергала пустую теорию о том, что кровопусканием не обнаруживается истина, что растягивание позвоночника на лестнице для пыток не лишает человека стойкости, что судорога боли не есть признание?

Факт существования цензуры, по мнению оратора, опровергает свободу печати; и это фактически верно, это — истина, настолько связанная с известным фактом, что топография

в состоянии установить её пределы, — за определёнными шлагбаумами она перестаёт быть фактической и истинной.

«Ни в речах, ни в книгах», — поучают нас далее, — «ни в нашей Рейнской провинции, ни во всей Германии мы не видим, чтобы истинное и благородное духовное развитие было сковано».

Этот благородный свет истины, озаряющий нашу печать, является-де даром цензуры.

Обратим прежде всего приведённую аргументацию оратора против него же самого; вместо рационального довода мы приведём правительственный указ. В новейшей прусской цензурной инструкции официально заявляется, что печать до сих пор подвергалась слишком большим ограничениям, что ей ещё только предстоит проникнуться истинно национальным содержанием. Оратор имеет возможность видеть, что убеждения в *нашей Германии* могут изменяться.

Но какой нелогичный парадокс — рассматривать цензуру как основу для лучшей части нашей печати!

Величайший оратор французской революции, *voix toujours tonnante*^{*} которого доносится ещё и до нашего времени; лев, рычание которого надо было самому слышать, чтобы вместе с народом восклицать: «здорово ты, лев, зарычал!»²⁷, — *Мирабо* — получил своё образование в тюрьмах. Уж не являются ли поэтому тюрьмы высшими школами красноречия?

Если, несмотря на все духовные кордоны, немецкий дух стал способен на крупные предприятия, то было бы поистине княжеским предрассудком думать, что он достиг этого именно благодаря таможенным заставам и кордонам. Духовное развитие Германии совершалось не *благодаря* цензуре, а *вопреки* ей. Когда печать при цензурных условиях прозябает и влачит жалкое существование, то это приводится как аргумент против свободы печати, хотя это говорит только против несвободы печати. Если печать, несмотря на цензуру, сохраняет свои характерные, существенные черты, то и это приводится в пользу цензуры, хотя это говорит только в пользу духа, а не в пользу оков.

Вопрос об *«истинном, благородном развитии»*, впрочем, — дело особое.

Во времена строгого соблюдения цензуры, от 1819 до 1830 года (позднее, — если и не в «нашей Германии», то всё же в значительной части Германии, — цензура сама подпала под цензуру условий времени и необычных убеждений, сложившихся

^{*} — всегда гремевший голос. *Ред.*

в этот период), наша литература переживала *«стадию вечерних листков»*, которую с таким же правом можно назвать «истинной, благородной, живой и богато развитой», с каким редактор *«Abend-Zeitung»*, по фамилии *«Винклер»*, избрал себе забавным образом псевдоним *«Светлый»*, хотя в нём света было меньше, чем в блуждающем по ночам над болотами огонёк. Этот тёмный провинциал (*Krahwinkler*^{*}) с псевдонимом *«Светлый»* и представляет собой прототип тогдашней литературы. Тогдашний великий духовный пост докажет будущим поколениям, что если только немногие святые выдерживали пост в течение сорока дней, то вся Германия, даже не будучи святой, могла прожить более двадцати лет, не производя и не потребляя духовной пищи. Печать опустилась *до подлости*, и трудно сказать, что преобладало: недостаток ума над недостатком характера, отсутствие формы над отсутствием содержания — или наоборот. Для Германии, пожалуй, было бы выгоднее всего, если бы критике удалось доказать, что этот период никогда не существовал. Единственная область литературы, в которой тогда ещё билась живая жизнь, — *область философской мысли*, — перестала говорить по-немецки, потому что немецкий язык перестал быть языком мысли. Дух говорил непонятным, мистическим языком, ибо нельзя уже было говорить в понятных словах о том, понимание чего запрещалось.

А что касается примера *рейнской литературы*, — этот пример, на самом деле, имеет довольно близкое отношение к рейнскому ландтагу, — то можно было бы обойти с фонарём Диогена в руках все пять правительственных округов и нигде не встретить «подлинного человека». Мы это отнюдь не считаем недостатком Рейнской провинции, а скорее доказательством её практически-политического смысла. Рейнская провинция может создать *«свободную печать»*), но для *«несвободной»* ей не хватает ни ловкости, ни иллюзий.

Только что истекший литературный период, который мы можем назвать «литературным периодом строгой цензуры», служит, таким образом, очевидным, историческим доказательством того, что цензура, несомненно, нанесла жестокий и непростительный ущерб развитию немецкого духа и что она ни в коем случае не предназначена быть *magister bonarum artium*^{**}, как это кажется оратору. Или, может быть, под «благородной, истинной прессой» следует понимать такую, которая с благопристойным видом носит свои цепи?

^{*} Игра слов: Winkler — фамилия, «Krahwinkler» — «житель глухой провинции». *Ред.*

^{**} — учителем благородных искусств. *Ред.*

Если оратор «позволяет себе напомнить известную поговорку о мизинце и всей руке», то мы, наоборот, позволим себе спросить: не соответствует ли более всего достоинству правительства протянуть духу своего народа не *одну* только руку, а сразу обе руки?

Наш оратор, как мы видели, с небрежной важностью, с дипломатической трезвостью устранил вопрос об отношении цензуры к духовному развитию. Ещё решительнее он проявляет отрицательные стороны своего сословия в своих нападках на *исторически сложившиеся формы свободы печати*.

Что касается-де существования свободы печати у других народов, то

«Англия не может служить примером, так как в течение целых столетий там *исторически* складывались такие условия, которые не могли бы быть созданы искусственно при помощи теорий ни в какой другой стране, но которые находят своё обоснование *в своеобразном положении Англии*». «В Голландии свобода печати не сумела предохранить от *бремени государственного долга* и в значительной степени содействовала *возникновению революции*, результатом которой было отпадение половины территории».

Мы пока умалчиваем о Франции, чтобы вернуться к ней после.

«Наконец, находим ли мы в *Швейцарии* осчастливленное свободой печати Эльдorado? Разве мы не вспоминаем с *отвращением* грубые споры между партиями, наполнявшие газетные страницы, когда партии, в верном сознании своего ничтожного человеческого достоинства, *различались по названиям частей животного организма* — *рогатые, копытные* — и своей плоской руганью вызывали презрение у всех соседей!»

Английская печать не является-де доводом в пользу свободы печати вообще, *потому что* она покоится на *исторических основах*. Печать в Англии имеет заслуги *лишь* потому, что она развилась исторически, а не в качестве печати вообще, так как последняя-де должна была бы развиваться *без исторических основ*. Выходит, что это — заслуга истории, а не печати. Как будто печать не составляет также часть истории, как будто английской печати не приходилось при Генрихе VIII, Марии Католичке, Елизавете и Якове выдерживать жестокую и подчас варварскую борьбу, чтобы добыть английскому народу его исторические основы!

И разве не говорит это, наоборот, в пользу свободы печати, если английская печать, при наибольшей свободе, не подействовала разрушительно на исторические основы? Но оратор не отличается последовательностью.

Английская печать не является доводом *в пользу* печати вообще, *потому что* она — английская. Голландская печать является доводом *против* печати вообще, *хотя* она — только голландская. То все преимущества печати приписываются историческим основам, то все недостатки исторических основ приписываются печати. То печать не имеет своей доли участия в историческом прогрессе, то история не имеет своей доли участия в недостатках печати. Подобно тому как в Англии печать срослась с её историей и особенностями её положения, точно так же обстоит дело и в Голландии и в Швейцарии.

Что же должна делать печать в отношении исторических основ — отображать их, отбрасывать их или развивать? Оратор упрекает её и в одном, и в другом, и в третьем.

Он порицает *голландскую* печать *потому, что* она развилась *исторически*. Она должна была бы *задержать ход истории*, она должна была бы оградить Голландию от *бремени государственного долга*! Какое неисторическое требование! Голландская печать не могла задержать ход вещей в период Людовика XIV; голландская печать не могла помешать тому, чтобы английский флот при Кромвеле стал первым в Европе. Она не могла заколдовать океан, чтобы он избавил Голландию от злополучной роли — служить ареной сражений для воюющих континентальных держав; она не могла, — как и все германские цензоры, вместе взятые, — уничтожить деспотические декреты Наполеона.

Но разве когда-нибудь *свободная* печать умножала государственные долги? А когда во время регентства герцога Орлеанского вся Франция запуталась в бешеных биржевых спекуляциях Ло, — кто тогда выступил наперекор этому фантастическому периоду бури и натиска денежных спекуляций? Только несколько сатириков, которым, конечно, в награду за это достались не банковые билеты, а билеты в Бастилию.

Требование, чтобы печать предохраняла от *государственного долга*, если пойти ещё дальше, ведёт к тому, что печать должна уплачивать и долги отдельных лиц. Это требование напоминает того литератора, который не переставал сердиться на своего врача за то, что тот, правда, избавил его от болезни, но не избавил заодно его произведений от опечаток. Свобода печати, подобно врачу, не обещает совершенства ни человеку, ни народу. Она сама не является совершенством. Довольно пошлая манера — поносить какое-либо благо за то, что оно — определённое благо, а не совокупность всех благ сразу, что оно — *именно это*

благо, а не какое-либо другое. Конечно, если бы свобода печати представляла собой всё и вся, она сделала бы излишними все остальные функции народа и даже самый народ.

Оратор вменяет голландской печати в вину *бельгийскую революцию*.

Ни один человек с некоторым историческим образованием не станет отрицать, что отделение Бельгии от Голландии было в несравненно большей степени *историческим событием*, чем их соединение.

Голландская печать вызвала-де бельгийскую революцию. Какая печать? Прогрессивная или реакционная? Такой же вопрос мы можем поставить и относительно Франции; и если оратор порицает клерикальную бельгийскую печать, которая в то же время была демократической, то он точно так же должен порицать и французскую клерикальную печать, которая в то же время была сторонницей абсолютизма. И та и другая содействовали ниспровержению своих правительств. Во Франции не свобода печати, а цензура подготовила почву для революции.

Но оставим это в стороне. Мы знаем, что бельгийская революция *проявилась* вначале как духовная революция, как революция печати. Вне этих рамок утверждение, будто пресса породила бельгийскую революцию, не имеет никакого смысла. Но разве это заслуживает порицания? Разве революция уже с самого начала должна выступать в *материальной форме*? Разве она уже с самого начала бьёт, а не говорит? Правительственная власть может материализовать духовную революцию; материальная революция должна прежде всего одухотворить правительственную власть.

Бельгийская революция есть продукт бельгийского духа. Поэтому и печать, — самое свободное в наши дни проявление духа, — принимала участие в бельгийской революции. Бельгийская печать не была бы бельгийской печатью, если бы она стояла в стороне от революции, но точно так же бельгийская революция не была бы бельгийской, если бы она в то же время не была революцией печати. Революция народа *целостна*; т. е. революция совершается по-своему в каждой области; почему же это не должно быть применимо к печати как таковой?

Оратор порицает, таким образом, в бельгийской печати не печать, *он порицает Бельгию*. И здесь мы обнаруживаем центральный пункт его исторического обзора свободы печати. *Народный* характер свободной печати, — как известно, и художник не пишет больших исторических полотен акварелью, —

историческая индивидуальность свободной печати, то, что придаёт ей своеобразный характер, делает её выражением определённого народного духа, — всё это не по душе оратору из княжеского сословия. Он даже предъявляет требование к печати различных наций, чтобы она была печатью, выражающей *его* взгляды, печатью *haute volée*^{*}, и чтобы она вращалась вокруг отдельных личностей, а не вокруг духовных светил — вокруг наций. В критике, которой он подвергает *швейцарскую печать*, это требование выступает в неприкрытом виде.

Пока мы позволим себе задать один вопрос. Почему не вспомнил оратор, что швейцарская пресса, в лице Альбрехта фон Галлера, выступила против вольтеровского просвещения? Почему он не помнит, что если Швейцария и не Эльдorado, то всё же она произвела также пророка будущего княжеского Эльдorado, а именно ещё одного господина фон Галлера, который в своей «Реставрации науки о государстве» заложил основу для «более благородной, истинной» печати, для «*Berliner politisches Wochenblatt*»²⁸? Дерево познаётся по его плодам. И какая ещё земля в мире могла бы похвалиться тем, что она, подобно Швейцарии, произвела плод столь сочного легитимизма?

Оратор ставит в вину *швейцарской прессе*, что она пользуется «зоологическими названиями партий», вроде «рогатых» и «копытных», одним словом, что она говорит *по-швейцарски* и со *швейцарцами*, живущими в патриархальном соседстве с быками и коровами. *Пресса этой страны есть пресса именно этой страны*. Только это и можно сказать. Но вместе с тем именно свободная пресса выводит людей за тесные рамки местного партикуляризма, как это опять-таки доказывает швейцарская пресса.

О *зоологических названиях партий* мы, в частности, должны заметить, что сама религия возводит *животное* в символ духовного. Наш оратор, конечно, осудит ту *индийскую* прессу, которая в религиозном экстазе поклонялась корове Сабале и обезьяне Гануману. Он поставит индийской прессе в вину индийскую религию, как он швейцарской прессе ставит в вину швейцарский характер. Но есть пресса, которую он едва ли захочет подчинять цензуре, — мы имеем в виду *священную прессу* — *библию*. А разве она не делит всё человечество на две большие партии — *козлиц* и *овец*? Разве сам бог не характеризует следующим образом своё отношение к коленам Иуды

* — высшего света. *Ред.*

и Израиля: «Для колена Иуды я — *моль*, а для колена Израиля — *червь*»? Или, — что для нас, мирян, ближе, — разве нет *княжеской литературы*, которая превращает всю *антропологию* в *зоологию*? Мы имеем в виду *геральдическую* литературу. Там встречаются ещё большие курьёзы, чем партии «рогатых» и «копытных».

Что же, собственно, порицал оратор в свободе печати? *То, что недостатки народа вместе с тем составляют и недостатки его печати*, что она есть смелый язык исторического народного духа, его раскрытый образ. Доказал ли он, что на *немецкий народный дух* эта великая, естественная привилегия не распространяется? Он показал, что каждый народ проявляет *свой дух* в *своей* прессе. Неужели же философски образованный дух немцев должен быть лишён того, что, по собственному уверению оратора, можно встретить у швейцарцев, закосневших в своих зоологических представлениях?

Думает ли, наконец, оратор, что *национальные* недостатки свободной печати не являются также и *национальными недостатками цензоров*? Разве цензоры изъяты из исторического целого, остаются не затронутыми духом времени? К сожалению, это, может быть, и так. Но какой же здравомыслящий человек не простит скорее печати грехи нации и времени, чем цензуре — грехи против нации и времени?

Мы уже вначале заметили, что в лице различных ораторов, полемизирующих против свободы печати, полемизирует их *особое сословие*. Оратор из княжеского сословия привёл сначала *дипломатические* основания. Он доказывал неправомерность свободы печати, исходя из *княжеских убеждений*, довольно ясно выраженных в законах о цензуре. Он думает, что благородное, истинное развитие немецкого духа *вызвано* стеснениями сверху. Он, наконец, полемизировал *против народов* и, преисполненный благородного негодования, отверг свободу печати как неделикатный, нескромный язык народа, обращённый им к самому себе.

Оратор из дворянского сословия, к которому мы теперь переходим, полемизирует не против народов, а против людей. В *свободе печати* он оспаривает *человеческую свободу*, в *законе о печати* — *закон*. Прежде чем заняться собственно вопросом о свободе печати, он касается вопроса *о ежедневном печатании дебатов ландтага в несокращённом виде*. Мы последуем за ним шаг за шагом.

«Первое из внесённых предложений, касающееся *опубликования наших дебатов*, удовлетворено». «*Всецело во власти ландтага разумно использовать предоставленное разрешение*».

Вот это именно и есть *punctum quaestionis**. Провинция думает, что ландтаг всецело в её власти с того самого момента, как опубликование дебатов ландтага не предоставлено более произволу его мудрости, а стало необходимым требованием закона. Мы должны были бы назвать эту новую уступку новым шагом назад, если бы пришлось толковать её в том смысле, что печатание будет зависеть от произвола сословного собрания.

Привилегии сословного собрания — это не права провинции. Скорее, наоборот, — права провинции перестают существовать с того именно момента, когда они становятся привилегиями сословного собрания. Так, например, сословия в средние века сосредоточили в своём лице все права страны и обратили их в качестве привилегий против страны.

Гражданин не признаёт прав, существующих в виде привилегий. Может ли он рассматривать как право прибавление новых привилегированных к прежнему кругу привилегированных?

Права ландтага в таком случае не являются более *правами провинции, а правами против провинции*, и самый ландтаг становится воплощением *наибольшего бесправия, обращённого против провинции*, притязая при этом на мистическое значение — на ореол величайшего её права.

Следя далее за речью *оратора из дворянского сословия*, мы увидим, насколько он проникся этим *средневековым* взглядом на ландтаг, как бесцеремонно он защищает привилегию сословия против права страны.

«Более широкое использование этого разрешения» (публикации дебатов) «может проистекать только из *внутреннего* убеждения, а не из *внешних* воздействий».

Какой неожиданный ход мысли! Воздействие провинции на её ландтаг считается чем-то *внешним*, и этому воздействию противопоставляется, как *утончённое внутреннее чувство*, убеждение сословного собрания, необыкновенно впечатлительная натура которого взывает к провинции: *Noli me tangere!*** Эта пустая элегическая фраза о «*внутреннем убеждении*», в противовес резкому, внешнему, недозволенному северному ветру «общественного убеждения», тем более достойна внимания, что внесённое предложение как раз имеет целью придать внутреннему убеждению сословного собрания внешнее выражение. Но и здесь, конечно, обнаруживается непоследовательность. Там, где это оратору кажется подходящим, — в вопросе о *церковных* спорах, — он апеллирует к провинции.

* — суть вопроса. *Ред.*

** — Не тронь меня! *Ред.*

«Мы», — продолжает оратор, — «*допустим её*» (публикацию дебатов) «там, где мы считаем это целесообразным, и *ограничим её* там, где распространение её кажется *нам* бесцельным или *даже* вредным».

Мы будем делать то, что *мы* захотим. Sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas*. Это — поистине язык повелителей, который приобретает умильный оттенок в устах современного вельможи.

Кто это «мы»? *Сословное собрание*. Опубликование дебатов предназначается для провинции, а не для сословий. Но оратор наставляет нас на путь истинный. Печатание протоколов также является *привилегией* сословного собрания, которое имеет право, — если ему это заблагорассудится, — поставить на службу своей мудрости многоголосое эхо печатного станка.

Оратор знает только провинцию сословного собрания, но не знает сословного собрания провинции. Сословное собрание имеет провинцию, на которую простирается привилегия его деятельности, но провинция не имеет такого сословного собрания, посредством которого она могла бы проявить свою деятельность. Правда, провинция имеет право, при заранее предписанных условиях, сотворить себе этих богов, но, сотворив их, она тотчас же, подобно идолопоклоннику, должна забыть, что эти боги — дело её рук.

Тут становится среди прочего непонятным также и то, почему *монархия без ландтага* не лучше, чем *монархия с ландтагом*: раз ландтаг не является представителем воли провинции, то мы к публичному разуму правительства питаем больше доверия, чем к частному разуму землевладения.

Мы имеем здесь перед собой удивительное зрелище, отражающее, может быть, самую суть ландтага: провинции приходится бороться не столько через своих представителей, сколько против них. Судя по выступлению оратора, ландтаг не рассматривает общие права провинции как единственные свои привилегии, ибо в таком случае ежедневное печатание, в несокращённом виде, протоколов ландтага составило бы лишь новое право ландтага, — ведь оно явилось бы новым правом страны. Оратор же, напротив, хочет, чтобы страна рассматривала привилегии сословного собрания как свои единственные права, — но почему бы в таком случае не привилегии какого-нибудь класса чиновников, дворянства или духовенства!

Более того, наш оратор совершенно открыто заявляет, что привилегии сословного собрания уменьшаются в той мере, в какой увеличиваются права провинции.

* — Я так хочу, так приказываю, — воля заменяет разумные доводы. *Ред.*

«Насколько *ему* кажется желательным, чтобы *здесь, в собрании*, имела место *свобода обсуждения* и не приходилось робко взвешивать каждое слово, настолько же необходимо, по его мнению, для *сохранения этой свободы слова* и *этого непринуждённого характера* речей, чтобы *слова наши* в данное время обсуждались лишь теми, для кого они *предназначены*».

Именно потому, что свобода дискуссии в нашем собрании, включает оратор, является желательной, — а какие свободы нам нежелательны в тех случаях, когда речь идёт о нас? — именно поэтому свобода дискуссии в провинции является нежелательной. Ввиду того, что нам желательно говорить *непринужденно*, ещё более желательно держать провинцию в плену тайны. *Наши слова не предназначены* для провинции.

Нужно воздать должное тому такту, который подсказал оратору, что печатание дебатов в несокращённом виде превратило бы ландтаг из привилегии сословного собрания в право провинции, что, сделавшись непосредственным объектом общественного духа, ландтаг должен был бы решиться стать воплощением общественного духа, что, будучи вынесен на свет всеобщего сознания, он должен был бы отказаться от своей особой сущности в пользу всеобщей.

Но если дворянский оратор выдаёт личные привилегии, индивидуальные свободы, противостоящие народу и правительству, за всеобщие права, — очень метко выражая этим, бесспорно, исключительный дух своего *сословия*, — то, напротив, дух провинции он толкует самым превратным образом, превращая её всеобщие требования в личные прихоти.

Так, оратор, повидимому, приписывает провинции какое-то нескромное любопытство чисто личного характера к *нашим словам* (т. е. к словам отдельных представителей сословий).

Мы можем уверить его, что провинция отнюдь не интересуется «словами» представителей сословий как отдельных личностей, а ведь только «такие» слова они справедливо могут называть «своими». Провинция, напротив, требует, чтобы слова представителей сословий превратились в публичный, повсюду слышный, голос страны.

Здесь речь идёт о том, должна ли провинция *знать свое представительство* или нет! Должно ли к таинству правительства присоединиться ещё и новое таинство — представительства? Но так народ представлен и в правительстве. Новое представительство народа в лице сословного собрания было бы, следовательно, лишено всякого смысла, если бы специфический характер этого представительства не заключался именно в том, **что** здесь не другие действуют за провинцию, а, напротив, действует она сама; не другие представительствуют вместо неё,

а она сама себя представляет. Представительство, существующее оторвано от сознания представляемых, не есть представительство. О чём не знаешь, о том и не тужишь. Бессмысленное противоречие состоит здесь в том, что функция государства, преимущественно выражающая собой *самодетельность* отдельных провинций, оказывается совершенно изъятой из сферы даже их *формального* содействия — их *осведомлённости*; это бессмысленное противоречие состоит в том, что моя самодетельность заключается в неизвестной мне деятельности другого.

Но такая публикация протоколов ландтага, которая предоставлена произволу сословного собрания, хуже, чем полное отсутствие публикации. Ведь если ландтаг выступает перед нами не таким, каким он является в действительности, а таким, каким он хочет казаться, то и мы рассматриваем его как то именно, за что он себя выдаёт, — как простую видимость, — и дело обстоит весьма плохо, когда видимость получает узаконенное существование.

Но разве *опубликование* дебатов, хотя бы даже ежедневное и несокращённое, можно называть действительно *несокращённым* и *публичным*? Разве замена живых слов письменным изложением, лиц — схемами, действительных действий — бумажными не есть сокращение? Разве публичность состоит лишь в том, что *действительное* дело сообщается публике, а не в том, что оно сообщается *действительной* публике, т. е. не воображаемой, состоящей из читателей публике, а живой, тут же присутствующей?

Нет ничего более противоречивого, чем то, что *наивысшая публичная* функция провинции является тайной, что в частных процессах двери суда открыты для провинции, а в своём собственном процессе она должна оставаться за дверью.

Несокращённая публикация протоколов ландтага, в её подлинном и последовательном смысле, не может быть чем-либо иным, как *полной публичностью деятельности ландтага*.

Наш оратор, наоборот, продолжает рассматривать ландтаг как своего рода клуб.

«На основе *многолетнего знакомства друг с другом* у большинства из нас сложились *хорошие личные отношения*, чему не мешает даже самое большое различие во взглядах. Эти отношения *переносятся по наследству* на вновь вступающих».

«И именно поэтому мы по большей части в состоянии правильно оценивать *значение наших слов*, и мы это будем делать с тем большей непринуждённостью, чем меньше будем допускать воздействие *внешних влияний*, которое лишь тогда может быть полезно, когда оно служит нам поддержкой в виде *благожелательного совета*, а не стремится в форме *безапелляционного суждения*, похвалы или порицания, повлиять через *общественное мнение* на нашу личность».

Наш оратор апеллирует к чувству.

Мы встречаемся по-семейному, весьма непринуждённо беседуем между собой, очень верно *оцениваем слова друг друга*; так неужели же нам следует нарушить наше столь патриархальное, столь почтенное, столь удобное положение, подчиняясь суждениям провинции, которая, может быть, придаст меньше значения нашим словам?

Помилуй бог! Ландтаг не переносит света. Во мраке частной жизни мы чувствуем себя лучше. Если вся провинция настолько доверчива, что вверяет свои права отдельным лицам, то эти отдельные лица, конечно, настолько снисходительны, что принимают доверие провинции, но было бы настоящим сумасбродством требовать, чтобы они отплатили той же монетой и с полным доверием отдали самих себя, свои труды, свою личность на суд той самой провинции, которая только что — самым фактом своего доверия — высказала о них своё суждение. Во всяком случае, гораздо важнее, чтобы провинция не нанесла ущерба личности представителей сословий, нежели то, чтобы эти представители не нанесли ущерба интересам провинции.

Мы хотим-де быть также справедливыми и милостивыми. Мы, — а ведь мы составляем нечто вроде правительства, — не разрешаем, правда, никакой отрицательной критики, похвалы или порицания, не разрешаем общественному мнению иметь влияние на нашу *persona sacrosancta**. Но мы разрешаем *благожелательный совет* — не в том абстрактном смысле, что он имеет своим намерением благо страны, а в том, более определённо звучащем смысле, что он выражает восторженную нежность к представителям сословий, особо высокое мнение об их превосходных качествах.

Можно было бы, пожалуй, подумать, что если гласность вредна для наших добрых отношений, то наши добрые отношения должны быть вредны для гласности. Но эта софистика забывает, что ландтаг есть собрание представителей сословий, а не собрание представителей провинции. И кто мог бы устоять против такого совершенно неотразимого аргумента? Получается, что если провинция, согласно государственным установлениям, выбирает представителей сословий, которые должны *представлять её всеобщий разум*, то она тем самым совершенно отказывается от *собственного суждения* и собственного разума, воплощённых отныне целиком в избранных ею лицах. В легендах рассказывается, что великие изобретатели предавались смерти,

* — священную особу. *Ред.*

либо же — что отнюдь не легенда — заживо замуровывались в крепостях, как только они открывали свой секрет властелину. Подобно этому и политический разум провинции бросается на собственный меч всякий раз, когда он осуществляет своё великое изобретение — созыв сословного собрания, — для того, правда, чтобы вновь, как феникс, возродиться к следующим выборам.

После этого надоедливо-чувствительного описания всех опасностей, которыми опубликование протоколов угрожает представителям сословий извне, т. е. со стороны провинции, оратор заканчивает свою диатрибу *основной* своей мыслью, которую мы проследили через всю его речь.

«*Парламентская свобода*», — очень благозвучное выражение, — «находится ещё в первоначальной стадии своего развития. Её ещё следует *охранять* и *воспитывать*, дабы она приобрела ту *внутреннюю* силу и *самостоятельность*, которые безусловно необходимы для того, чтобы она без ущерба для себя могла подвергаться *внешним* бурям».

Опять старая, роковая противоположность между ландтагом, как чем-то *внутренним*, и провинцией, как чем-то *внешним*.

Мы, признаться, давно уже придерживаемся такого мнения, что *парламентская свобода* находится ещё в самом зачаточном состоянии, и разбираемая речь нас опять убедила, что *primitiae studiorum** в политических науках ещё не усвоены. Но мы этим ни в коем случае не хотим сказать, — и разбираемая речь опять-таки подтверждает наше мнение, — что и впредь следует предоставлять ландтагу, закостеневшему в своей обособленности, возможность *противопоставлять* себя провинции. Может быть, оратор под *парламентской свободой* понимает свободу *старых французских* парламентов. По его собственному признанию, между сословными представителями установилось *многолетнее* знакомство, их дух, как *наследственная болезнь*, передаётся всем *homines novi***, и при этом всё ещё не настало время для гласности? Двенадцатый ландтаг ответит, пожалуй, так же, как и шестой, и разве только более решительно подчеркнёт, что он-де *слишком* независим, чтобы позволить вырвать у себя *благородную привилегию тайного ведения своих дел*.

Конечно, развитие *парламентской* свободы в старофранцузском духе, самостоятельность, противопоставляющая себя общественному мнению, застой кастового духа, — всё это

* — начатки знаний. *Ред.*

** — новым людям. *Ред.*

наиболее основательно развивается при изоляции; но предостережение от опасности, что так именно пойдёт дальнейшее развитие, никогда не может быть преждевременным. Политическое собрание в истинном смысле этого слова может процветать только под верховным покровительством *общественного духа*, как всё живое — под благотворным действием *свободного притока воздуха*. Только «экзотические» растения, — растения, перенесённые в чуждый им климат, — нуждаются в *тепличной обстановке*. Неужели оратор рассматривает ландтаг как «экзотическое» растение среди привольной и весёлой природы Рейнской провинции?

При виде того, как оратор из дворянского сословия с почти комической серьёзностью, с почти меланхолическим достоинством и с чуть ли не религиозным пафосом развивает постулат о *высокой мудрости* сословного собрания, а также о его средневековой *свободе и независимости*, — при виде этого непосвящённый удивится, что в вопросе о *свободе печати* тот же оратор с высот мудрости *ландтага* спускается в область обычного *неразумия человеческого рода*, что от только что превознесённой независимости и свободы привилегированных сословий он переходит к *принципиальной несвободе и несамостоятельности человеческой природы*. Нас несколько не удивляет, что мы столкнулись здесь с одним из многочисленных в наши дни представителей христианско-рыцарского, современно-феодального, одним словом, романтического принципа.

Эти господа хотят возвеличить свободу не как естественный дар всеобщего, ясного света разума, а как сверхъестественный дар особо благоприятного сочетания звёзд. Так как они рассматривают свободу только как *индивидуальное свойство* отдельных лиц и сословий, то они неизбежно приходят к выводу, что всеобщий разум и всеобщая свобода относятся к разряду *вредных идей* и фантасмагорий «*логически построенных систем*», Желая спасти частные свободы привилегии, они осуждают всеобщую свободу человеческой природы. Но злое исчадие девятнадцатого века, да и собственное сознание современных рыцарей, заражённое ядом этого века, не может понять того, что само по себе непонятно, так как не содержит в себе понятия, — а именно: каким образом внутренние, существенные, общие атрибуты оказываются связанными с известными человеческими индивидами посредством внешних, случайных, частных моментов, не будучи в то же время связанными с существом человека, с разумом вообще, не будучи, следовательно, общими для всех людей; не понимая этого, они по необходимости прибегают к *чуду* и к *мистике*. Так как, далее,

действительное положение этих господ в современном государстве далеко не соответствует тому представлению, которое они имеют о своём положении; так как они живут в мире, лежащем *по ту сторону действительного мира*; так как *сила воображения* заменяет им ум и сердце, — они, неудовлетворённые практикой, по необходимости прибегают к теории, но к *теории потустороннего мира, к религии*. Однако религия приобретает у них полемическую, проникнутую политической тенденциозностью ядовитость и становится, более или менее сознательно, покровом святости для весьма мирских, но вместе с тем и весьма фантастических, возделений.

Так, мы увидим, что наш оратор противопоставляет практическим требованиям мистически-религиозную теорию воображения, действительным теориям — мелочно-рассудочную, делячески-изворотливую, заимствованную из самой поверхностной практики мудрость житейского опыта; человечески-понятному он противопоставляет сверхчеловеческие святыни, а действительной святости идей — произвол и неверие низменной точки зрения. Более аристократический, более небрежный, а потому и более трезвый язык оратора из княжеского сословия сменяется здесь патетической взвинченностью и фантастически-экзальтированной елейностью, которые в княжеской речи отступали на задний план перед пафосом привилегии.

«Чем менее можно отрицать, что печать в настоящее время представляет собой политическую силу, тем ошибочнее кажется ему столь же широко распространённый взгляд, будто *из борьбы между хорошей и дурной печатью* рождаются истина и свет, а также надежда на более широкое и более действенное распространение последних. *Человек в отдельности, как и в массе, — всегда один и тот же. По своей природе он несовершенен, и незрел* и нуждается в *воспитании* до тех пор, пока продолжается *его развитие*, прекращающееся только с его *смертью*. А искусство воспитания заключается не в наказании за недозволенные действия, а в содействии хорошему влиянию и в устранении дурных. Но в силу этого *человеческого несовершенства то пение сирен*, к которому прибегает *всё дурное*, оказывает мощное воздействие на массы и является, если и не абсолютным, то, во всяком случае, трудно преборимым препятствием для простого и трезвого голоса истины. *Дурная печать* обращается только к человеческим страстям, она не брезгает ни одним средством, лишь бы достичь, путём возбуждения страстей, *своей цели — возможно более широкого распространения дурных принципов и возможно большего поощрения дурных умонастроений*; к её услугам все преимущества опаснейшего из всех *наступательных* действий, для которого объективно не существует границ права, а субъективно — законов нравственности, более того, не существует и законов формальной чести. Иное дело — *хорошая печать*; она всегда ограничивается одной *лишь оборонительной тактикой*. Влияние её чаще всего — *оборонительного, сдерживающего и укрепляющего* характера; она не может похвалиться значительными успехами на территории противника. Хорошо ещё, если внешние препятствия не мешают этому её влиянию».

Мы привели эту тираду целиком, чтобы как-нибудь не ослабить возможного воздействия её патетического тона на читателя.

Оратор поднялся *à la hauteur des principes**. Тому, кто борется против *свободы печати*, нужно защищать тезис о *вечной незрелости* человеческого рода. Утверждение: если несвобода составляет сущность человека, то свобода противоречит его сущности, — представляет собой чистую тавтологию. Что, если злые скептики осмелятся не поверить оратору на слово?

Если незрелость человеческого рода есть мистический довод против свободы печати, то цензура, во всяком случае, — в высшей степени реальное средство против зрелости рода человеческого.

Всё, что развивается, — несовершенно. Развитие кончается только со смертью. В таком случае было бы весьма последовательно прикончить человека, дабы избавить его от этого состояния несовершенства. Так, по крайней мере, рассуждает оратор, желая прикончить свободу печати. Для него настоящее воспитание состоит в том, чтобы держать человека всю жизнь в пелёнках, — ибо, учась ходить, человек учится и падать, и, только падая, он учится ходить. Но если мы все будем оставаться в пелёнках, то кто же будет нас пеленать? Если мы все будем лежать в колыбели, то кто же будет нас качать? Если мы все будем арестантами, то кто же будет тюремщиком?

Человек по природе своей несовершенен как в отдельности, так и в массе. *De principiis non est disputandum*** . Пусть так! Но что из этого следует? Рассуждения нашего оратора несовершенны, правительства несовершенны, ландтаги несовершенны, свобода печати несовершенна, всякая сфера человеческого существования несовершенна. Если, следовательно, хоть одна из них не должна существовать в силу этого несовершенства, то выходит, что нет среди них ни одной, которая имела бы право существовать, выходит, что человек вообще не имеет права на существование.

Если предположить принципиальное несовершенство человека, — допустим на минуту, что это так, — тогда мы относительно всех человеческих учреждений заранее знаем, что они несовершенны. На эту тему, стало быть, нечего распространяться, это не говорит ни за них, ни против них, это не их *специфический характер*, не их отличительный признак.

Почему среди всех этих несовершенств именно свободная печать должна быть совершенной? Почему несовершенное сословное собрание требует совершенной прессы?

* — на высоту принципов. *Ред.*

** — О принципах не спорят. *Ред.*

Несовершенное нуждается в воспитании. Но разве воспитание не есть человеческое дело, следовательно, несовершенное дело? Разве воспитание не нуждается само в воспитании?

Но если даже допустить, что всё человеческое в силу *того уже, что оно существует*, несовершенно, то разве отсюда следует, что мы должны всё свалить в одну кучу, всё чтить одинаково высоко — добро и зло, истину и ложь? Единственно верный вывод из этого заключается в следующем: подобно тому, как при рассматривании картины необходимо оставить то место, с которого на картине видны только пятна, а не краски, только беспорядочно переплетающиеся линии, а не рисунок, — подобно этому необходимо оставить и ту точку зрения, с которой мир и человеческие отношения видны только с их внешней стороны. Необходимо признать эту точку зрения негодной для суждения о ценности вещей, — может ли служить мне основой для правильного суждения и различения такой взгляд на мир, который сводится к плоскому представлению о том, что всё существующее несовершенно? Эта точка зрения есть самое несовершенное из всех несовершенств, которые она только и видит вокруг себя. Мы должны поэтому оценивать бытие вещей с помощью мерил, которое даётся сущностью внутренней идеи; ссылки же на односторонний и тривиальный опыт тем менее должны вводить нас в заблуждение, что при такой точке зрения, отпадает всякий опыт, всякое суждение: все кошки оказываются серыми.

С точки зрения идеи понятно само собой, что свобода печати имеет совсем другое оправдание, чем цензура, так как свобода печати сама есть воплощение идеи, воплощение свободы, есть положительное добро; цензура, напротив, есть воплощение несвободы, есть борьба мировоззрения видимости против мировоззрения сущности, она имеет лишь отрицательную природу.

Нет! нет! нет! — восклицает, прерывая нас, оратор. — Я порицаю не явление, я порицаю сущность. Свобода есть самое нечестивое, что есть в свободе печати. Свобода даёт возможность творить зло, поэтому свобода — зло.

Злая свобода!

В роще тенистой её он убил
И труп её в Рейне, в глуби, потопил²⁹.

Но

Мой владыка и учитель,
Выслушай меня спокойно!³⁰

Разве в стране цензуры нет уже вовсе никакой свободы печати? Печать вообще есть осуществление человеческой свободы. Следовательно, там, где есть печать, есть и свобода печати.

В стране цензуры государство, правда, не пользуется свободой печати, но один из органов государства ею всё-таки пользуется — *правительство*. Не говоря уже о том, что официальные произведения правительства пользуются полной свободой печати, разве цензор не практикует ежедневно безусловную свободу печати, если не прямо, то косвенно?

Писатели, так сказать, — секретари цензора. Если секретарь не сумел выразить мнение начальника, последний просто зачёркивает негодное произведение. Цензура, стало быть, творит эту печать.

Цензорские перечеркивания представляют для печати то же самое, что прямые линии — гуа³¹ — китайцев для мышления. Гуа цензора — категории литературы, а категория, как известно, это — существенное, типическое во всём многообразии содержания.

Свобода настолько присуща человеку, что даже её противники осуществляют её, борясь против её осуществления; они хотят присвоить себе как драгоценнейшее украшение то, что они отвергли как украшение человеческой природы.

Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право.

Только теперь вопрос этот получил *правильную постановку*. Вопрос не в том, должна ли существовать свобода печати, — она всегда существует. Вопрос в том, составляет ли свобода печати привилегию отдельных лиц или же она есть привилегия человеческого духа. Вопрос в том, должно ли то, что по отношению к одной стороне есть право, стать бесправием по отношению к другой стороне. Не имеет ли «свобода духа» больше прав, чем «свободы, направленные против духа»?

Но если следует отвергнуть «свободную печать» и «свободу печати» как осуществление «всеобщей свободы», то тем более следует отвергнуть цензуру и подцензурную печать как осуществление *особой свободы*, — ибо может ли годиться вид, когда негоден род? Если бы оратор был последователен, он должен был бы отвергнуть не свободную печать, а печать вообще. Согласно его взгляду, печать только тогда была бы хороша, если бы она не была продуктом свободы, т. е. не была бы продуктом

человеческой деятельности. На печать, следовательно, имели бы право либо только *животные*, либо *боги*.

Или, может быть, мы должны — оратор не осмеливается это высказать прямо — приписать правительству, да и ему самому, *божественное откровение*?

Если частное лицо возомнит о себе, что ему присуще божественное откровение, то в нашем обществе только один оппонент может официально его опровергнуть — *психиатр*.

Но *английская история* достаточно ясно показала, как идея божественного откровения свыше порождает противоположную идею о божественном откровении снизу: Карл I взойшёл на эшафот благодаря божественному откровению снизу.

Правда, наш оратор из дворянского сословия, продолжая свои рассуждения, изображает, как мы услышим далее, цензуру и свободу печати, подцензурную печать и свободную печать, в виде *двух зол*, но он ещё не доходит до того, чтобы признать печать вообще *злом*.

Наоборот! Он делит всю печать на «хорошую» и «дурную» печать.

Про *дурную* печать он нам рассказывает невероятные вещи: целью её, утверждает он, являются *злонравие* и распространение этого *злонравия*. Не будем касаться того, что оратор считает нас слишком легковверными, когда требует, чтобы мы верили ему на слово, будто существует *злонравие как профессия*. Мы напомним ему только его аксиому насчёт несовершенства всего человеческого. Не вытекает ли отсюда тот вывод, что и дурная печать не есть совершенно дурная, т. е. что она является хорошей, а хорошая не есть совершенно хорошая, т. е. что она является дурной?

Но оратор показывает нам обратную сторону медали. Он утверждает, что дурная печать лучше хорошей, так как дурная постоянно находится, по его собственному мнению, в положении *наступающей*, хорошая же — в положении *обороняющейся*. Но он сам ведь сказал, что *развитие* человека кончается только с его *смертью*. Правда, этим он сказал немного, не сказал ничего кроме того, что жизнь кончается со смертью. Если же жизнь человека есть развитие, а хорошая печать всегда находится в положении обороняющейся, «только даёт отпор, сдерживает и укрепляет», то разве этим она не оказывает непрерывное сопротивление развитию, а стало быть, и жизни? Следовательно, либо эта хорошая оборонительная печать дурна, либо развитие есть зло. Таким образом, утверждение оратора, что цель «дурной печати заключается в возможно более широком распространении дурных принципов и в возможно большем поощре-

нии дурных умонастроений» — это утверждение перестаёт быть мистически невероятным, получив теперь рациональное толкование: зло дурной печати заключается в наиболее широком распространении принципов и в поощрении умонастроений.

Взаимоотношение между хорошей и дурной печатью становится ещё более странным, когда оратор нас уверяет, что хорошая печать *бессильна*, а дурная *всесильна*, ибо первая не имеет влияния на народ, вторая же производит неотразимое влияние. Для оратора хорошая печать и бессильная печать тождественны. Не хочет ли он сказать, что хорошее есть бессильное или что бессильное есть хорошее?

Пению сирен дурной печати он противопоставляет трезвый голос хорошей. А ведь трезвым голосом можно петь лучше всего и с наибольшим эффектом. Но оратору, очевидно, знаком только чувственный жар страсти, он не знает горячей страсти к истине, победоносного энтузиазма разума, неотразимого пафоса нравственных сил.

К умонастроениям дурной печати он относит «гордыню, не признающую никакого авторитета за церковью и государством», «зависть», проповедующую уничтожение аристократии, и многое другое, к чему мы ещё вернёмся. Пока же мы ограничимся вопросом: на каком основании оратор выделяет указанные учреждения как добро? Если всеобщие силы жизни дурны, — а мы только что слышали, что зло всемогуще и одно лишь действует на массы, — то спрашивается, *кто* и *что* вправе выдавать себя за воплощение добра? Ведь утверждение, что моя индивидуальность есть добро, что те немногие личности, которые соответствуют моей индивидуальности, являются также воплощением добра, — ведь это утверждение чрезвычайно высокомерно, и злая, дурная печать никак не хочет признать его! Дурная печать!

Если оратор с самого начала превратил нападки на свободу печати в нападки на свободу вообще, то теперь они превращаются у него в нападки на добро. Его страх перед злом оказывается страхом перед добром. В основание цензуры он кладёт, следовательно, признание зла и отрицание добра. В самом деле, разве я не презираю того человека, которому заранее говорю: противник твой должен победить в борьбе, потому что ты хоть и весьма трезвый парень и прекрасный сосед, но в герои совершенно не годишься; хотя ты и освятил своё оружие, но ты не умеешь им владеть; хотя мы оба — и я и ты — вполне убеждены в твоём совершенстве, но мир никогда не будет разделять этого убеждения; пусть дело и неплохо обстоит в отношении твоих намерений, но весьма плохо — в отношении твоей энергии.

Хотя устанавливаемое оратором деление печати на хорошую и дурную делает излишними всякие дальнейшие возражения, так как оно запутывается в своих собственных противоречиях, всё же мы не должны упускать из виду главного, а именно, что оратор совершенно неправильно ставит вопрос и в качестве основания приводит то, что он ещё должен обосновать.

Если хотят говорить о двух видах печати, то это различие следует выводить из самой сущности печати, а не из соображений, лежащих вне её. Подцензурная печать или свободная печать, — одна из этих двух должна быть хорошей или дурной печатью. Ведь о том и идёт спор, какая именно печать хороша — подцензурная или же свободная печать, т. е. соответствует ли сущности печати свободное или же несвободное бытие. Выставлять дурную печать как довод против свободной печати значит утверждать, что свободная печать дурна, а подцензурная хороша, — но ведь это-то как раз и нужно было доказать.

Низменный образ мыслей, личные дрызги, гнусности могут иметь место как в подцензурной, так и в свободной печати. То обстоятельство, что как та, так и другая приносят отдельные плоды того или иного вида, не составляет, следовательно, их родового отличия. И на болоте растут цветы. Здесь дело идёт о той сущности, о том внутреннем характере, которыми отличаются друг от друга подцензурная печать и печать свободная.

Та свободная печать, которая дурна, не соответствует характеру своей сущности. Подцензурная же печать в своём лицемерии, бесхарактерности, в присущем ей языке кастрата, в своём собачьем вилянии проявляет только внутренние условия своей сущности.

Подцензурная печать остаётся дурной, даже когда она приносит хорошие плоды, ибо плоды эти хороши лишь постольку, поскольку они внутри подцензурной печати служат проявлением свободной печати и поскольку для них не характерно то обстоятельство, что они оказались плодами подцензурной печати. Свободная печать остаётся хорошей, даже если она приносит дурные плоды, ибо эти плоды представляют собой лишь отклонения от природы свободной печати. Кастрат плох, как человек, даже если он обладает хорошим голосом. Природа остаётся хорошей, даже если она и производит уродов.

Сущность свободной печати — это мужественная, разумная, нравственная сущность свободы. Характер подцензурной печати — это бесхарактерное уродство несвободы, это — цивилизованное чудовище, надушенный урод.

Или нужны ещё доказательства того, что свобода печати соответствует сущности печати, а цензура противоречит ей?

Разве не понятно само собой, что внешние преграды духовной жизни не принадлежат к внутреннему характеру этой жизни, что они отрицают эту жизнь, а не утверждают её?

Чтобы действительно оправдать цензуру, оратор должен был бы доказать, что цензура составляет сущность свободы печати. Вместо этого он доказывает, что свобода не составляет сущности человека. Он отвергает весь род в целом, чтобы сохранить одну хорошую его разновидность, ибо свобода есть ведь родовая сущность всего духовного бытия, а следовательно, и печати. Чтобы уничтожить возможность зла, он уничтожает возможность добра и осуществляет зло, ибо человечески хорошим может быть лишь то, что является осуществлением свободы.

Мы поэтому до тех пор будем считать подцензурную печать дурной печатью, пока нам не докажут, что цензура вытекает из самой сущности свободы печати.

Но если даже допустить, что цензура неотделима от природы печати, — хотя ни одно животное, а тем более разумное существо, не появляется на свет в цепях, — то что же из этого следует? Только то, что и та свобода печати, которую официально осуществляет цензор, т. е. сама цензура, нуждается в цензуре. А кто же должен подвергать цензуре правительственную печать, если не народная печать?

Другой оратор думает, правда, будто зло цензуры уничтожается тем, что его утраивают, подчиняя местную цензуру провинциальной цензуре, а провинциальную цензуру, в свою очередь, берлинской цензуре; свобода печати, таким образом, осуществляется односторонне, цензура же — многосторонне. Сколько обходов, чтобы только жить на свете! Кто же будет подвергать цензуре берлинскую цензуру? Но вернёмся к *нашему* оратору.

Уже с самого начала он нас поучал, что из *борьбы* между дурной и хорошей печатью не возжигается свет истины. Но, спросим мы, хочет ли он, чтобы эта *бесполезная* борьба тянулась *бесконечно*? Разве, по его же собственным словам, борьба между цензурой и печатью не есть борьба между хорошей и дурной печатью?

Цензура не уничтожает борьбы, она делает её односторонней, она превращает её из открытой борьбы в тайную, а борьбу принципов превращает в борьбу бессильного принципа с беспринципной силой. Истинная, коренящаяся в самом существе свободы печати, цензура есть *критика*. Она — тот суд, который свобода печати порождает изнутри себя. Цензура есть критика в качестве монополии правительства. Но разве критика не теряет свой разумный характер, когда она является не открытой, а тайной, не теоретической, а практической, когда

она не выше партий, а сама становится партией, когда она действует не острым ножом разума, а тупыми ножницами произвола, когда она хочет только выступать с критикой, но не подвергаться ей, когда она своим собственным осуществлением отрицает себя, когда, наконец, она настолько некритична, что ошибочно принимает отдельного индивида за воплощение универсальной мудрости, веления силы — за веления разума, чернильные пятна — за солнечные пятна, цензорские перечеркивания — за математические построения, а применение грубой силы — за сильный аргумент?

Изображая ход прений, мы показали, как фантастическая, елейная, мягкосердечная мистика оратора превращается в жестокосердие, в мелочно-изворотливое деячество ума, в ограниченность безидейного эмпирического расчета. Его дальнейшие рассуждения *об отношении закона о цензуре к закону о печати, о предупредительных и репрессивных мерах* избавляют нас от этого труда, так как здесь он сам переходит к *сознательному применению* своей мистики.

«*Предупредительные или же репрессивные меры, цензура или же закон о печати — только об этом идёт речь; однако не лишне будет несколько внимательнее рассмотреть те опасности, которые следовало бы устранить на той или другой стороне. В то время как цензура хочет предупредить зло, закон о печати хочет путём наказания предупредить повторение его. Но и цензура и закон о печати, как всякое человеческое установление, несовершенны. Вопрос лишь в том, что является наименее совершенным. Так как речь идёт о чисто духовных вещах, то мы наталкиваемся здесь на такую задачу, — притом самую важную для обеих сторон, — которая никогда не сможет быть удовлетворительно решена. Задача эта состоит в том, чтобы найти форму, настолько ясно и определённо выражающую намерение законодателя, что можно было бы строго отграничить законное от незаконного и, стало быть, устранить всякий произвол. Но что такое произвол, как не действие по личному усмотрению? И как устранить проявление личного усмотрения там, где речь идёт о чисто духовных вещах? Найти руководящую нить, которая была бы так резко очерчена, что в силу внутренней необходимости она в каждом отдельном случае применялась бы непременно в духе законодателя, — вот тот философский камень, который до сих пор ещё не найден и который едва ли можно будет когда-нибудь найти. Таким образом, произвол неотделим как от цензуры, так и от закона о печати, если под произволом понимать действие по личному усмотрению. Мы должны, следовательно, рассматривать и цензуру и закон о печати с точки зрения их неизбежного несовершенства и его последствий. Если цензура и может подавить кое-что хорошее, то закон о печати не в силах предотвратить много дурного. Истину, однако, нельзя подавить надолго. Чем больше ставят ей препятствий, тем смелее преследует она свою цель, тем просветлённей становится она, достигнув этой цели. Между тем, злее слово подобно греческому огню, которого ничем не остановить, раз он выпущен из метательного снаряда; его действия не поддаются предвидению, потому что для него нет ничего святого и неприкосновенного, потому что злое слово находит как в устах человека, так и в сердце его, пищу для своего распространения».*

Оратору не везёт по части сравнений. Он впадает в поэтическую экзальтацию, когда описывает всемогущество зла. Мы уже слышали, что голос добра, будучи слишком трезвым, бессилён против *пения сирен зла*. А теперь зло превратилось в *греческий огонь*, — для истины же оратор не находит никакого образного сравнения. Если бы мы хотели облечь в какое-нибудь сравнение его «трезвые» слова, то мы должны были бы уподобить истину в лучшем случае *кремню*, из которого выбиваются тем более яркие искры, чем сильнее по нему ударяют. Прекрасным аргументом для торговцев невольниками служит утверждение, будто ударами хлыста они пробуждают в негре его человеческую природу; превосходное правило для законодателя — объяснять издание репрессивных законов против истины тем обстоятельством, что при них-де истина смелее преследует свою цель. Оратор, повидимому, только тогда начинает питать уважение к истине, когда она становится *первобытно-грубой* и для каждого *осязаемой*. Чем больше плотин вы ставите на пути истине, тем более основательную истину вы и получите! Итак, побольше плотин!

Однако послушаем же пение сирен!

Мистическая «теория несовершенства» нашего оратора принесла, наконец, свои земные плоды; она бросила нам в голову свои лунные камни. Рассмотрим же эти лунные камни!

Всё несовершенно. Цензура несовершенна, закон о печати несовершенен. Этим определяется их сущность. На тему о *правомерности их идеи* не приходится распространяться, нам остаётся лишь, — путём вычисления вероятности, предпринятого с точки зрения самой грубой эмпирии, — определить, в каком случае нам грозит наибольшее количество опасностей. Разница только во времени, в том, что те или иные мероприятия либо предупреждают самое зло посредством цензуры, либо же предупреждают повторение зла посредством закона о печати.

Мы видим, как оратор с помощью пустой фразы о «человеческом несовершенстве» ухитряется обойти существенное, внутреннее, характерное различие между цензурой и законом о печати, превратить разногласие из принципиального вопроса в балаганный спор: достанется ли больше синяков от цензуры или же от закона о печати?

Но если противопоставляются закон о печати и закон о цензуре, то прежде всего речь идёт не об их последствиях, а об их основаниях, не об их индивидуальном применении, а об их общей правомерности. Уже Монтескьё учит, что деспотизм более удобен для применения, чем законность, а Макиавелли утверждает, что зло выгоднее для государей, чем добро. Если мы

поэтому не желаем подтвердить старое *иезуитское* изречение, что хорошая цель, — а мы подвергаем сомнению даже доброкачественность цели, — оправдывает дурные средства, то прежде всего мы должны исследовать, *хорошим* ли средством является цензура по своему существу.

Оратор прав, когда он называет закон о цензуре мерой предупреждения; это — полицейская мера предосторожности против свободы; но он неправ, когда называет закон о печати репрессивной мерой. Это — мера самой свободы, которая делает себя мерилom для своих собственных исключений. Мероприятие цензуры не есть закон. Закон о печати не есть репрессивная мера.

В законе о печати карающей является свобода. В законе о цензуре свобода подвергается каре. Закон о цензуре есть закон, который берёт свободу под подозрение. Закон о печати есть вотум доверия, который свобода выдаёт сама себе. Закон о печати карает злоупотребление свободой. Закон о цензуре карает свободу как некое злоупотребление. Он обращается со свободой как с преступницей; а разве не считается для любой сферы позорящей карой состоять под надзором полиции? Закон о цензуре имеет только *форму* закона. Закон о печати есть *действительный* закон.

Закон о печати есть *действительный* закон, потому что он выражает положительное бытие свободы. Он рассматривает свободу как *нормальное* состояние печати, печать — как бытие свободы; поэтому-то он вступает в конфликт только с проступками печати как с исключением, которое борется против своей собственной нормы и, таким образом, уничтожает себя. Свобода печати утверждает себя, как закон о печати, против этих покушений на неё самоё, т. е. против проступков печати. Закон о печати исходит из того, что свобода внутренне присуща преступнику. То, что преступник, следовательно, совершил против свободы, он совершил против самого себя, и этот проступок против самого себя выступает перед ним как *наказание*, в котором он видит признание своей свободы.

Закон о печати весьма далёк от того, чтобы быть репрессивной мерой против свободы печати, простым средством против повторения преступлений, средством, которое действует с помощью страха перед наказанием. Наоборот: *отсутствие законодательства о печати* следует рассматривать как изъятие свободы печати из сферы юридической свободы, так как юридически признанная свобода существует в государстве в *форме закона*. Законы не являются репрессивными мерами против свободы, подобно тому как закон тяжести не есть репрессивная

мера против движения: если в качестве закона тяготения он управляет вечными движениями мировых тел, то в качестве закона падения он убивает меня, когда я его нарушаю и пытаюсь плясать в воздухе. Напротив, законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида-существование. Свод законов есть библия свободы народа.

Закон о печати есть, следовательно, *законодательное признание свободы печати*. Он есть выражение *права*, так как он есть положительное бытие свободы. Он поэтому должен существовать, — даже тогда, когда он совсем не применяется, как, например, в Северной Америке, — между тем как цензура, так же как и рабство, никогда не может стать законной, даже если бы она тысячекратно облекалась в форму закона.

Не существует действующих предупредительных законов. Закон предупреждает только как *повеление*. Действенным законом он становится лишь тогда, когда его нарушают, так как в роли *подлинного* закона он выступает тогда лишь, когда в его лице бессознательный естественный закон свободы становится сознательным государственным законом. Там, где закон является действительным законом, т. е. осуществлением свободы, он является действительным осуществлением свободы человека. Законы, таким образом, не могут предупреждать действий человека, так как являются внутренними жизненными законами самих его действий, сознательными отображениями его жизни. Закон, следовательно, отступает перед жизнью человека, как жизнью свободы, и только когда действительный поступок человека показал, что человек перестал подчиняться естественному закону свободы, последний в форме государственного закона принуждает человека быть свободным, подобно тому, как физические законы только тогда выступают как нечто чуждое мне, когда моя жизнь перестаёт быть жизнью этих законов, когда она *поражена болезнью*. *Предупредительный закон* есть, следовательно, *бессмысленное противоречие*.

Предупредительный закон не заключает, следовательно, в себе никакой *меры*, никакого *разумного правила*, так как разумное правило может быть заимствовано только из самого существа вещей, в данном случае — из существа свободы. Он *безмерен*, так как для того, чтобы служить предупреждением против свободы, он должен быть так же всеобъемлющ, как и его объект, т. е. неограничен. Предупредительный закон представляет собой, следовательно, противоречие *неограниченного ограничения*, а тот предел, на который он наталкивается, возникает

не в силу необходимости, а в силу случайности произвола, как это *ad oculos* * ежедневно доказывает цензура.

Человеческое тело от природы смертно. Болезни поэтому неизбежны. Почему, однако, человек обращается к врачу только тогда, когда заболевает, а не когда он здоров? Потому что не только болезнь, но и самый врач уже есть зло. Постоянная врачебная опека превратила бы жизнь в зло, а человеческое тело — в объект упражнений для медицинских коллегий. Разве не желательнее смерть, нежели жизнь, состоящая только из мер предупреждения против смерти? Разве жизни не присуще также и свободное движение? Что такое болезнь, как не стеснённая в своей свободе жизнь? Неотступный врач уже сам по себе был бы болезнью, при которой даже не было бы надежды умереть, а оставалось бы только жить. Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить. Разве дух не имеет больше прав, чем тело? Правда, часто толковали это право в том смысле, что умам, способным к свободному полёту, физическая свобода передвижения даже вредна, и их поэтому лишали этой свободы. Цензура исходит из того, что болезнь есть нормальное состояние, а нормальное состояние, свобода, есть болезнь. Цензура постоянно внушает печати, что она — печать — больна, и какие бы доказательства своего здорового состояния она ни давала, она всё же должна подвергать себя лечению. Но цензура даже и не учёный врач, применяющий различные внутренние средства, смотря по болезни. Она лишь деревенский хирург, знающий против всего лишь одно универсальное механическое средство — нож. Она даже не хирург, стремящийся к восстановлению моего здоровья, она — хирург-эстет, который считает на моём теле лишним всё то, что ему не нравится, и удаляет всё, что на него неприятно действует. Она — шарлатан, вгоняющий сыпь вовнутрь, чтобы не видеть её, не заботясь нисколько о том, что она может поразить более нежные внутренние части тела.

Вы считаете несправедливым ловить птиц. Разве клетка не есть мера предупреждения против хищных птиц, пуль и бурь? Вы считаете варварством ослеплять соловьёв, но вы не считаете варварством — острыми цензорскими перьями выкалывать глаза печати. Вы считаете деспотизмом стричь волосы свободному человеку против его воли, а цензура ежедневно режет по живому телу мыслящих людей, и только бездушные существа, не реагирующие, смиренные, сходят у неё за здоровых!

* — воочию. *Ред.*

Мы показали, в какой мере закон о печати выражает право, а закон о цензуре — бесправие. Но цензура сама признаёт, что она не есть самоцель, что она не есть нечто хорошее само по себе, что она, следовательно, покоится на принципе: «цель оправдывает средства». Но цель, для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель; и разве печать, в свою очередь, также не могла бы провозгласить принцип: «цель оправдывает средства»?

Закон о цензуре есть, следовательно, не закон, а полицейская мера, и даже *плохая полицейская мера*, ибо она не достигает того, чего хочет, и не хочет того, чего достигает.

Если закон о цензуре хочет *ставить преграды свободе* как чему-то нежелательному, то он достигает как раз обратного. В стране цензуры всякая запрещённая, т. е. напечатанная без цензуры, книжка есть событие. Она считается мученицей, а мученичество не бывает без ореола и без верующих. Она считается исключением, и если свобода никогда не может перестать быть ценной для человека, то тем более это относится к исключениям из общего состояния несвободы. Всякая тайна подкупает. Там, где общественное мнение составляет тайну для самого себя, его заранее подкупает каждое произведение печати, формально нарушающее таинственные границы. Цензура делает каждое запрещённое, произведение, будь оно плохое или хорошее, необычным произведением, в то время как свобода печати отнимает у произведения эту внешнюю импозантность.

Но если цензура *честна*, то она, конечно, хочет предупредить произвол, — между тем она возводит его в закон. Она не может предотвратить никакой опасности, которая была бы больше её самой. Опасность, угрожающая жизни каждого существа, заключается в утрате им самого себя. Отсутствие свободы и является поэтому подлинной смертельной опасностью для человека. Оставляя в стороне моральные последствия, следует, между тем, помнить, что нельзя пользоваться преимуществами свободной печати, не относясь в то же время терпимо к её неудобствам. Нет розы без шипов! Но подумайте, что вы теряете вместе со свободной печатью!

Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощённое доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преобразует материальную борьбу в духовную и идеализирует её грубую материальную форму. Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание,

как известно, спасительно. Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости. Она — дух государства, который доставляется в каждую хижину с меньшими издержками, чем материальное средство освещения. Она все-сторонняя, вездесуща, всеведуща. Она — идеальный мир, который непрерывно бьёт ключом из реальной действительности и в виде всё возрастающего богатства духа обратно вливается в неё животворящим потоком.

Наше изложение показало, что разница между цензурой и законом о печати такая же, как между произволом и свободой, как между формальным законом и действительным законом. Но то, что имеет силу для сущности, имеет также силу и для явления. То, что относится к правомерности цензуры и закона о печати, относится также к *их применению*. Как различны закон о печати и закон о цензуре, так же различно и *отношение* к печати со стороны *судьи* и *цензора*.

Но наш оратор, глаза которого обращены к небу, видит глубоко под собой землю как некую презренную кучу пыли, и обо всех цветах он может сказать лишь одно — что они запылены. Он и здесь видит только два мероприятия, которые в своём применении *одинаково произвольны*, ибо произвол есть, мол, действие по индивидуальному усмотрению, а индивидуальное усмотрение нельзя, мол, отделить от духовных вещей, и т. д. и т. д. Но если понимание духовных вещей *индивидуально*, то какое преимущество имеет одно воззрение перед другим, мнение цензора — перед мнением писателя? Однако мы поняли мысль оратора. Чтобы доказать правомерность цензуры, он весьма примечательным окольным путём доказывает, что и цензура и закон о печати неправомерны в своём применении; так как он считает всё земное несовершенным, то для него остаётся лишь один вопрос: должен ли стоять произвол на стороне народа или же на стороне правительства?

Его *мистика* превращается в *цинизм*, когда он ставит на одну доску закон и произвол и видит только формальную разницу там, где речь идёт о нравственных и правовых противоположностях, ибо он полемизирует не против *закона о печати*, а против *закона вообще*. Существует ли такой закон, который, в силу внутренней необходимости, *в каждом отдельном случае* применялся бы *непрерывно* в духе законодателя, *абсолютно* исключая всякий *произвол*? Нужна невероятная смелость, чтобы называть подобную бессмысленную задачу *философским камнем*, так как только крайнее невежество может ставить подобную задачу. Закон всеобщ. Случай, который должен быть

определён на основании закона, — единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и судья. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни.

Но ведь всё человеческое несовершенно!! Итак: edite, bibite!* Зачем нужны вам судьи, раз судьи — люди? Зачем нужны вам законы, раз законы могут исполняться только людьми, а всякое человеческое исполнение — несовершенно? Положитесь на добрую волю начальства! Рейнская юстиция так же несовершенна, как и турецкая! Итак: edite, bibite!

Какая громадная разница между судьёй и цензором!

Для цензора нет другого закона, кроме его начальника. Для судьи нет другого начальника, кроме закона. Судья обязан толковать закон, в применении к отдельному случаю, так, как *он понимает* закон при добросовестном рассмотрении. Цензор обязан понимать закон так, как это ему *официально предписано* для каждого отдельного случая. Независимый судья не принадлежит ни мне, ни правительству. Зависимый цензор сам является органом правительства. У судьи может проявиться в крайнем случае ненадёжность индивидуального разума, у цензора же — ненадёжность индивидуального характера. Перед судьёй ставится для оценки *определённый* проступок печати, перед цензором — дух печати. Судья рассматривает моё действие на основании определённого закона; цензор не только карает преступления, но и сам их *фабрикует*. Когда меня предают суду, то меня обвиняют в нарушении существующего закона, а где нарушается закон, там он по крайней мере должен быть налицо. Где нет закона о печати, там закон о печати не может быть и нарушен. Цензура не обвиняет меня в нарушении существующего закона. Она осуждает моё мнение за то, что оно не является мнением цензора и его начальства. Моё открытое действие, готовое подчиниться суду общества, государства и его закона, отдаётся под суд тайной, чисто отрицательной силы, которая неспособна утвердить себя в качестве закона, которая боится дневного света, не связана никакими общими принципами.

Закон о цензуре невозможен, ибо он желает карать не проступки, а мнения; ибо он не может быть ничем иным, как *цензором, превратившимся в формулу*; ибо ни одно государство не имеет мужества высказать в виде определённых

* — ешьте, пейте! (Слова из песни немецких студентов.) *Ред.*

законоположений то, что оно фактически может проводить при помощи цензора как своего органа. И поэтому заведование цензурой передаётся не судам, а полиции.

Если бы даже цензура фактически была тождественна с правосудием, то такое совпадение было бы, прежде всего, лишь фактом, но не являлось бы необходимостью. К тому же к свободе относится не только то, *чем* я живу, но также и то, *как* я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно. В противном случае архитектор отличался бы от бобра лишь тем, что бобр — это архитектор, покрытый шкурой, а архитектор — это бобр, не имеющий шкуры.

Наш оратор без всякой надобности опять возвращается к роли свободы печати в тех странах, где она действительно существует. Так как мы уже разобрали этот вопрос по косточкам, то мы здесь коснёмся только ещё *французской* печати. Не говоря уже о том, что недостатки французской печати являются недостатками французской нации, мы видим зло не там, где его ищет оратор. Французская печать отнюдь не слишком свободна, — она недостаточно свободна. Хотя она и не подлежит духовной цензуре, но зато она подлежит материальной цензуре, высокому денежному залогу. Она действует материально именно потому, что она вырвана из своей подлинной сферы и вовлечена в сферу крупных торговых спекуляций. К тому же для крупных денежных спекуляций нужны крупные города. Французская печать концентрируется поэтому в немногих пунктах, а если материальная сила, будучи сконцентрирована в немногих пунктах, действует демонически, то почему же иначе должно обстоять дело с духовной силой?

Но если вы непременно хотите судить о свободе печати не на основании её идеи, а на основании её исторического существования, то почему вы не ищите её там, где она исторически существует? Естествоиспытатели стараются с помощью эксперимента воспроизвести явление природы в его наиболее чистых условиях. Вы не нуждаетесь ни в каких экспериментах. В *Северной Америке* вы находите явление свободы печати в его наиболее чистой и естественной форме. Но если в Северной Америке имеются большие исторические основания для свободы печати, то ещё большие имеются в Германии. Литература и органически связанное с ней умственное образование народа являются, конечно, не только прямыми историческими основами печати, они — сама её история. А какой народ в мире может более похвалиться этими, самыми непосредственными, историческими основами свободы печати, чем немецкий?

Но горе немецкой нравственности, — вновь прерывает нас оратор, — если печать в Германии станет свободной, так как свобода печати создаёт «внутреннюю *деморализацию*, которая старается подорвать веру в высшее назначение человека, а вместе с этим подорвать и основу истинной цивилизации».

Деморализующим образом действует одна только *подцензурная печать*. Величайший порок — лицемерие — от неё неотделим; из этого её коренного порока истекают все остальные её недостатки, в которых нет и зародыша добродетели, истекает её самый отвратительный — даже с эстетической точки зрения — порок пассивности. Правительство слышит только *свой собственный голос*, оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует также и от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в *толпу людей, живущих только частной жизнью*.

Если господь бог только на шестой день сказал о своём собственном творении: «И увидел, что всё — хорошо», то подцензурная печать каждый день восхваляет творения правительственной воли; но так как один день непременно противоречит другому, то печать постоянно лжёт и при этом должна скрывать, что она сознаёт свою ложь, должна потерять всякий стыд.

Тем самым, что народ вынуждается рассматривать свободные произведения мысли как противозаконные, он приучается считать противозаконное свободным, свободу — беззаконием, а законное — несвободным. Так цензура убивает государственный дух.

Но наш оратор опасается свободы печати, исходя из интересов «*частных лиц*». Он не думает о том, что цензура есть постоянное покушение на права частных лиц и ещё более на идеи. Он впадает в пафос, говоря об опасностях, угрожающих отдельным личностям; неужели же мы не должны впадать в пафос, когда говорим об опасностях, угрожающих всему обществу?

Мы не можем более резко разграничить наш взгляд и взгляд оратора, чем противопоставив его определениям «дурных умонастроений» наши собственные определения.

Дурным умонастроением, утверждает оратор, является «гордыня, не признающая никакого авторитета за церковью и государством». Неужели же мы не должны считать дурным умонастроением непризнание авторитета разума и закона? «Только зависть проповедует уничтожение всего того, что чернь называет аристократией». Мы же говорим, что

зависть хочет уничтожить вечную аристократию человеческой природы — свободу, представляющую собой ту аристократию, в которой не может усомниться даже чернь.

«Только коварное злорадство, не отличая истины от лжи, находит удовольствие в пересудах, касающихся отдельных личностей, и властно требует гласности, чтобы ни один скандал частной жизни не оставался скрытым».

Коварное злорадство, скажем мы, вырывает из великого целого жизни народов сплетни и пересуды, касающиеся отдельных личностей, игнорируя разум истории и преподнося публике только скандалы истории; оно, будучи вообще неспособным судить о сути дела, цепляется за отдельные стороны явления, за отдельные личности и властно требует тайны, дабы всякое позорное пятно общественной жизни оставалось скрытым. «Это — порочность сердца и фантазии, которую щекочат непристойные картины». Да, порочность сердца и фантазии щекочет себя непристойными картинами всемогущества зла и бессилия добра; да, это — фантазия, которая кичится грехом, это — порочное сердце, которое скрывает своё светское высокомерие в мистических образах. «Это — отчаяние в своём собственном спасении, которое отрицанием бога хочет заглушить голос совести». Да, именно отчаяние в собственном спасении превращает личные слабости в слабости человечества, чтобы сбросить это бремя с собственной совести; именно отчаяние в спасении человечества отказывает человечеству в праве следовать присущим ему естественным законам и проповедует незрелость как нечто необходимое; именно лицемерие прикрывается богом, не веря ни в его действительность, ни во всемогущество добра; именно себялюбие ставит личное спасение выше спасения общественного целого.

Эти люди сомневаются в человечестве вообще и канонизируют отдельных людей. Они рисуют устрашающий образ человеческой природы и в то же время требуют, чтобы мы падали ниц перед священным образом отдельных привилегированных личностей. Мы знаем, что отдельный человек слаб, но мы знаем также, что целое — это сила.

Наконец, оратор напоминает о словах, прозвучавших некогда из ветвей древа познания, о плодах которого *мы* ныне, как и *тогда*, ведем спор: «Вы не умрёте, вкусив от этих плодов, но откроются глаза ваши, вы будете как боги и познаете добро и зло».

Хотя мы и сомневаемся в том, вкусил ли оратор от плодов древа познания, а также в том, вели ли *мы* (рейнские сословные представители) *тогда* переговоры с дьяволом, — об этом книга «Бытия», по крайней мере, ничего не рассказывает, — тем

не менее мы присоединяемся к мнению оратора и только хотим ему напомнить, что дьявол *нас тогда не обманул*, ибо бог сам говорит: «Адам стал как один из нас, познав добро и зло».

В качестве эпилога к этой речи уместно привести собственные слова оратора: «*Писать и говорить — дело технической сноровки*».

Как бы наш читатель ни устал от этой «технической сноровки», мы всё же должны ради полноты дать место, после княжеского и дворянского сословий, словоизвержениям *городского сословия*, направленным *против* свободы печати. Здесь перед нами оппозиция буржуа, а не гражданина.

Оратор из городского сословия думает, что примыкает к Сиейесу, когда он по-обывательски заявляет:

«Свобода печати — *превосходная вещь*, пока в дело не вмешиваются *дурные люди*». «Против этого до сих пор не найдено ещё верного средства» и т. д. и т. д.

Уже одно то, что свобода печати уподобляется *вещи*, — великолепно по своей наивности. Этого оратора, вообще, можно упрекать в чём угодно, только не в отсутствии трезвости или в избытке фантазии.

Итак, свобода печати — превосходная вещь, способная украсить милую привычку бытия, приятная, отменная вещь. Но, к несчастью, есть дурные люди, которые злоупотребляют языком для лжи, головой — для интриг, руками — для воровства, ногами — для дезертирства. Превосходная вещь — речь и мышление, руки и ноги, хороший слог, приятные мысли, ловкие руки, превосходнейшие ноги, — если бы только не было дурных людей, которые всем этим злоупотребляют! Но против этого ещё не придумано никакого целительного средства.

«Симпатии к конституции и свободе печати должны были бы безусловно ослабеть, если бы поняли, что с этим связаны вечно меняющееся положение вещей в упомянутой стране» (читай: Франции) «и ужасающая неуверенность в будущем».

Когда в науке о вселенной сделано было открытие, что земля есть *mobile perpetuum*^{*}, то не один мирный немецкий обыватель хватался за свой ночной колпак и вздыхал по поводу вечно меняющегося положения своего отечества, и ужасающая неуверенность в будущем сделала ему постылым дом, который то и дело становится на голову.

Свобода печати так же мало *вызывает* «меняющееся положение вещей», как подозрная труба астронома — неустанное движение мировой системы. Коварная астрономия! Что за

* — вечно движущееся. *Ред.*

прекрасное было время, когда земля, подобно почтенному обывателю, ещё находилась в центре вселенной, спокойно покуривала свою глиняную трубку, не утруждая себя даже добыванием света, так как солнце, луна и звёзды кружились вокруг неё, как вечные лампадки, как «превосходные вещи».

Кто никогда того, что строил, не крушит,

Тот стойко стоит

На брэнной сей земле, которая сама

Не стойко стоит³²,

говорит Харири — по своему происхождению отнюдь не француз, а араб.

Совершенно определённо говорит устами оратора его *сословие*, когда он изрекает:

«Истинный, честный патриот не в силах подавить в себе мысль, что конституция и свобода печати существуют не для блага народа, а для удовлетворения честолюбия отдельных лиц и для господства партий».

Известно, что существует такая психология, которая объясняет великое мелкими причинами; исходя из верной догадки, что всё то, за что человек борется, связано с его интересом, эта психология приходит к неверному заключению, что существуют только «мелкие» интересы, только интересы неизменного себялюбия. Известно также, что такого сорта психология и знание людей в особенности встречаются в *городах*, где считается признаком большой проницательности всё видеть насквозь и за проносившейся вереницей идей и фактов усматривать ничтожных, завистливых, интригующих людишек, которые, дёргая за ниточки, приводят в движение весь мир. Но, с другой стороны, также известно, что если слишком глубоко заглядывают в кружку, то ударяются о неё *своей собственной головой*; в таком случае знание людей и света у этих мудрецов есть прежде всего — в мистифицированном виде — удар по собственной голове.

К тому же ещё половинчатость и нерешительность характеризуют сословие оратора.

«Присущее ему чувство независимости говорит в нём за свободу печати» (в том смысле, как её понимает докладчик), «но он должен слушаться голоса разума и опыта».

Если бы оратор в заключение сказал, что хотя разум его — за свободу печати, но присущее ему чувство зависимости говорит против неё, то его речь была бы вполне верной жанровой картинкой городской реакции.

Кто, имея язык, молчит

Иль, имея клинок, не разит, —

Тот лишь без толку небо коптит.

Мы теперь переходим к *защитникам свободы печати*. Начнем с *главного из внесённых предложений*. Более общие положения, метко и правильно выставленные во вступительных словах этого предложения, мы опускаем, чтобы сразу подчеркнуть своеобразную и характерную точку зрения, проведённую в самом докладе.

Докладчик хочет, чтобы *свобода печати как определённого промысла* не была исключена из *всеобщей промысловой свободы*, как это имеет место ещё до сих пор, — это внутреннее противоречие он рассматривает как классический образец непоследовательности.

«Работа рук и ног свободна, а работа головы находится под опекой. Конечно, под опекой более умных голов? Избави бог! Об этом не может быть и речи, когда дело касается цензоров. Кого бог награждает чином, того наделяет и умом».

Прежде всего странно то, что *свобода печати* подводится под *промысловую свободу*. Но мы всё-таки не можем просто отвергнуть взгляд оратора. *Рембрандт* писал мадонну в виде нидерландской крестьянки; почему бы нашему оратору не изображать свободу в той форме, которая ему близка и понятна?

Мы не можем также отказать рассуждениям оратора в *относительной* правильности. Если смотреть на печать *только* как на промысел, то ей в качестве промысла, осуществляющегося посредством головы, подобает большая свобода, чем промыслам, где главную роль играют руки и ноги. Эмансипация рук и ног получает для человека значение только благодаря эмансипации головы: как известно, руки и ноги становятся человеческими руками и ногами лишь благодаря голове, которой они служат.

Какой бы своеобразной ни казалась на первый взгляд точка зрения оратора, мы всё же безусловно должны отдать ей предпочтение перед бессодержательными, туманными и расплывчатыми рассуждениями тех немецких либералов, которые думают, что, перенося свободу с твёрдой почвы действительности в звёздное небо воображения, они тем самым воздают ей честь. Этим резонёрам воображения, этим сентиментальным энтузиастам, которые видят профанацию в каждом соприкосновении их идеала с будничной действительностью, мы, немцы, отчасти обязаны тем, что свобода до сих пор осталась для нас фантазией и сентиментальным пожеланием.

Немцы вообще склонны к сентиментам и экзальтации, они питают пристрастие к музыке небесной лазури. Поэтому отраднo, когда великая проблема идеи демонстрируется им с такой точки зрения, которая взята из суровой, реальной,

непосредственно окружающей их действительности. Немцы уже от природы отличаются всеподданнейшей и благоговейнейшей преданностью. От чрезмерного уважения к идеям они их не осуществляют. Они делают идеи предметом культа, но не культивируют их. Таким образом, путь, по которому пошёл оратор, пригоден, повидимому, для того, чтобы *сроднить* немца с его идеями, чтобы показать ему, что речь идёт не о недостижимых далях, а о его ближайших интересах, чтобы перевести язык богов на человеческий язык.

Как известно, греки полагали, что в египетских, ливийских, даже скифских богах им удастся узнать своего Аполлона, свою Афину, своего Зевса; они не обращали внимания на своеобразные особенности чужих культов, считая это чем-то второстепенным. Точно так же нет ничего предосудительного в том, что немец принимает незнакомую ему богиню свободы печати за одну из известных ему богинь и называет её просто промысловой свободой или свободой собственности.

Но именно потому, что мы готовы признать нечто положительное во взглядах оратора, мы подвергаем их тем более резкой *критике*.

«Можно ещё представить себе, что наряду с цехами существует свобода печати, потому что работа головой, как промысел, требует *более высокой квалификации*; она требует одинакового положения с семью старыми свободными искусстваами. Но то обстоятельство, что наряду с промысловой свободой продолжает существовать несвобода печати, есть грех против святого духа».

Конечно! Низшая форма свободы сама по себе должна быть признана бесправной, раз более высокая форма её считается неправомерной. Право отдельного гражданина есть бессмыслица, когда не признано право государства. Если свобода вообще правомерна, то, разумеется, каждая определённая её форма тем правомерней, чем ярче и полнее проявилась в ней свобода. Если *полип* имеет право на существование, потому что в нём обнаруживаются — хотя ещё смутно и робко — признаки жизни природы, то что сказать о *льве*, в котором жизнь бушует и клопочет?

Но если и верно заключение, что существование более высокой формы права доказывается существованием права более низкой формы, то совершенно неверно *применять* более низкую сферу как *мерило* для более высокой сферы; в этом случае разумные в данных пределах законы искажаются и превращаются в карикатуру, так как им произвольно придаётся значение законов не этой определённой области, а другой, более высокой. Это всё равно, как если бы я хотел заставить великана поселиться в доме пигмея.

Промысловая свобода, свобода собственности, совести, печати, суда — всё это различные *виды* одного и того же рода, т. е. *свободы вообще, без собственного имени*. Но совершенно неправильно из-за единства забывать различие и делать *определённый вид* мерилом, нормой, сферой всех остальных видов. В этом случае один вид свободы настолько *нетерпим*, что позволяет существовать остальным её видам лишь при том условии, если они отрекутся от самих себя и признают себя его вассалами.

Промысловая свобода есть только промысловая свобода, а не какая-либо другая, так как в ней природа промысла беспрепятственно формируется сообразно внутреннему принципу своей жизни. Свобода суда есть свобода суда, если суд следует собственным, ему присущим законам права, а не законам другой сферы, — например, религии. Каждая определённая сфера свободы есть свобода определённой сферы, как и каждый определённый образ жизни есть образ жизни определённой сферы природы. Разве не извращением было бы требование, чтобы лев следовал законам жизни полипа? Как ложно понимал бы я связь и единство человеческого организма, если бы рассуждал следующим образом: так как руки и ноги функционируют характерным для них способом, то глаза и уши, — те органы, которые отрывают человека от пут его индивидуальности, превращая его в зеркало и эхо вселенной, — имеют ещё большее право на деятельность и, следовательно, должны обладать функцией ног и рук *в усиленном виде*.

Подобно тому, как в мировой системе каждая отдельная планета, вращаясь вокруг себя, движется в то же время вокруг солнца, — так и в системе свободы каждый из её миров, вращаясь вокруг себя, вращается вокруг центрального солнца свободы. Провозглашение свободы печати одним из видов промысловой свободы — это такая защита свободы печати, при которой она умерщвляется ещё до защиты. Разве я не уничтожаю свободу характера, когда я требую, чтобы он был свободен на чужой лад? Твоя свобода — не моя свобода, говорит печать промыслу. Подобно тому как ты подчиняешься законам твоей сферы, так и я хочу подчиняться законам своей сферы. Быть свободной по-твоему для меня всё равно, что не быть свободной вовсе, — ведь столяр едва ли был бы удовлетворён, если бы ему вместо свободы его ремесла предоставили, в качестве эквивалента, свободу философа.

Выразим мысль оратора в обнажённом виде. На вопрос: что такое свобода? — он отвечает: *«промысловая свобода»*. Это всё равно, как если бы какой-нибудь студент на вопрос: что такое свобода? — ответил бы: *«свобода ночных походов»*.

С тем же правом, как свободу печати, можно и всякий другой вид свободы подвести под промысловую свободу. Судья занимается промыслом юриста, проповедник — религиозным промыслом, отец семейства — промыслом воспитания детей; но разве этим определена сущность юридической, религиозной, нравственной свободы?

Можно было бы подойти к делу с противоположной стороны и назвать промысловую свободу лишь *видом свободы печати*. Разве ремесленник работает только руками и ногами, а не и головой также? Разве язык слова есть единственный язык мысли; разве механик своей паровой машиной не говорит очень внятно моему уху, фабрикант кроватей — моим бокам, повар — моему желудку? Не является ли противоречием, что все эти виды свободы печати разрешены, и только один вид её не разрешён, а именно тот, который говорит моему уму посредством типографской краски?

Чтобы защитить — и даже для того только, чтобы постигнуть — свободу какой-либо определённой сферы, я должен исходить из существенного характера этой сферы, а не из её внешних отношений. Но разве верна своему характеру, разве действует соответственно благородству своей природы, *разве свободна та печать*, которая опускается до уровня *промысла*? Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать.

Когда *Беранже* поёт:

Живу для того лишь, чтоб песни слагать,
Но если, о сударь, лишён буду места,
То песни я буду слагать, чтобы жить, —

то в этой угрозе кроется ироническое признание, что поэт перестаёт быть поэтом, когда поэзия становится для него средством.

Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на *средство*. Она — *самоцель*; она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву её существованию, когда это нужно, *своё* личное существование. Подобно религиозному проповеднику, — хотя и в другом смысле, — и он также следует принципу: «повиноваться больше богу, чем людям», — людям, к числу которых относится и он сам со своими человеческими потребностями и желаниями. Но что было бы, если бы ко мне явился портной, которому я заказал парижский фрак, а он принёс бы мне римскую тогу на том основании, что она-де более соответствует вечному закону красоты!

Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом. Писатель, который низводит печать до простого материального средства, в наказание за эту внутреннюю несвободу заслуживает внешней несвободы — цензуры; впрочем, и самое его существование является уже для него наказанием.

Конечно, печать существует также и как промысел, но тогда она является уже не делом писателей, а делом типографов и книготорговцев. Но здесь речь идёт не о промысловой свободе книгоиздателей и книготорговцев, а о свободе печати.

И действительно, наш оратор не удовлетворяется тем, что выводит свободу печати из промысловой свободы. Он, кроме того, требует, чтобы свобода печати, вместо того чтобы подчиняться своим собственным законам, подчинялась законам промысловой свободы. Он даже полемизирует с докладчиком комиссии, защищающим более высокий взгляд на свободу печати, и выставляет требования, которые производят лишь комическое впечатление. Такое впечатление немедленно возникает вообще, когда законы более низкой сферы применяются к более высокой; и также, наоборот, комично, когда дети впадают в патетический тон.

«Он различает *компетентных* и *некомпетентных* авторов. Это различие имеет тот смысл, что пользование предоставленным правом даже и в области промысловой свободы всегда связано с каким-нибудь условием, которое выполнимо с большим или меньшим трудом, смотря по профессии». «Каменщики, плотники и архитекторы должны, понятно, удовлетворять таким условиям, от которых большинство других промыслов совершенно свободно». «Его предложение имеет в виду рассматриваемое право в его *особом*, а не в его *общем* выражении».

Прежде всего, *кто* будет решать вопрос о *компетентности*? Кант не признал бы Фихте компетентным философом, Птолемей — Коперника компетентным астрономом, Бернар Клервоский — Лютера компетентным теологом. Всякий учёный причисляет своих критиков к «*некомпетентным авторам*». Или же невежды должны будут решать, кто является компетентным учёным? Очевидно, решение должно было бы быть предоставлено некомпетентным авторам, ибо компетентные не могут же быть судьями в своём собственном деле. Или же компетенция должна быть связана с *сословием*! Сапожник Якоб Бёме был большой философ. Некоторые именитые философы — только большие сапожники.

Впрочем, раз речь идёт о компетентных и некомпетентных авторах, то, при желании быть последовательным, нельзя ограничиваться тем, что различия проводятся между *отдельными лицами*, а надо промысел печати в свою очередь делить на

различные промыслы. Не выдавать ли различные промысловые свидетельства для различных отраслей литературной деятельности? Или, может быть, компетентный писатель должен уметь писать обо всём? Заранее можно сказать, что сапожник более компетентен писать о коже, нежели юрист. Подёнщик не менее, чем теолог, компетентен писать о том, следует ли работать в дни праздников или нет. Если, следовательно, связывать компетенцию с особыми объективными условиями, то каждый гражданин в одно и то же время будет компетентным и некомпетентным писателем: компетентным — в делах, касающихся его профессии, некомпетентным — во всём прочем.

Не будем говорить уже о том, что при таких условиях печать, вместо того чтобы служить всеобщим связующим звеном для народа, стала бы на деле средством его разъединения, словенное деление получило бы своё зафиксированное духовное выражение, и история литературы опустилась бы до уровня естественной истории некоторых особых духовных пород животных. Не станем говорить и о том, что тогда возникли бы всякого рода споры из-за размежевания и такие коллизии, которых нельзя было бы ни разрешить, ни избежать. Не будем также останавливаться на том, что бездарность и ограниченность были бы возведены в закон, так как особое может рассматриваться духовно и свободно лишь в его связи с целым, а никак не в отрыве от него. Но и помимо всего этого, ведь *чтение* столь же важно, как и *писание*; поэтому необходимо было бы ввести также звания *компетентных* и *некомпетентных читателей* — вывод, который был сделан в древнем Египте, где жрецы, считавшиеся единственными компетентными писателями, в то же время считались и единственными компетентными читателями. И представляется весьма целесообразным, чтобы компетентным писателям было дано исключительное право приобретения и чтения своих собственных писаний.

Какая непоследовательность! Раз господствует привилегия, то, разумеется, правительство имеет полное право утверждать, что оно в отношении всех своих дел — *единственный компетентный автор*. Если же вы, в качестве граждан, считаете себя вправе писать не только о делах своего сословия, но и о наиболее общем — о государстве, то неужели прочие смертные, которых вы хотите этого права лишить, не имеют, в качестве людей, даже права высказать своё суждение по весьма частному вопросу, т. е. по поводу *вашей компетенции* и ваших произведений?

Получилось бы то комическое противоречие, что компетентный автор был бы вправе без цензуры писать о государстве, некомпетентный же был бы вправе писать о компетентном только с разрешения цензуры.

Свобода печати ни в коем случае не будет достигнута тем, что вы наберёте кучу официальных писателей из ваших рядов. Компетентные авторы стали бы *официальными* авторами, *борьба между свободой печати и цензурой превратилась бы в борьбу между компетентными и некомпетентными писателями.*

Совершенно справедливо предлагает в ответ на это член четвёртого сословия:

«Если уж должно существовать какое-либо стеснение для печати, то пусть оно будет одинаково для всех партий, т. е. в этом отношении ни одному классу граждан не должно быть предоставлено больше прав, чем другому».

Цензуре подчинены мы все, подобно тому как в деспотии все уравниваются, — правда, не в смысле признания ценности каждого из нас, а в смысле нашего общего обесценения, — предлагаемая же свобода печати введёт олигархию в область духовной жизни. Цензура объявляет писателя в худшем случае неудобным, неподходящим в границах её царства. А свобода печати в таком толковании претендует предвосхитить историю, предупредить голос народа, который до сих пор был единственным судьёй в вопросе о «компетентности» и «некомпетентности» писателя. Если Солон решался судить о человеке только *по окончании* его жизни, *после его смерти*, то здесь решаются судить о писателе ещё *до его рождения*.

Печать — это наиболее общий для индивидов способ раскрытия их духовного бытия. Она руководствуется уважением не к отдельным личностям, а только к разуму. Хотите ли вы способность духовного общения официально определить особыми внешними признаками? Чем я не могу быть для других, тем я не являюсь и не могу быть и для самого себя. Если я не вправе быть для других духовной силой, то я не вправе также быть духовной силой и для самого себя; а разве вы хотите привилегию быть духовным существом дать только отдельным лицам? Подобно тому как каждый учится писать и читать, точно так же и *право* писать и читать *должен иметь* каждый.

Кому же нужно это подразделение писателей на «компетентных» и «некомпетентных»? Очевидно, не тем, кто действительно компетентен, потому что они и без того проявят себя. Следовательно, оно нужно «некомпетентным», которые хотят защитить

себя внешней привилегией и, таким образом импонировать окружающим?

К тому же такой паллиатив не устраняет даже надобности в законе *о печати*, ибо, как замечает по этому поводу оратор из крестьянского сословия:

«Разве не может и привилегированный превысить своё право и навлечь на себя наказание? Поэтому какой-нибудь закон о печати так или иначе будет необходим, причём и здесь мы встретимся с теми же трудностями, как и при *общем законе о печати*».

Если немец оглянется назад, на свою историю, то *одну* из главных причин своего медленного политического развития, а также и жалкого состояния литературы до Лессинга, он увидит в «компетентных писателях». Профессиональные, цеховые, привилегированные учёные, доктора и т. п., бесцветные университетские писатели семнадцатого и восемнадцатого столетий, с их чопорными косичками, важным педантизмом и ничтожно-крохоборческими диссертациями, стали между народом и духом, между жизнью и наукой, между свободой и человеком. Писатели, *не причисленные к рангу компетентных*, создали нашу литературу. *Готшед* и *Лессинг* — выбирайте же между «компетентным» и «некомпетентным» автором!

Мы вообще не любим такую «свободу», которая желает существовать *только* во множественном числе. Англия даёт нам, в крупном историческом масштабе, пример того, как опасен для «свободы» ограниченный горизонт «свобод».

«Разговор о свободах, о привилегиях», — говорит Вольтер, — «предполагает подчинение. Свободы являются изъятиями из общего рабства».

Если наш оратор, далее, желает исключить *анонимных* и *пишущих под псевдонимом* писателей из сферы действия свободы печати и подчинить их цензуре, то мы должны заметить, что *имя* в печати не относится к делу и что там, где господствует закон о печати, издатель, а через него и анонимный писатель и автор, пишущий под псевдонимом, подчиняются суду. К тому же Адам, когда он давал имена всем тварям в раю, забыл дать имена немецким газетным сотрудникам, и они так и останутся *не имеющими имени in secula seculorum**.

Если основной докладчик пытается ограничить *лиц*, субъектов печати, то другие сословия хотят ограничить *объективный материал* печати, *круг её действий и бытия*. Пошло, рыночному они прицениваются: *сколько свободы должно быть отпущено свободе печати?*

* — во веки веков. Ред.

Одно сословие хочет ограничить печать обсуждением материальных, духовных и церковных дел Рейнской провинции; другое желает, чтобы выходили «общинные газеты», само название которых говорит об ограниченности их содержания; третье выражает даже желание, чтобы в каждой провинции можно было откровенно высказываться только *одной-единственной газете!!!*

Все эти попытки напоминают того учителя гимнастики, который в качестве самого лучшего метода обучения прыжкам предложил следующий: ученика подводят к большому рву и с помощью верёвочки отмечают, до какого места он должен прыгать *через* ров. Понятно, ученик должен был учиться прыгать постепенно и в первый день не должен был перемахнуть через весь ров; время от времени верёвка должна была передвигаться всё дальше. К сожалению, ученик при первом же уроке упал в ров и лежит там и поныне. Учитель был немец, а ученика звали «Свобода».

Итак, по своему среднему *нормальному типу защитники свободы печати* на шестом рейнском ландтаге отличаются от её *противников* не по своей сущности, а только по своей направленности. В лице одних — *сословная* ограниченность борется против печати, в лице других — та же ограниченность защищает её. Одни хотят привилегии только для правительства, другие хотят распределить её между многими лицами; одни хотят полной цензуры, другие — половину её, одни — три восьмых свободы печати, другие не хотят никакой. Избави меня бог от моих друзей!

Но совершенно расходятся с *общим духом* ландтага речи *референта* и нескольких членов из *крестьянского сословия*.

Референт, между прочим, замечает:

«В жизни народов, как и в жизни отдельных людей, наступает момент, когда оковы слишком долгой опеки становятся невыносимыми, когда возникает стремление к самостоятельности и каждый желает сам отвечать за свои поступки». «С этого момента цензура отжила свой век; там, где она ещё продолжает существовать, её считают *ненавистными* путами, мешающими писать то, о чём говорят открыто».

Пиши, как говоришь, и говори, как пишешь, — учат нас уже учителя начальной школы. Впоследствии нас поучают: говори то, что тебе предписано, и пиши то, что ты говоришь согласно указке.

«Каждый раз, когда неудержимый поступательный ход времени вызывает к жизни новый важный интерес или выдвигает новую потребность, для которых в существующем законодательстве не имеется соответствующих установлений, — необходимы новые законы для регулирования этого нового состояния общества. Такой именно случай теперь перед нами».

Это — *подлинно исторические* воззрение, выдвигаемое против мнимого, которое умерщвляет разум истории, чтобы затем воздать его останкам почести, какие воздаются историческим реликвиям.

«Решить задачу» (создания кодекса о печати), «конечно, не так-то легко; первая попытка, может быть, будет очень несовершенна! Но все государства будут чувствовать благодарность к тому законодателю, который первый этим займётся, и при таком короле, как наш, прусскому правительству, может быть, выпала *честь* идти впереди других стран по этому пути, который один только и может привести к цели».

Насколько *изолированным* являлся в ландтаге этот мужественный, полный достоинства, решительный взгляд, показало всё наше изложение. Слишком часто делал в этом смысле замечания референту сам председатель. Это, наконец, высказал член крестьянского сословия в запальчивой, но превосходной речи:

«*Все ходят вокруг да около данного вопроса, как кот вокруг горячей каши*». «Человеческий дух должен свободно развиваться *сообразно присущим ему законам* и обладать правом сообщать другим то, что им достигнуто, иначе прозрачный живительный поток превратится в зловонное болото. Если для какого-нибудь народа особенно пригодна свобода печати, то это именно для спокойного, добродушного немецкого народа, скорее нуждающегося в будоражении, которое выводило бы его из флегматичного состояния, чем в духовных тисках цензуры. Невозможность беспрепятственно передавать другим свои мысли и чувства очень напоминает североамериканскую систему одиночного заключения, которая своей крайней суровостью часто приводит заключённых к сумасшествию. Если человек не вправе порицать, то и похвала его не имеет значения. Всё это по своей безжизненности напоминает китайскую картину, которой недостаёт теней. Постараемся же, чтобы мы не оказались в том положении, в каком находится этот обессиленный народ!»

Оглядываясь назад на весь ход прений о печати, мы не можем подавить в себе тоскливое и тягостное чувство, которое вызывает собрание представителей *Рейнской провинции*, колеблющихся между намеренной закоснелостью привилегии и естественным бессилием половинчатого либерализма. Мы с горечью констатируем почти полное отсутствие общих и широких точек зрения, а равно небрежную поверхностность, с которой дебатруется и устраняется вопрос о свободной печати. Мы ещё раз спрашиваем себя, неужели так чужда печать сословным представителям, неужели так мало у неё реальных точек соприкосновения с последними, что они не умеют защищать свободу печати с глубоким и серьёзным интересом, вытекающим из действительной потребности.

Свобода печати подала свою петицию сословиям с *тончайшей* *captatio benevolentiae* *.

Уже в самом начале заседаний ландтага возникли дебаты, в ходе которых *председатель* заявил, что *печатание протоколов ландтага* — как и всякого рода других произведений — подлежит *цензуре*, но что в данном случае *он*, председатель, заступает место цензора.

Разве уже в *одном* этом пункте дело *свободы печати* не совпало со *свободой ландтага*? Эта коллизия тем более интересна, что здесь ландтагу, в его собственном лице, дано было доказательство того, как призрачны все остальные свободы при отсутствии свободы печати. Одна форма свободы обуславливает другую, как один член тела обуславливает другой. Всякий раз, когда под вопрос ставится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще. Всякий раз, когда отвергается какая-либо одна форма свободы, этим самым отвергается свобода вообще, — она обрекается на призрачное существование, и от чистой случайности будет зависеть, в какой именно области несвобода будет безраздельно господствовать. Несвобода становится правилом, а свобода — исключением из правила, делом случая и произвола. Нет поэтому ничего более ошибочного, чем полагать, будто вопрос об *особой* форме существования свободы есть *особый вопрос*. Это — общий вопрос в пределах особой сферы. Свобода остаётся свободой, в чём бы она ни выражалась: в типографской ли краске, во владении ли землёй, в совести или же в политическом собрании. Но лойяльный друг свободы, который чувствовал бы себя задетым в своей чести, если бы пришлось голосованием ответить на вопрос: *быть или не быть свободе?* — этот самый друг свободы становится в тупик перед своеобразным жизненным материалом, в котором свобода нашла своё проявление; в разновидности он не узнаёт рода, из-за печати он забывает свободу. Ему кажется, что предмет его суждения — чуждая ему сущность, а между тем он осуждает свою собственную сущность. Таким образом, шестой рейнский ландтаг, осудив свободу печати, осудил самого себя.

Высокомудрые практики-бюрократы, думающие про себя втихомолку и без всякого основания то, что *Перикл* вслух и с полным правом говорил о себе: «В знании потребностей государства, как и в искусстве развивать их, я могу помериться со всяким»³³, — эти наследственные арендаторы политического разума, наверно, будут пожимать плечами и с важностью оракула вещать, что защитники свободы печати тратят зря

* — попыткой завоевать благосклонность. *Ред.*

свой порох, ибо *мягкая* цензура лучше ведь *суровой* свободы печати. Мы ответим им то же, что ответили спартанцы *Спертий* и *Булис персидскому сатрапу* Гидарну:

«Гидарн, совет, который ты нам предлагаешь, ты не взвесил с обеих сторон. Ибо одно, что ты советуешь, ты испытал на себе самом; другое же осталось для тебя неиспытанным. Ты знаешь, что значит быть рабом; свободы же ты не вкусил ещё ни разу и не знаешь, сладостна она или нет. Ибо если бы ты вкусил её, то ты советовал бы нам сражаться за нее не только копьями, но и топорами»³⁴.

Написано К. Марксом в апреле 1842 г.

*Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого*

*Напечатано в приложениях к «Rheinische
Zeitung» №№ 125, 128, 130, 132, 135 и 139;
5, 8, 10, 12, 15 и 19 мая 1842 г.*

*Подпись: Житель Рейнской
провинции*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» — первая публицистическая статья Карла Маркса, с которой он начал свою политическую деятельность как революционный демократ.

Вопрос, поднятый в статье, — о положении печати в Пруссии — приобрёл особую остроту в начале 40-х годов XIX в. в связи с оживлением либерального и демократического движения в Германии, стоявшей тогда накануне буржуазной революции. Новая цензурная инструкция прусского правительства от 24 декабря 1841 г., на словах выражавшая неодобрение стеснениям литературной деятельности, на деле не только сохраняла реакционную прусскую цензуру, но и усиливала её.

Статья Маркса, разоблачавшая мнимый либерализм новой цензурной инструкции, в Германии не увидела света; написанная между 15 января и 10 февраля 1842 г., она была опубликована лишь в феврале 1843 г. в Швейцарии, в первом томе сборника «Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики»). В этот двухтомный сборник, изданный А. Руге, кроме двух статей К. Маркса входили также статьи Б. Бауэра, Л. Фейербаха, Ф. Кёппена, А. Руге и др.

Статьёй «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс открыл Собрание своих сочинений, которое Г. Беккер начал издавать в Кёльне в 1851 г. (Gesammelte Aufsätze von Karl Marx, herausgegeben von Hermann Becker. I. Heft, Köln, 1851). Из-за правительственных преследований это издание после выхода первого выпуска было прекращено. — 3.

² Из стихотворения Гёте «Отчёт» («Rechenschaft»). — 7.

³ Из статьи Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии». — 7.

⁴ Стерн. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», том первый, глава XI. — 7.

- ⁵ Из предисловия Вольтера к его комедии «Блудный сын» («L'Enfant prodigue»). — 8.
- ⁶ *Союзный акт* был принят Венским конгрессом 8 июня 1815 г.; на основании этого акта многочисленные немецкие государства формально были объединены в так называемый Германский союз. Создание Германского союза не ликвидировало раздробленности Германии; общий орган Германского союза — Союзный сейм, составленный из представителей немецких государств и заседавший во Франкфурте-на-Майне, стал оплотом общегерманской реакции. — 9.
- ⁷ Намёк на переговоры, которые прусские дипломаты вели по поручению короля Фридриха-Вильгельма IV с римским папой в целях урегулирования конфликта между прусским правительством и католической церковью. Этот конфликт, известный под названием «*церковной смуты*» или «*кёльнской смуты*», возник в связи с вопросом о вероисповедании детей при смешанных браках (между католиками и протестантами). Начавшись в 1837 г. арестом архиепископа кёльнского, обвинённого в государственной измене за отказ подчиниться требованиям прусского короля Фридриха-Вильгельма III, этот конфликт закончился при Фридрихе-Вильгельме IV капитуляцией прусского правительства. «Пруссия перед всем светом поцеловала у папы туфлю...» — так резюмировал Маркс в письме к Руге от 9 июля 1842 г. итог этого конфликта. — 12.
- ⁸ Имеется в виду полемика против Фейербаха, поднятая Штраусом в его книге «Христианское вероучение в его историческом развитии и в борьбе с современной наукой» (D. F. Straus. «Die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtlichen Entwicklung und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft»); первый том книги Штрауса вышел в 1840 г., второй — в 1841 году. В связи с этой полемикой был напечатан ряд статей по вопросу о критике религии в левогегельянском журнале «Deutsche Jahrbucher für Wissenschaft und Kunst» (Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства). В статьях, опубликованных в № 105 от 1 ноября 1841 г. и в №№ 7 и 8 от 10 и 11 января 1842 г. под псевдонимами «Берлинец» и «Тоже берлинец», была сделана попытка сгладить различие в позициях Штрауса и Фейербаха. Подписав свою статью псевдонимом «Не-берлинец», К. Маркс подчеркнул этим своё разногласие с авторами указанных статей. — 28.
- ⁹ Martin Luther. «Samtliche Deutsche Schrifften und Wercke». 22 Theile, Leipzig, 1729 — 1734 (Мартин Лютер. «Полное собрание сочинений на немецком языке». В 22-х частях, Лейпциг, 1729 — 1734). — 29.
- ¹⁰ Маркс имеет в виду книгу: L. Feuerbach. «Das Wesen des Christenthums» (Л. Фейербах. «Сущность христианства»), вышедшую в Лейпциге в июне 1841 года — 29.
- ¹¹ «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании, протоколов сословного собрания». Дебатам шестого рейнского ландтага Маркс посвятил три статьи, из которых были опубликованы лишь первая и третья (см. настоящий том, стр. 30 — 84 и 119 — 160). В первой статье этой серии Маркс,

продолжая свою критику прусской реакционной цензуры, начатую в ещё неопубликованных к тому времени «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции», разоблачает убожество прусской реакционной печати и противопоставляет ей образ смелой, боевой печати, выражающей нужды и стремления народа. Маркс освещает в этой статье и другой вопрос, волновавший народные массы и прогрессивную часть буржуазии в предреволюционной Германии, — вопрос о представительном строе. На примере обсуждения вопроса о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания Маркс показал, что ландтаг не имел ничего общего с народным представительством, что он отстаивал сословные привилегии вопреки интересам народа.

Опубликование статьи, посвящённой дебатам о свободе печати, положило начало сотрудничеству Маркса в «*Rheinische Zeitung*».

«*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые левые гегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «*Rheinische Zeitung*», а с октября того же года — одним из её редакторов. В «*Rheinische Zeitung*» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать всё более определённый революционно-демократический характер. Это направление «*Rheinische Zeitung*», приобретавшей всё большую популярность в Германии, вызвало тревогу и недовольство в правительственных кругах и злобную травлю газеты со стороны реакционной прессы. 19 января 1843 г. прусское правительство приняло постановление закрыть «*Rheinische Zeitung*» с 1 апреля 1843 г., а на оставшееся время ввести для неё особенно строгую, двойную цензуру. В связи с намерением акционеров «*Rheinische Zeitung*» придать ей более умеренный тон и таким путём добиться отмены правительственного постановления Маркс 17 марта 1843 г. заявил о своём выходе из редакции «*Rheinische Zeitung*» (см. настоящий том, стр. 218). — 30.

¹² Сословные собрания провинций (ландтаги) были учреждены в Пруссии в 1823 году. Они состояли из: 1) представителей княжеского сословия — бывших владетельных семей германской империи, главы которых являлись членами ландтага по праву рождения; 2) представителей рыцарского сословия, т. е. дворянства; 3) представителей городов; 4) представителей сельских общин. Так как основным условием для участия в выборах в ландтаг было владение земельной собственностью, то большая часть населения была отстранена от этих выборов. Избирательный ценз и вся механика выборов обеспечивали большинство в ландтагах дворянству. Ландтаги созывались королём, компетенция их ограничивалась вопросами местного хозяйства и провинциального управления. В области политической ландтаги обладали весьма ограниченными совещательными функциями — они имели право высказывать своё мнение по поводу тех или иных законопроектов, предлагаемых правительством на их обсуждение.

Шестой рейнский ландтаг заседал с 23 мая до 25 июля 1841 г. в Дюссельдорфе. Дебаты о свободе печати развернулись при обсуждении вопроса о публикации протоколов ландтага (это право

впервые было предоставлено ландтагу королевским указом от 30 апреля 1841 г.), а также в связи с петициями ряда городов о свободе печати. — 30.

¹³ «*Staats-Zeitung*» — сокращённое название «*Allgemeine Preussische Staats-Zeitung*» («Всеобщей прусской государственной газеты»), основанной в Берлине в 1819 году. В 40-х годах XIX в. газета являлась полуофициальным органом прусского правительства. — 20.

¹⁴ «*Vossische Zeitung*» («Фоссова газета») — так называли по имени её владельца ежедневную газету «*Königlich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen*» («Берлинская королевско-привилегированная газета по вопросам политики и науки»), выходившую под этим названием с 1785 г. в Берлине. — 30.

¹⁵ «*Spenersche Zeitung*» («Шпенерская газета») — так называли по имени её издателя газету «*Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen*» («Берлинские известия по вопросам политики и науки»), выходившую в Берлине с 1740 по 1874 год. В начале 40-х годов XIX в. газета являлась полуофициальным правительственным органом. — 30.

¹⁶ *Эпименид* — критский жрец, спавший, согласно легенде, непробудным сном более полустолетия. — 31.

¹⁷ Намёк на статью «Отечественная пресса и отечественная статистика», помещённую в «*Allgemeine Preussische Staats-Zeitung*». — 31.

¹⁸ Повидимому, речь идёт о Конфуции, которого в XIX в. считали автором наиболее раннего комментария к «И-цзин» («Книга перемен»). В этом древнейшем памятнике китайской литературы содержатся основы натурфилософской концепции, главной идеей которой является изменяемость всего существующего. По этой концепции знаки (*гуа*), образованные из различных сочетаний трёх — целых и прерванных — прямых линий, символизируют вещи и явления мира. — 32.

¹⁹ Называя Пифагора «статистиком мироздания», Маркс имеет в виду представление Пифагора о числе как о сущности всех вещей. — 32.

²⁰ Маркс имеет в виду изречение Гераклита: «сухая душа — мудрейшая и наилучшая». — 33.

²¹ «*Allgemeine Zeitung*» («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная реакционная газета, основана в 1798 г.; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. — 33.

²² «*Journal des Débats*» — сокращённое название французской ежедневной буржуазной газеты «*Journal des Débats politiques et littéraires*» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. — 33.

²³ Из стихотворения Шиллера «Слова веры», — 34.

²⁴ Гёте. «Заметки об искусстве», — 35.

- ²⁵ Здесь и в дальнейшем Маркс цитирует: «Sitzungs-Protokolle des sechsten Rheinischen Provinzial-Landtags». Coblenz, 1841 («Протоколы заседаний шестого рейнского провинциального ландтага». Кобленц, 1841). — 37.
- ²⁶ Речь идёт об исторической школе права — реакционном направлении в исторической и правовой науке, возникшем в Германии в конце XVIII века. Характеристику этой школы см. в статьях К. Маркса «Философский манифест исторической школы права» и «К критике гегелевской философии права. Введение» (настоящий том, стр. 85 — 92 и 416). — 37.
- ²⁷ Шекспир. «Сон в летнюю ночь», акт V, сцена первая. — 38.
- ²⁸ «*Berliner politisches Wochenblatt*» («Берлинский политический еженедельник») — крайне реакционный орган, издавался с 1831 по 1841 г. при участии К. Галлера, Лео, Раумера и других; пользовался поддержкой и покровительством кронпринца Фридриха-Вильгельма (с 1840 г. — король Фридрих-Вильгельм IV). — 43.
- ²⁹ Перефразированная строфа из стихотворения Уланда «Мечь». — 54.
- ³⁰ Маркс перефразирует строку из стихотворения Гёте «Ученик чародея». — 64.
- ³¹ *Гуа* — см. примечание 18. — 55.
- ³² Эти и приведённые ниже стихотворные строки Харири, средневекового арабского писателя, Маркс цитирует по книге: F. Ruckert. «Die Verwandlungen des Abu Seid von Serug oder die Makamen des Hariri». Stuttgart, 1826 (Ф. Рюккерт. «Превращения Абу-Сеида из Серуга, или Макамы Харири». Штутгарт, 1826). — 72.
- ³³ Из второй книги «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида. — 83.
- ³⁴ Из седьмой книги «Истории» Геродота. Спертий и Булис — спартанцы, направленные к персидскому царю Ксерксу в качестве искупительной жертвы за убийство персидского посла лакедемонянами. — 84.
- ³⁵ *Папагено* — персонаж из оперы Моцарта «Волшебная флейта», птицелов, носивший одежду из птичьих перьев. — 85.
- ³⁶ Маркс имеет в виду книгу: G. Hugo. «Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts, besonders des Privatrechts» (Г. Гуго. «Учебник естественного права, как философии позитивного права, в особенности — частного права»). — 86.
- ³⁷ Речь идёт о статье немецкого реакционного юриста Савиньи, написанной им в 1838 г. к пятидесятилетнему юбилею присвоения Гуго степени доктора юридических наук. — 86.
- ³⁸ Имеется в виду обычай, существовавший ранее у одной из сословно-кастовых групп Индии — раджпутов. — 87.

³⁹ Этот раздел статьи Маркса не был допущен цензурой к опубликованию. Печатается по копии рукописи. — 89.

⁴⁰ Маркс имеет в виду проповедь «свободы любви» в произведениях некоторых писателей-младогерманцев.

«Молодая Германия» — литературная группа, возникшая в 30-х годах XIX в. в Германии и находившаяся под влиянием Гейне и Бёрне. Отражая в своих художественных и публицистических произведениях оппозиционные настроения мелкой буржуазии, писатели «Молодой Германии» (Гуцков, Винбарг, Мундт и др.) выступали в защиту свободы совести и печати. Взгляды младогерманцев отличались идейной незрелостью и политической неопределённостью; вскоре большинство из них выродилось в заурядных буржуазных либералов. — 90.

⁴¹ Намёк на книгу F. K. Savigny. «Vom Beruf unsrer Zeit fur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft». Heidelberg, 1814 (Ф. К. Савиньи. «О призвании нашего времени в области законодательства и юриспруденции». Гейдельберг, 1814) и на назначение Савиньи в 1842 г. министром по пересмотру законов. — 91.

⁴² «*Kolnische Zeitung*» («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года. В 30-х и начале 40-х годов XIX в. выступала в защиту католической церкви против господствовавшего в прусском государстве протестантизма. «*Kolnische Zeitung*», политическим редактором которой в 1842 г. стал реакционный публицист Гермес — тайный агент прусского правительства, вела яростную борьбу против «*Rheinische Zeitung*» редактируемой Марксом. — 93.

⁴³ Маркс цитирует Лукиана по изданию: «*Griechische Prosaiker in neuen Uebersetzungen*». Fünftes Bandchen, Stuttgart, 1827, S. 176 («Греческие прозаики в новых переводах». Пятая книжка, Штутгарт, 1827, . стр. 176). — 94.

⁴⁴ *Веды* — древнейшие памятники индийской литературы и религии, написанные стихами и прозой; создавались на протяжении ряда веков — не позднее 6 в. до н. э. — 100.

⁴⁵ Речь идёт о Конституционной хартии (*Charte constitutionnelle*), принятой после буржуазной революции 1830 г. во Франции и являвшейся основным законом Июльской монархии. — 102.

⁴⁶ Шекспир. «Король Лир», акт II, сцена вторая. — 104.

⁴⁷ Намёк на участие редактора «*Kolnische Zeitung*» Гермеса в молодости в оппозиционном движении немецкого студенчества. — 104.

⁴⁸ *Корибанты* — жрецы культа богини Кибелы; *кабиры* — жрецы культа древнегреческих богов — кабиров. Корибанты и кабиры отождествлялись в Малой Азии с критскими куретами — жрецами матери Зевса, богини Реи. Согласно мифу, куреты ударами мечей о щиты заглушали крик новорождённого Зевса. — 106.

⁴⁹ Маркс имеет в виду ожесточённую полемику реакционной немецкой прессы против философской критики религии; начало этой критике

было положено книгой Штрауса «Жизнь Иисуса» (D. F. Straus. «Das Leben Jesu»), первый том которой вышел в свет в 1835 г., второй — в 1836 году. — 106.

⁵⁰ «*Hamburger Korrespondent*» — сокращённое название газеты «Staats und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unparteiischen Korrespondenten» («Политическая и научная газета гамбургского беспристрастного корреспондента»). В 40-х годах XIX в. газета выходила ежедневно, имела реакционно-монархическое направление. — 106.

⁵¹ «*Deutsche Jahrbucher*» — сокращённое название литературно-философского журнала левых гегельянцев «*Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst*» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»). Журнал издавался в Лейпциге под редакцией А. Руге с июля 1841 года. Ранее (1838 — 1841) журнал выходил под названием «*Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst*» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»). Перенесение местопребывания редакции из прусского города Галле в Саксонию и перемена названия журнала были вызваны угрозой запрещения «*Hallische Jahrbucher*» в пределах Пруссии. Но и под новым названием журнал просуществовал недолго. В январе 1843 г. журнал «*Deutsche Jahrbucher*» был закрыт саксонским правительством и запрещён постановлением Союзного сейма на всей территории Германии. — 106.

⁵² «*Konigsberger Zeitung*» — сокращённое название ежедневной газеты «*Koniglich-Preussische Staats-Kriegs- und Friedens-Zeitung*» («Королевско-прусская газета по государственным, военным и мирным вопросам»); под этим названием выходила в Кёнигсберге с 1752 по 1850 год. В 40-х годах XIX в. — прогрессивная буржуазная газета. — 112.

⁵³ Речь идёт о корреспонденции из Берлина от 21 августа 1842 г., перепечатанной в «*Rheinische Zeitung*» № 273 от 30 сентября 1842 г. из журнала Вейтлинга «*Die junge Generation*» («Молодое поколение») за сентябрь 1842 года. — 114.

⁵⁴ Маркс имеет в виду памфлет «Величайшая деградация аугсбургской «*Allgemeine Zeitung*»», напечатанный в 1842 г. в 1 и 2 выпусках журнала «*Mefistofeles*».

«*Mefistofeles. Revue der deutschen Gegenwart in Skizzen und Umrissen*» («Мефистофель. Обзор немецкой современности в очерках и набросках») — журнал, издававшийся в 1842 — 1844 гг. немецким буржуазным литератором Ф. Штейнманом; всего вышло 5 выпусков. — 114.

⁵⁵ Речь идёт о десятом конгрессе учёных Франции, происходившем в Страсбурге с 28 сентября по 9 октября 1842 года. На конгрессе присутствовали учёные из Германии, Швейцарии, Англии, Бельгии, России и других стран. На одной из секций конгресса обсуждались предложения фурьеристов по улучшению социального положения неимущих классов. Участники конгресса рассматривали вопрос о положении трудящихся с буржуазно-филантропических позиций. — 115.

⁵⁶ *Автономисты* — так называли представителей бывших владетельных княжеских и графских семей, за которыми на основании Союзного

акта 1815 г. сохранялась автономия в смысле права распоряжения своими наследственными владениями по собственному усмотрению, независимо от общего законодательства по вопросам наследства, опеки и т. д. — 117.

- ⁵⁷ Вторая статья Маркса о дебатах шестого рейнского ландтага не была допущена цензурой к опубликованию, рукопись её не сохранилась. В письме к Руге 9 июля 1842 г. Маркс писал: «Моя вторая статья о ландтаге, касающаяся вопроса о церковной смуте, вычеркнута цензурой. Я показал в этой статье, как защитники государства стали на церковную точку зрения, а защитники церкви — на государственную».

«Церковная смута» — см. примечание 7. — 119.

- ⁵⁸ «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса». В этой статье Маркс впервые выступает в защиту материальных интересов народных масс. Работа над этой статьёй дала первый толчок занятиям Маркса политической экономией. Об этом Маркс писал в предисловии к своей работе «К критике политической экономии» (1859): «В 1842 — 1843 гг. мне как редактору «*Rheinische Zeitung*» пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, ведомственная полемика, в которую г-н фон Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской провинции, вступил с «*Rheinische Zeitung*» по вопросу о положении мозельских крестьян, наконец, прения о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами». — 119.

- ⁵⁹ Маркс имеет в виду уголовное уложение Карла V (*Constitutio criminalis Carolina*), принятое рейхстагом в Регенсбурге в 1532 году; это уложение отличалось крайней жестокостью наказаний. — 121.

- ⁶⁰ Montesquieu. «*De l'esprit des lois*». Tome premier, livre sixième, chapitre XII (Монтескьё. «О духе законов». Том первый, книга шестая, глава XII). — 122.

- ⁶¹ Имеются в виду так называемые «варварские правды» («*leges barbarorum*»), составленные в V — IX вв. и представлявшие собой запись обычного права различных германских племён (франков, фризов и др.). — 127.

- ⁶² Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена первая. — 132.

- ⁶³ «*Le National*» («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 г.; в 40-х годах — орган умеренных, буржуазных республиканцев. — 133.

- ⁶⁴ *Патримониальная юрисдикция* — феодальное право помещика судить и подвергать наказанию своих крестьян. — 133.

- ⁶⁵ Гёте. «Рейнеке-Лис», песнь шестая. — 143.

- ⁶⁶ Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена первая. — 154.

- ⁶⁷ Упоминаемый Марксом факт имел место во время осады Антверпена в 1584 — 1585 гг. войсками испанского короля Филиппа II, подавлявшими восстание Нидерландов против абсолютистской Испании. — 155.
- ⁶⁸ «*Парламент святых*» — имеется в виду созданный в июле и распущенный в декабре 1653 г. Кромвелем Малый парламент, в состав которого вошло много представителей местных религиозных общин, облакавших свою критику политики Кромвеля в религиозно-мистическую форму и получивших насмешливое прозвище «святых». — 156.
- ⁶⁹ *Тидунг* — область на острове Борнео. — 158.
- ⁷⁰ Намёк на обсуждение шестым рейнским ландтагом законопроекта о нарушении правил об охоте, лишившего крестьян права охотиться даже на зайцев. — 160.
- ⁷¹ В настоящей статье К. Маркс подверг критике проект закона о разводе, составленный в 1842 г. под руководством Савиньи. Подготовка и обсуждение в правительственных сферах законопроекта о разводе были окружены глубочайшей тайной. Тем не менее 20 октября 1842 г. «*Rheinische Zeitung*» опубликовала проект закона и тем самым положила начало широкой публичной дискуссии о законопроекте на страницах «*Rheinische Zeitung*», «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» и других газет. Опубликование проекта закона о разводе и решительный отказ редакции «*Rheinische Zeitung*» назвать лицо, приславшее текст законопроекта, было одной из причин запрещения «*Rheinische Zeitung*». — 161.
- ⁷² Из редакционного примечания к статье «Проект нового закона о браке», опубликованной в приложении к «*Rheinische Zeitung*» № 319 от 15 ноября 1842 года. — 162.
- ⁷³ G. W. F. Hegel. «Grundlinien der Philosophie des Rechts». Zusatz zu § 163 (Г. В. Ф. Гегель. «Основы философии права». Добавление к § 163). — 163.
- ⁷⁴ «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» («Лейпцигская всеобщая газета») — немецкая ежедневная газета, выходила с 1837 года. В начале 40-х годов XIX в. — прогрессивная буржуазная газета. Была запрещена в пределах Пруссии кабинетским указом от 28 декабря 1842 г., в Саксонии выходила до 1 апреля 1843 года. Заглавие статьи дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — 165.
- ⁷⁵ «*Elberfelder Zeitung*» («Эльберфельдская газета») — немецкая ежедневная газета, выходила в Эльберфельде с 1834 по 1904 год. В 30 — 40-х годах XIX в. имела консервативное направление. — 169.
- ⁷⁶ «*Dusseldorfer Zeitung*» («Дюссельдорфская газета») — немецкая ежедневная газета, под этим названием выходила в Дюссельдорфе с 1826 по 1926 год. В 40-х годах XIX в. газета имела буржуазно-либеральное направление. — 169.

- ⁷⁷ Имеется в виду «*Rhein- und Mosel-Zeitung*» («Рейнско-мозельская газета») — ежедневная реакционная католическая газета, выходившая в Кобленце с 1831 по 1850 год. — 170.
- ⁷⁸ Речь идёт о событиях, связанных с отменой конституции королём Ганновера в 1837 году. Этот акт произвола вызвал протест семи либеральных профессоров Гёттингенского университета (братьев Гримм, Дальмана, Гервинуса, Эвальда, Альбрехта и Вебера), которые были смещены за это со своих должностей; некоторые из них были высланы. Ганноверские события вызвали широкий отклик во всей Германии. «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» выступала в защиту гёттингенских профессоров. — 170.
- ⁷⁹ «*Munchener politische Blätter*» — сокращённое название выходившего с 1838 г. в Мюнхене клерикального журнала «*Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland*» («Историко-политические записки для католической Германии»). В 40-х годах XIX в. журнал выступал в защиту католической церкви против господствовавшего в прусском государстве протестантизма. — 170.
- ⁸⁰ «*Осы*» («*Les Guepes*») — сатирический ежемесячник, издавался с 1839 г. в Париже французским мелкобуржуазным публицистом Альфонсом Карром. — 170.
- ⁸¹ Маркс называет здесь именем мифической иерусалимской пророчицы аугсбургскую «*Allgemeine Zeitung*». — 173.
- ⁸² Имеется в виду письмо мелкобуржуазного демократа, поэта Г. Гервега Фридриху-Вильгельму IV, написанное в связи с тем, что прусское правительство запретило распространять в пределах Пруссии проектируемый Гервегом ежемесячный радикальный журнал «*Der deutsche Bote aus der Schweiz*» («Немецкий вестник из Швейцарии»). Письмо Гервега было опубликовано «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» 24 декабря 1842 г., после чего был издан кабинетский указ о запрещении этой газеты, и Гервег был выслан из Пруссии. — 174.
- ⁸³ Речь идёт о статье «Прусская пресса», напечатанной в «*Rheinische Zeitung*» № 6 от 6 января 1843 года. — 174.
- ⁸⁴ Имеются в виду сословные комиссии провинциальных ландтагов, учреждённые в Пруссии в 1841 году. Избранные провинциальными ландтагами из своего состава (по сословиям), эти комиссии образовали объединённый совещательный орган — «Соединённые комиссии». С помощью этого органа, являвшегося лишь фикцией представительного учреждения, Фридрих-Вильгельм IV рассчитывал ввести новые налоги и получить заём. — 176.
- ⁸⁵ Мольер. «Докучные», акт I, явление пятое. — 177.
- ⁸⁶ Маркс имеет в виду книгу Лючилио Ванيني «Амфитеатр вечного провидения» («*Amphitheatrum aeternae providentiae*»), опубликованную на латинском языке в 1615 году. — 178.
- ⁸⁷ Voltaire. «*La Bible enfin expliquée*». — 178.

⁸⁸ Шекспир. «Генрих IV», часть I, акт III, сцена первая. — 178.

⁸⁹ Лессинг. «Притча». — 184.

⁹⁰ В настоящей статье К. Маркс выступает в защиту положений, выдвинутых в анонимных статьях мозельского корреспондента «Rheinische Zeitung» — мелкобуржуазного демократа, юриста П. Й. Кобленца, — который был обвинён обер-президентом Рейнской провинции фон Шапером в извращении фактов и клевете на правительство. Так как Кобленц не сумел достаточно глубоко и всесторонне обосновать положения, содержащиеся в его статьях, и опровергнуть, таким образом, выдвинутые против него обвинения, — эту задачу взял на себя Маркс. Опираясь на собранный им обширный материал о бедственном положении крестьян-виноделов примозельского края, Маркс выступил от имени мозельского корреспондента с резкой критикой социально-политического строя Пруссии. Из намеченных пяти рубрик ответа (см. настоящий том, стр. 190) Марксу удалось осветить в газете только две. Написанное Марксом продолжение было запрещено цензурой. Рукопись не сохранилась. Опубликование статьи в защиту мозельского корреспондента явилось одной из основных причин правительственного постановления от 19 января 1843 г. о закрытии «Rheinische Zeitung» с 1 апреля 1843 г. и о введении для неё на оставшийся срок особо строгой цензуры. — 187.

⁹¹ Работа Маркса «К критике гегелевской философии права», написанная в Крейцнахе летом 1843 г., сохранилась в виде 39 рукописных листов, пронумерованных Марксом римскими цифрами. Первый лист рукописи до нас не дошёл. В рукописи даётся развёрнутый критический анализ §§261 — 313 работы Гегеля «Основы философии права» («Grundlinien der Philosophie des Rechts»). Эти параграфы относятся к тому разделу книги Гегеля, в котором трактуется вопрос о государстве. О выводах, сделанных Марксом в результате критического анализа взглядов Гегеля, Энгельс писал в статье «Карл Маркс» (1869): «Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришёл к мнению, что не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а, напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества».

Заглавие настоящей рукописи Маркса дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — 219.

⁹² *Santa casa* (святой дом) — так называлось здание инквизиции в Мадриде. — 232.

⁹³ Цифры XIV и X означают соответствующие листы рукописи (см. настоящий том, стр. 268 — 273 и 253 — 258). — 303.

⁹⁴ Настоящие письма Маркса были опубликованы в журнале «Deutsch-Französische Jahrbucher» в разделе «Из переписки 1843 года», в котором содержались также письма Руге, Бакунина и Фейербаха.

«*Deutsch-Französische Jahrbucher*» («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нём были опубликованы произведения К. Маркса:

«К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящий том, стр. 382 — 413, 414 — 429, 544 — 571, 572 — 597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — 371.

⁹⁵ Речь идёт о плане издания журнала «Deutsch-Französische Jahrbucher». — 378.

⁹⁶ Cabet. «Voyage en Icarie, roman philosophique et social». Deuxieme edition, Paris, 1842 (Кабе. «Путешествие в Икарию, философский и социальный роман». Второе издание, Париж, 1842). Первое издание своей книги Кабе выпустил в 1840 г. в двух томах под таким заглавием: «Voyage et aventures de lord William Carisdall en Icarie», traduits de l'Anglais de Francis Adams, par Th. Dufruit. («Путешествие и приключения лорда Уильяма Кариздалла в Икарии», перевод Т. Дюфрюи с английского текста Фрэнсиса Адамса). — 380.

⁹⁷ Маркс цитирует книгу Т. Гамильтона «Люди и нравы в Америке» по немецкому изданию: «Die Menschen und die Sitten in den vereinigten Staaten von Nordamerika». Bd. I, Mannheim, 1834, S. 146. — 390.

⁹⁸ Имеются ввиду книги: В. Bauer. «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker». Bd. 1 — 2, Leipzig, 1841; Bd. 3, Braunschweig, 1842 (Б. Бауэр. «Критика евангельской истории синоптиков». Тт. 1 — 2, Лейпциг, 1841; т. 3, Брауншвейг, 1842) и D. F. Straus. «Das Leben Jesu». Bd. 1 — 2, Tübingen, 1835 — 1836 (Д. Ф. Штраус. «Жизнь Иисуса». Тт. 1 — 2, Тюбинген, 1835 — 1836); в этих книгах давалась критика религии с левогегельянских позиций. — 407.

⁹⁹ Из направленного против Лютера памфлета Томаса Мюнцера: «Хорошо обоснованная защитительная речь и ответ безбожной, сытно живущей плоти виттенбергской, которая посредством извращений и жульнических искажений священного писания постыднейшим образом осквернила несчастное христианство» («Hoch verursachte Schutzrede und Antwort wider das geistlose, sanftlebende Fleisch zu Wittenberg, welches mit verkehrter Weise durch den Diebstahl der heiligen Schrift die erbarmliche Christenheit also ganz jammerlich besudelt hat»). Памфлет был выпущен Мюнцером в свет в 1524 году. — 410.

¹⁰⁰ Маркс имеет в виду свой обширный труд «К критике гегелевской философии права» (незаконченную рукопись этой работы см. в настоящем томе, стр. 219 — 368), который он намеревался подготовить к печати и опубликовать вслед за появившимся в «Deutsch-Französische Jahrbucher» «Введением». Об основных причинах, по которым не было осуществлено это намерение, Маркс так писал в предисловии к «Экономическо-философским рукописям 1844 года»:

«В «Deutsch-Französische Jahrbucher» я обещал дать критику науки о праве и государстве в виде критики гегелевской философии права. При обработке материалов для печати оказалось, что сочета-

ние критики, направленной только против спекулятивного мышления, с критикой различных предметов самих по себе совершенно нецелесообразно, что оно стесняет ход изложения и затрудняет понимание. Кроме того, обилие и разнородность подлежащих рассмотрению предметов позволили бы втиснуть весь этот материал в *одно* сочинение только при условии совершенно афористического изложения, а такое афористическое изложение, в свою очередь, создавало бы *видимость* произвольного систематизирования».

Исходя из этих соображений, Маркс пришёл в то время к выводу, что целесообразней дать критику права, морали, политики и т. д. в отдельных брошюрах, завершив всё это обобщающим трудом, содержащим критику идеалистической, спекулятивной философии. Однако необходимость борьбы против левых гегельянцев, а также и других представителей немецкой буржуазной и мелкобуржуазной идеологии побудила Маркса изменить свои первоначальные замыслы и дать развёрнутую критику идеалистической, спекулятивной философии в тесной связи с разработкой основ нового, революционно-материалистического мировоззрения. Эта задача была выполнена Марксом и Энгельсом в совместных трудах «Святое семейство» и «Немецкая идеология». — 415.

¹⁰¹ Маркс имеет в виду философа Анахарсиса, скифа по происхождению, которого греки, по свидетельству Диогена Лаэртца, причисляли к группе семи греческих мудрецов. — 419.

¹⁰² *Сентябрьские законы* — реакционные законы, изданные французским правительством в сентябре 1835 года; ограничивали деятельность суда присяжных и вводили суровые меры против печати. В отношении печати предусматривалось увеличение денежных залогов для периодических изданий и вводилось тюремное заключение и крупные денежные штрафы за выступления против собственности и существующего государственного строя. — 424.

¹⁰³ Настоящая статья К. Маркса направлена против А. Руге, выступившего в «Vorwärts!» под псевдонимом «Пруссак».

«Vorwärts!» («Вперёд!») — немецкая газета, выходила в Париже с января по декабрь 1844 г. два раза в неделю. Кроме упомянутой статьи Маркса в газете были опубликованы также статьи Энгельса. Под влиянием Маркса, который с лета 1844 г. стал принимать близкое участие в редактировании газеты, она начала приобретать коммунистический характер; газета развернула острую критику реакционных порядков в Пруссии. По требованию прусского правительства министерство Гизо в январе 1845 г. издало распоряжение о высылке Маркса и некоторых других сотрудников газеты из Франции; издание «Vorwärts!» прекратилось. — 430.

¹⁰⁴ Имеется в виду восстание силезских ткачей 4 — 6 июня 1844 г. — первая крупная классовая схватка между пролетариатом и буржуазией в Германии. — 430.

¹⁰⁵ «La Reforme» («Реформа») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев; издавалась в Париже с 1843 по 1850 год. С октября 1847 до января 1848 г. Энгельс опубликовал в этой газете ряд статей. — 430.

- ¹⁰⁶ Маркс имеет в виду указ прусского короля Фридриха-Вильгельма IV от 18 июня 1843 г., изданный в связи с участием правительственных чиновников в банкете либералов, который был устроен в Дюссельдорфе в честь седьмого рейнского ландтага; указ запрещал государственным служащим участвовать в подобных манифестациях. — 431.
- ¹⁰⁷ Маркс цитирует Ф. Бэкона по французскому переводу книги Мак-Куллоха «Рассуждение о происхождении, успехах, отдельных вопросах и значении политической экономии» (J. R. Mac Culloch. «Discours sur l'origine, les progrès, les objets particuliers, et l'importance de l'économie politique». Gengve — Paris, 1825, p. 131 — 132). — 434.
- ¹⁰⁸ *Сомерсет-хаус* (Somerset House) — дворец в западной части Лондона, в котором помещались различные правительственные учреждения. — 436.
- ¹⁰⁹ Маркс имеет в виду революционную песню «Кровавая расправа», получившую распространение в текстильных округах Силезии накануне восстания ткачей. — 443.
- ¹¹⁰ Маркс цитирует книгу: M. Chevalier. «Des Interets materiels en France» (М. Шевалье. «О материальных интересах во Франции»), вышедшую несколькими изданиями в 1838 г. в Париже и Брюсселе. — 446.
- ¹¹¹ Речь идёт о восстаниях лионских рабочих в ноябре 1831 и апреле 1834 года. — 446.
- ¹¹² «Письма из Вупперталя» — первое публицистическое произведение Ф. Энгельса, с которого началось его сотрудничество в журнале «Telegraph fur Deutschland», продолжавшееся с 1839 по 1841 год.
- «Telegraph fur Deutschland» («Германский телеграф») — литературный журнал, основан Гуцковым, выходил в Гамбурге с 1838 по 1848 год. В конце 30-х и начале 40-х годов выражал взгляды «Молодой Германии». — 451.
- ¹¹³ «Друзья света» — религиозное течение, направленное против господствовавшего в официальной протестантской церкви пиетизма, отличавшегося крайним мистицизмом и ханжеством. Эта религиозная оппозиция была одной из форм проявления недовольства немецкой буржуазии 40-х годов XIX в. реакционными порядками в Германии. — 451.
- ¹¹⁴ Из стихотворения Гёте «Миньона». — 452.
- ¹¹⁵ Энгельс имеет в виду лютеран, которые посредством принудительной унии 1817 г. были объединены с реформатами (кальвинистами) в евангелическую церковь, и старолютеран — противников этой унии, сторонников «истинной» лютеранской церкви. — 455.
- ¹¹⁶ Имеются в виду полные угрозы и оскорбления послания, которыми обменялись папа Григорий VII и германский император Генрих IV в 1075 — 1076 гг. в связи с борьбой духовной и светской власти за главенство. — 459.

- ¹¹⁷ Речь идёт об оппозиционных выступлениях немецких студенческих гимнастических обществ. Эти общества, возникшие в Германии в начале XIX в., активно участвовали в освободительной борьбе немецкого народа против владычества Наполеона; однако они не были свободны от националистических влияний. После Венского конгресса (1814 — 1815) многие оппозиционно настроенные участники гимнастических обществ боролись за объединение Германии и выступали против реакционного строя в немецких государствах, за что в 1819 г. были обвинены в «демагогии» и подверглись репрессиям. — 459.
- ¹¹⁸ *Вартбургское празднество* было организовано немецким студенчеством 18 октября 1817 года в связи с 300-летием реформации и 4-й годовщиной Лейпцигской битвы 1813 года. Празднество вылилось в демонстрацию оппозиционно настроенного студенчества против меттерниховского режима. — 459.
- ¹¹⁹ Имеется в виду Герман (Арминий), вождь племени херусков, который возглавил германские племена, разбившие римские легионы в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). — 462.
- ¹²⁰ Стихотворение «Боги Греции», в котором Шиллер в светлых, радостных красках рисует мир античных богов, в переделке Штира звучит как осуждение греков за их «греховный культ». — 463.
- ¹²¹ Рецензия на книгу И. Х. Ф. Винклера «Звуки арфы» была напечатана в журнале «Telegraph fur Deutschland» № 208 в декабре 1838 года. — 463.
- ¹²² *Ректорские школы* — так назывались в Рейнской провинции и Вестфалии начальные пятиклассные школы. — 467.
- ¹²³ «*Молодая Германия*» — см. примечание 40. — 467.
- ¹²⁴ Речь идёт о владельцах барменской торговой фирмы «Эйнер и сыновья», у которых Фрейлиграт в 1837 — 1839 гг. служил приказчиком. — 468.
- ¹²⁵ Мотивы народной сказки «Царевна-лягушка» встречаются в стихотворении Ф. Фрейлиграта «Ласточкина сказка» («Schwalbenmarchen»), а народной сказки «Белоснежка» — в стихотворении «Прогулка по морю» («Meerfahrt»). — 468.
- ¹²⁶ «*Morgenblatt*» — сокращённое название ежедневной литературной газеты «Morgenblatt fur gebildete Leser» («Утренний листок для образованных читателей»), которая издавалась в Штутгарте и Тюбингене с 1807 по 1865 год. В 1840 — 1841 гг. в ней было помещено несколько корреспонденций Ф. Энгельса по вопросам литературы и искусства. — 468.
- ¹²⁷ Из комедии немецкого поэта Платена «Романтический Эдип», акт III, сцена четвёртая. — 469.
- ¹²⁸ *Монтанус Эремита* — горный отшельник. Так Энгельс иронически называет немецкого писателя Винценца Цуккальмальо, опубликовавшего в 1836 г. под псевдонимом «Монтанус» книгу: «Die Vorzeit der

Lander Cleve-Mark, Julich-Berg und Westphalen» («Прошлое областей Клеве-Марк, Юлих-Берг и Вестфалии»). — 471.

¹²⁹ «*Königsberger Literatur-Blatt*» («Кёнигсбергская литературная газета»), находившаяся под влиянием «Молодой Германии», издавалась под редакцией А. Юнга в Кёнигсберге с 1841 по 1845 год. — 474.

¹³⁰ A. Jung. «Briefe über die neueste Literatur. Hamburg, 1837 (А. Юнг. «Письма о новейшей литературе». Гамбург, 1837). — 474.

¹³¹ A. Jung. «Königsberg in Preussen und die Extreme des dortigen Pietismus». Braunsberg, 1840. — 474.

¹³² «Hallische Jahrbücher» — см. примечание 51. — 474.

¹³³ Речь идёт о книге: D. F. Straus. «Die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtlichen Entwicklung und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft». Bd. 1 — 2, Tübingen und Stuttgart, 1840 — 1841 (Д. Ф. Штраус. «Христианское вероучение в его историческом развитии и в борьбе с современной наукой». Тт. 1 — 2, Тюбинген и Штутгарт, 1840 — 1841). — 475.

¹³⁴ L. Borne. «Briefe aus Paris». 1. — 2. Theile, Hamburg, 1832; 3. — 6. Theile, Paris, 1833 — 1834 (Л. Бёрне. «Парижские письма». 1 — 2 части, Гамбург, 1832; 3 — 6 части, Париж, 1833 — 1834). — 478.

¹³⁵ «Heinrich Heine über Ludwig Borne». Hamburg, 1840. — 480.

¹³⁶ *Паткуль и Вернер* — герои одноимённых драматических произведений К. Гуцкова. — 481.

¹³⁷ V. Cousin. «Über französische und deutsche Philosophie». Nebst einer beurtheilenden Vorrede des Herrn Geheimenraths von Schelling. Stuttgart und Tübingen, 1834 (В. Кузен. «О французской и немецкой философии». С критическим предисловием г-на тайного советника фон Шеллинга. Штутгарт и Тюбинген, 1834). — 483.

¹³⁸ Брошюра Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение. Критика новейшего покушения реакции на свободную философию» («Schelling und die Offenbarung. Kritik des neuesten Reaktionsversuchs gegen die freie Philosophie») была издана анонимно в Лейпциге в апреле 1842 года. — 484.

¹³⁹ Имеется в виду вышедшая анонимно книга Б. Бауэра: «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel den Atheisten und Antichristen. Ein Ultimatum». Leipzig, 1841 («Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом. Ультиматум». Лейпциг, 1841). — 485.

¹⁴⁰ Рецензия Э. Мейена на книгу А. Юнга «Лекции о современной литературе немцев» была опубликована в «*Rheinische Zeitung*» №№ 149 — 151 от 29 — 31 мая 1842 года. — 485.

¹⁴¹ Намёк на неосуществившееся намерение А. Юнга по окончании богословского факультета стать проповедником. — 486.

- ¹⁴² Настоящая статья предназначалась Энгельсом для ежемесячного радикального журнала «Der deutsche Bote aus der Schweiz» («Немецкий вестник из Швейцарии»), который Г. Гервег намеревался в 1842 г. издавать в Цюрихе вместо выходившего там журнала с таким же названием. Однако план издания нового журнала не осуществился, и статьи, предназначенные для него, были изданы летом 1843 г. в виде сборника «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz» («Двадцать один лист из Швейцарии»). — 487.
- ¹⁴³ Реакционный швейцарский юрист и историк К. Л. Галлер в своей шеститомной работе «Реставрация науки о государстве» («Restauration der Staats-Wissenschaft»), издававшейся с 1816 по 1834 г., выступил за полную реставрацию феодально-абсолютистского строя и за возрождение реакционной идеи средневекового сословно-корпоративного государства. — 489.
- ¹⁴⁴ Имеется в виду предоставление Фридрихом-Вильгельмом IV в 1841 г. старолютеранам права на создание собственной церкви. — 490.
- ¹⁴⁵ Речь идёт об аресте архиепископа кёльнского в связи с так называемой «кёльнской», или «церковной смутой» (см. примечание 7). — 490.
- ¹⁴⁶ Энгельс имеет в виду торжественные обещания, данные Фридрихом-Вильгельмом IV во время принятия им в 1840 г. присяги на верность от депутатов различных провинций и городов Пруссии (Кёнигсберг, Бреславль и др.); король заявил, что он якобы будет «заботиться о благе всех сословий и всех вероисповеданий». — 493.
- ¹⁴⁷ *Народная хартия*, содержащая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайная подача голосов, уравнивание избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. — 496.
- ¹⁴⁸ Энгельс имеет в виду попытку английских рабочих провести всеобщую стачку в ряде промышленных районов (Ланкашир, Йоркшир и др.) в августе 1842 года. Эта стачечная борьба в ряде мест вылилась в вооружённое столкновение с войсками и полицией. — 502.
- ¹⁴⁹ «*The Examiner*» («Наблюдатель») — английский еженедельник буржуазно-либерального направления, выходил в Лондоне с 1808 до 1881 года. — 505.
- ¹⁵⁰ *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Так называемые хлебные законы, направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако

именно к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм).

Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. — 605.

¹⁵¹ *Sliding-Scale* (скользящая шкала) — практиковавшаяся в Англии система установления хлебных пошлин, при которой высота их находилась в обратной зависимости от уровня хлебных цен на внутреннем рынке. — 506.

¹⁵² Имеются в виду рабочие города Болтона (близ Манчестера). — 508.

¹⁵³ Речь идёт о реформе избирательного права, проведённой английским парламентом в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — 510.

¹⁵⁴ *Эмансипация католиков* — отмена английским парламентом в 1829 г. ограничений прав католиков. Католики, большинство которых составляли ирландцы, получили право быть избранными в парламент и занимать некоторые правительственные должности; одновременно имущественный избирательный ценз был увеличен в пять раз. С помощью этого манёвра правящие классы Англии рассчитывали привлечь на свою сторону ирландскую буржуазию и расколоть ирландское национальное движение. — 510.

¹⁵⁵ *Диссентеры* — представители религиозных сект и направлений в Англии, отступающих в той или иной мере от догматов официальной англиканской церкви. — 512.

¹⁵⁶ *Национальная чартистская ассоциация*, основанная в июле 1840 г., была первой в истории рабочего движения массовой партией рабочих, насчитывавшей в годы подъёма чартизма до сорока тысяч членов. В деятельности Ассоциации сказались отсутствие идейного и тактического единства среди её членов и мелкобуржуазная идеология большинства лидеров чартизма. После поражения чартизма в 1848 г. Ассоциация пришла в упадок и в 50-х годах прекратила свою деятельность. — 516.

¹⁵⁷ *«Оракул разума»* («The Oracle of Reason») — еженедельный атеистический журнал, выходивший с 1841 по 1843 г. в Лондоне и других городах Англии. — 519.

¹⁵⁸ J. J. Rousseau. «Du Contract social; ou Principes du droit politique». Amsterdam, 1762 (Ж. Ж. Руссо. «Об общественном договоре; или Принципы политического права». Амстердам, 1762).

«Système de la Nature ou Des Loix du Monde Physique et du Monde Moral». Par M. Mirabaud, Secrétaire Perpetuel et l'un des Quarante de l'Academie Francaise. Londres, 1770 («Система природы, или О законах мира физического и мира духовного». Сочинение г-на Мирабо, неперменного секретаря и одного из сорока членов Французской

Академии. Лондон, 1770). Действительным автором книги был французский материалист П. А. Гольбах, поставивший на своей книге, в целях конспирации, фамилию умершего в 1760 г. секретаря Французской Академии Ж. Б. Мирабо. — 520.

¹⁵⁹ L. Stein. «Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs». Leipzig, 1842 (Л. Штейн. «Социализм и коммунизм современной Франции». Лейпциг, 1842). — 521.

¹⁶⁰ *Англо-ирландская уния* была навязана Ирландии английским правительством после подавления ирландского восстания 1798 года. Уния, вступившая в силу с 1 января 1801 года, уничтожила последние следы автономии Ирландии и упразднила ирландский парламент. Требование отмены унии (Repeal of Union) стало с 20-х годов XIX в. наиболее популярным лозунгом в Ирландии. Однако возглавлявшие национальное движение буржуазные либералы (О'Коннел и другие) рассматривали агитацию за отмену унии лишь как средство для того, чтобы добиться от английского правительства мелких уступок ирландской буржуазии. В 1835 г. О'Коннел, заключив сделку с английскими вигами, вообще прекратил эту агитацию. Но под воздействием массового движения ирландские либералы вынуждены были в 1840 г. основать Ассоциацию рипилеров (сторонников отмены унии), которую они старались направить на путь компромисса с английскими правящими классами. — 522.

¹⁶¹ *Главный арендатор* — посредник, который арендовал землю у земельного собственника, а затем сдавал её в субаренду мелкими участками. В Ирландии между земельным собственником и тем, кто действительно обрабатывал землю, стояло иногда до десятка посредников. — 523.

¹⁶² Статьей «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» началось сотрудничество Ф. Энгельса в еженедельнике английских социалистов-оуэнистов «The New Moral World: and Gazette of the Rational Society» («Новый нравственный мир и Газета разумного общества»). Сотрудничество Энгельса в этом органе продолжалось до мая 1845 года. Статья Энгельса с некоторыми сокращениями была напечатана также в чартистской газете «The Northern Star» («Северная звезда») №№ 313 и 315 от 11 и 25 ноября 1843 года. — 525.

¹⁶³ Имеется в виду группа английских социалистов-утопистов, организовавших в 1842 г. колонию-коммуну «Конкордиум» в Хэм-коммоне (в окрестностях Лондона); последователи английского мистика Дж. П. Гривса, хэм-коммонские социалисты проповедовали нравственное самосовершенствование и аскетический образ жизни; колония существовала недолго и вскоре распалась. — 527.

¹⁶⁴ «*La Phalange*» («Фаланга») — орган фурьеристов, издававшийся в Париже с 1832 по 1849 год; неоднократно менял название, периодичность, объём и формат. В 1840 — 1843 гг. выходил 3 раза в неделю. В связи с изданием фурьеристами с августа 1843 г. ежедневной газеты «*La Democratie pacifique*» («Мирная демократия») под названием «*La Phalange*» стал выходить теоретический журнал. — 529.

¹⁶⁵ *Работники-эгалитари* — тайное общество французских коммунистов-бабувистов, возникшее в 1840 г. и состоявшее главным образом

из рабочих. *Гуманитарии* — тайное общество коммунистов-бабувистов, объединявшихся в 1841 г. вокруг газеты «L'Humanitaire» («Защитник человечества»). Эти общества находились под идейным влиянием Т. Деза-ми и принадлежали к революционному и материалистическому направлению во французском утопическом коммунизме. — 530.

¹⁶⁶ Публичный диспут между Дж. Уотсом, который был в это время активным пропагандистом оуэнизма, и чартистским оратором Дж. Бэрстоу состоялся в Манчестере 11, 12 и 13 октября 1843 года. На диспуте, повидимому, присутствовал Ф. Энгельс. — 532.

¹⁶⁷ P. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement». Paris, 1840 (П. Ж. Прудон. «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти». Париж, 1840). — 533.

¹⁶⁸ «*Le Populaire de 1841*» («Народная газета 1841 года») — орган пропаганды мирного утопического икарийского коммунизма, выходил в Париже с 1841 до 1852 года; до 1849 г. редактировался Э. Кабе; назывался так в отличие от радикального еженедельника «Populaire», издававшегося Кабе в 1833 — 1835 годах. — 533.

¹⁶⁹ «*Независимое обозрение*» («La Revue indépendante») — общественно-политический ежемесячный журнал, находился под влиянием утопического социализма; издавался в Париже с ноября 1841 по февраль 1848 г. под редакцией П. Леру, Жорж Санд и Л. Виардо. — 533.

¹⁷⁰ «*Молодое поколение*» («Die junge Generation») — ежемесячный журнал, орган пропаганды утопического уравнительного коммунизма, издавался В. Вейтлингом в Швейцарии с сентября 1841 по май 1843 года. До января 1842 г. журнал выходил под названием «Der Hulferuf der deutschen Jugend» («Призыв о помощи немецкой молодёжи»). — 535.

¹⁷¹ W. Weitling. «Garantien der Harmonie und Freiheit». Vivis, 1842. — 536.

¹⁷² Энгельс основывается здесь на проспекте книги Вейтлинга «Евангелие бедных грешников» («Das Evangelium der armen Sunder»), опубликованном Вейтлингом в мае 1843 года. Книга Вейтлинга вышла в свет только в 1845 г. в Берне под названием «Das Eyangelium eines armen Sunders» («Евангелие бедного грешника»). — 536.

¹⁷³ Энгельс имеет в виду книгу: «Die Kommunisten in der Schweiz nach den bei Weitling vorgefundenen Papieren. Wortlicher Abdruck des Kommissionalberichtes an die H. Regierung des Standes Zurich». Zurich, 1843 («Коммунисты в Швейцарии, по документам, обнаруженным у Вейтлинга. Полный текст доклада комиссии правительству кантона Цюрих». Цюрих, 1843). Автором книги был швейцарский юрист и реакционный политический деятель И. К. Блюнчли. — 536.

¹⁷⁴ Речь идёт о памфлете Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение». — 538.

- ¹⁷⁵ За свою книгу «Спор критики с церковью и государством» («Der Streit der Kritik mit Kirche und Staat», Charlottenburg, 1843), конфискованную прусским правительством, Э. Бауэр был приговорён к 4 годам тюремного заключения. — 541.
- ¹⁷⁶ «The Times» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — 542.
- ¹⁷⁷ «Фойгтланд» («Voigtland») — под этим названием был известен один из рабочих кварталов Берлина; *Сент-Джайлс* (Saint-Giles) — квартал Лондона, населённый беднотой. — 542.
- ¹⁷⁸ «Наброски к критике политической экономии» — первая экономическая работа Ф. Энгельса, в которой он с точки зрения социализма рассматривает экономический строй буржуазного общества и основные категории буржуазной политической экономии. Маркс и впоследствии высоко оценивал эту работу Энгельса, называя её «гениальным наброском критики экономических категорий» (см. предисловие к работе «К критике политической экономии», 1859). Свидетельствуя об окончательном переходе Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму, эта работа, однако, не вполне свободна от влияния этического, «философского» коммунизма. Энгельс в ряде мест критикует буржуазное общество, ещё исходя из абстрактных принципов общечеловеческой нравственности и гуманности. — 544.
- ¹⁷⁹ A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». London, 1776 (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Лондон, 1776). — 546.
- ¹⁸⁰ J. Wade. «History of the Middle and Working Classes». 3rd ed., London, 1835. — 561.
- ¹⁸¹ A. Alison. «The Principles of Population, and their Connection with Human Happiness». Vol. 1 — 2, London, 1840 (А. Алисон. «Основы народонаселения и их связь с благоденствием человечества». Тт. 1 — 2, Лондон, 1840). — 563.
- ¹⁸² «Маркус» — псевдоним автора брошюры, вышедшей в Англии в конце 30-х годов XIX в., в которой проповедовалась человеконенавистническая мальтузианская теория. — 565.
- ¹⁸³ Имеется в виду новый «закон о бедных», принятый в Англии в 1834 году. По этому закону допускалась только одна форма помощи бедным — помещение в работные дома с тюремно-каторжным режимом, прозванные народом «бастилиями для бедных». — 565.
- ¹⁸⁴ A. Alison. «The Principles of Population...». Vol. 1, London, 1840, p. 548. — 568.
- ¹⁸⁵ A. Ure. «The Philosophy of Manufactures». London, 1835. — 571.
- ¹⁸⁶ Энгельс имеет в виду задуманную им работу по социальной истории Англии, материал для которой он собирал во время своего

пребывания в этой стране (ноябрь 1842 — август 1844 г.). В этом труде Энгельс намеревался отвести специальную главу положению английских рабочих. Позже Энгельс изменил своё намерение и решил посвятить английскому пролетариату особый труд, который и был им написан по возвращении в Германию. Книга «Положение рабочего класса в Англии» вышла в свет в Лейпциге в 1845 году. — 571.

¹⁸⁷ Речь идёт об отмене в 1828 г. акта о присяге, согласно которому занимать государственные должности могли лишь лица, принадлежавшие к англиканской церкви. — 574.

¹⁸⁸ «*Laissez faire, laissez aller*» — «предоставьте свободу действий» — формула буржуазных экономистов-фритредеров, сторонников свободы торговли и невмешательства государства в сферу экономических отношений. — 582.

¹⁸⁹ Имеются в виду «Предварительные тезисы к реформе философии» Л. Фейербаха, опубликованные в 1843 г. во втором томе сборника «*Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik*» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики»). — 590.

¹⁹⁰ *Колонии внутри страны* (Home-colonies) — так называл Оуэн свои образцовые коммунистические общества. — 596.

¹⁹¹ Подобную же оценку Карлейля Энгельс дал в одном из примечаний к своей книге «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.). Во втором немецком издании этой книги. (1892 г.) Энгельс сделал к этому примечанию следующее добавление: «Но февральская революция сделала из Карлейля законченного реакционера; справедливый гнев против филистеров сменился у него ядовитым филистерским брюзжанием на историческую волну, выбросившую его на берег». — 596.

¹⁹² Энгельс имеет в виду открытия английского учёного Блэка, который, пользуясь количественным методом, положил начало т. н. пневматической химии, английского учёного Пристли, который эмпирическим путём открыл кислород, и французского учёного Лавуазье, который теоретически объяснил это открытие и отверг теорию флогистона. В то время Энгельсу не были известны научные открытия и технические изобретения, сделанные в России; в частности, он не был знаком с трудами М. В. Ломоносова, который в середине XVIII в. заложил научные основы химии, начав разработку количественного анализа и химической атомистики и открыв закон сохранения вещества. — 599.

¹⁹³ Когда Энгельс писал свою статью, история аграрных отношений в Англии ещё не была изучена; как установлено более поздними историческими исследованиями, основную массу английского крестьянства, освободившегося от личной крепостной зависимости, составляли в XV — XVII вв. копигольдеры (держатели по копии — пожизненные и наследственные арендаторы, платившие феодальную ренту). Термины *vilains*, *bordars*, *cottars* (вилланы, бордари, коттари) относятся современной наукой к различным категориям крепостных крестьян средневековой Англии. — 604.

- ¹⁹⁴ В 1892 г. Энгельс сделал следующее добавление к аналогичному примечанию в книге «Положение рабочего класса в Англии»: «Данный здесь исторический очерк промышленного переворота в некоторых подробностях не точен, но в 1843 — 1844 гг. лучших источников не было». — 615.
- ¹⁹⁵ W. Godwin. «An Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness». Vol. 1 — 2, London, 1793 (У. Годвин. «Исследование относительно политической справедливости и её влияния на общую добродетель и благоденствие». Тт. 1 — 2, Лондон, 1793). — 615.
- ¹⁹⁶ Речь идёт о книге немецкого реакционного историка Ф. Раумера «Англия в 1835 году» (F. Raumer. «England im Jahre 1835»), изданной в Лейпциге в двух частях в 1836 году. — 619.
- ¹⁹⁷ *Test-Act* (акт о присяге) 1673 г. требовал от лиц, занимавших государственные должности, признания догматов англиканской церкви. Направленный в своё время против католической реакции, этот акт превратился впоследствии в орудие борьбы против различных религиозных сект и направлений, отступавших в той или иной мере от догматов официальной англиканской церкви.
- Habeas Corpus Act* был принят английским парламентом в 1679 году. О сущности *Habeas Corpus* см. настоящий том, стр. 635.
- Bill of Rights* (билль о правах), принятый английским парламентом в 1689 г., ограничивал права короля в пользу парламента и закреплял достигнутый в результате государственного переворота 1688 г. компромисс между земельной аристократией и верхушкой финансовой и торговой буржуазии. — 619 — 620.
- ¹⁹⁸ Речь идёт о работе английского юриста У. Блэкстона «Комментарии к английским законам» (W. Blackstone. «Commentaries on the Laws of England»), вышедшей в свет в 1765 — 1769 гг., и книге швейцарского юриста Ж. Л. Делольма «Конституция Англии» (J. L. Delolme. «Constitution de l'Angleterre»), опубликованной в 1771 году. Обе работы содержат апологетику английского конституционно-монархического строя. — 621.
- ¹⁹⁹ *Magna Charta* — *Magna Charta Libertatum* (Великая хартия вольностей) — грамота, предъявленная английскому королю Иоанну Безземельному восставшими крупными феодалами, использовавшими поддержку рыцарей и горожан. Хартия, подписанная 15 июня 1215 г., ограничивала права короля, главным образом, в интересах крупных феодалов и содержала некоторые уступки рыцарству и городам; основной массе населения, крепостным крестьянам, хартия не давала никаких прав. — 621.
- ²⁰⁰ Речь идёт о борьбе широких народных масс за избирательную реформу в Англии, наивысший подъём которой относится к 1831 году. — 625.
- ²⁰¹ *Тридцать девять статей* — символ веры англиканской церкви, принятый английским парламентом в 1571 году. — 630.
- ²⁰² *Corporation Act* (акт о корпорациях), принятый в 1661 г., требовал от лиц, занимавших выборные должности (имелись с виду, главным

образом, органы городского управления), признания догматов англиканской церкви. — 630.

²⁰³ *Рупилеры* — см. примечание 160. — 633.

²⁰⁴ «*The Northern Star*» («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов; основана в 1837 г.; выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор, в 40-х годах газету редактировал также Дж. Гарни. С сентября 1845 до марта 1848 г. в газете сотрудничал Ф. Энгельс. — 634.

²⁰⁵ «*The New Moral World*» («Новый нравственный мир») — еженедельная газета социалистов-утопистов, основана Р. Оуэном в 1834 г., издавалась до 1846 г., сначала в Лидсе, а с октября 1841 г. в Лондоне: с ноября 1843 по май 1845 г. в этой газете сотрудничал Ф. Энгельс. — 634.

²⁰⁶ A. Fonblanque. «England under Seven Administrations». Vol. I — III, London, 1837. — 638.

²⁰⁷ *Каролина* — см. примечание 59. — 638.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА

(1818 — август 1844)

1818

5 мая В г. Трире (Рейнская провинция Пруссии) родился Карл Маркс.

1830

Осень Маркс поступает в Трирскую гимназию.

1835

24 сентября Маркс оканчивает Трирскую гимназию и получает аттестат зрелости.

15 октября Маркс поступает на юридический факультет Боннского университета.

1836

Вторая половина октября Маркс переезжает в Берлин и 22 октября зачисляется студентом в Берлинский университет, где продолжает занятия на юридическом факультете.

Конец 1836 — Наряду с занятиями на юридическом факультете

1838 Маркс изучает философию, историю, а также историю искусств; переводит произведения античных авторов на немецкий язык, занимается английским и итальянским языками.

1837*Апрель — август*

Маркс усиленно изучает философию Гегеля и завязывает знакомство с левыми гегельянцами — Б. Бауэром, Ф. Кёппеном и другими.

10 ноября

В письме к отцу Маркс описывает свою жизнь и свои занятия в Берлине.

1839*Начало 1839 —
март 1841*

Маркс изучает греческую философию, главным образом натурфилософские взгляды философа-материалиста Эпикура. Он пишет докторскую диссертацию на тему: «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

1841*30 марта*

Маркс оканчивает Берлинский университет.

6 апреля

Маркс посылает декану философского факультета Иенского университета свою диссертацию: «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

15 апреля

Маркс получает диплом доктора философии.

Середина апреля

Маркс уезжает из Берлина в Трир.

Начало июля

Маркс переезжает в Бонн, намереваясь занять в Боннском университете место доцента.

*Приблизительно
Июль*

Маркс изучает произведение Л. Фейербаха «Сущность христианства».

Осень

В связи с отстранением ряда прогрессивных учёных от преподавания в университетах Маркс отказывается от мысли об университетской кафедре. Трибуной для пропаганды его революционно-демократических воззрений становится печать.

1842*Между 15 января и 10 февраля*

Маркс пишет для левогегельянского журнала «Deutsche Jahrbucher» («Немецкий ежегодник») статью «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». По цензурным условиям эта статья не могла появиться в «Deutsche Jahrbucher» и была опубликована в первом томе сборника «Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новей

шей немецкой философии и публицистики»), вышедшем в феврале 1843 г. в Швейцарии.

Конец января

Маркс пишет статью «Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом». Статья опубликована во втором томе сборника «Anekdoten» в 1843 году.

Апрель

Маркс начинает сотрудничать в «Rheinische Zeitung» («Рейнской газете») — органе оппозиционной рейнской буржуазии. Он пишет для этой газеты статью «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания». Статья печатается в приложениях к «Rheinische Zeitung» в течение мая 1842 года.

Июнь

Маркс пишет для «Rheinische Zeitung» вторую статью о дебатах шестого рейнского ландтага. Эта статья, освещавшая вопрос о конфликте между прусским правительством и католической церковью, не была допущена цензурой к печати.

*Между 29 июня
и 4 июля*

Маркс пишет статью под заглавием «Передовица в № 179 «Kolnische Zeitung»». Статья публикуется в приложениях к «Rheinische Zeitung» от 10, 12 и 14 июля.

9 августа

Статья К. Маркса «Философский манифест исторической школы права» напечатана в приложении к «Rheinische Zeitung», за исключением «Главы о браке», не допущенной цензурой к печати.

*Первая половина
Октябрь*

Маркс переезжает в Кёльн и с 15 октября становится редактором «Rheinische Zeitung». Под его руководством газета принимает всё более определённое революционно-демократическое направление.

15 октября

Маркс пишет статью «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»». Статья опубликована в «Rheinische Zeitung» 16 октября.

Октябрь

Маркс пишет статью «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса»; она появляется в приложениях к «Rheinische Zeitung» с 25 октября по 3 ноября.

*Октябрь 1842 —
начало 1843*

Маркс изучает произведения французских социалистов-утопистов — Ш. Фурье, Э. Кабе, Т. Дезами, П. Леру, В. Консидерана, а также П. Ж. Прудона.

*Вторая половина
ноября 1842*

Маркс впервые встречается с Энгельсом, который по пути из Германии в Англию посещает редакцию «Rheinische Zeitung» в Кёльне.

Конец ноября

Маркс порывает с берлинским кружком левых гегельянцев, так называемыми «Свободными», которые пытались

превратить «Rheinische Zeitung» в оторванный от жизни, от политической борьбы орган пропаганды их философских идеалистических воззрений.

18 декабря

Маркс пишет статью «Проект закона о разводе», которая публикуется в «Rheinische Zeitung» 19 декабря.

31 декабря

Маркс пишет серию статей по поводу запрещения

1842 — 15 января 1843

«Leipziger Allgemeine Zeitung» («Лейпцигской всеобщей газеты»). Статьи публикуются в «Rheinische Zeitung» с 1 по 16 января 1843 года.

1843

Между 1 и 20 января

Маркс пишет статью «Оправдание мозельского корреспондента». В связи с этим он изучает материалы и документы о положении крестьян-виноделов на Мозеле. Статья печатается в «Rheinische Zeitung» с 15 по 20 января.

19 января

Прусское правительство принимает решение о запрещении с 1 апреля «Rheinische Zeitung»; на оставшееся время для неё вводится особо строгая цензура.

10 февраля

Продолжение статьи К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» не допускается цензурой к печати.

12 февраля

Маркс выступает на чрезвычайном совещании акционеров «Rheinische Zeitung». Он решительно протестует против их намерения добиться отмены запрещения газеты ценой отказа от её резко оппозиционного направления.

17 марта

Маркс выходит из редакции «Rheinische Zeitung». Заявление о выходе из редакции публикуется в «Rheinische Zeitung» 18 марта.

Конец марта

Поездка Маркса в Голландию.

Март — сентябрь

Маркс ведёт переговоры с А. Руге об издании за границей журнала «Deutsch-Französische Jahrbucher» («Немецко-французский ежегодник»), к участию в котором он стремится привлечь передовых представителей немецкой и французской демократии. В сентябре Маркс формулирует в письме к Руге задачи журнала.

Лето

Маркс в Крейцнахе пишет работу, посвящённую критике гегелевской философии права.

19 июня

Женитьба Маркса на Женни фон Вестфален.

20 октября

В письме к Л. Фейербаху Маркс приглашает его сотрудничать в «Deutsch-Französische Jahrbucher».

- Конец октября* Маркс переезжает в Париж в связи с решением издавать там «Deutsch-Französische Jahrbucher».
- Осень 1843 — январь 1844* Маркс пишет для «Deutsch-Französische Jahrbucher» статьи: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение». Эти статьи знаменуют окончательный переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.
- Ноябрь 1843 — январь 1845* В Париже Маркс устанавливает связи с французскими демократами и социалистами, с руководителями немецкого тайного общества Союз справедливых и с вождями большинства французских тайных рабочих обществ, часто посещает собрания немецких и французских рабочих и ремесленников.
- Конец декабря 1843* Маркс знакомится с Г. Гейне, с которым у него устанавливаются дружеские отношения.
- Конец 1843 — март 1844* Маркс изучает историю французской буржуазной революции конца XVIII в., предполагая написать историю Конвента.
- Одновременно с этим Маркс приступает к систематическому изучению политической экономии: читает и конспектирует сочинения А. Смита, Ж. Б. Сэя, Ф. Скарбека и других экономистов.

1844

- Конец января* Маркс получает от Энгельса из Манчестера для «Deutsch-Französische Jahrbucher» две статьи: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»».
- Конец февраля* В Париже выходит первый, двойной выпуск «Deutsch-Französische Jahrbucher» под редакцией К. Маркса и А. Руге. В журнале опубликованы работы К. Маркса — «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также его письма к А. Руге.
- В связи с опубликованием в «Deutsch-Französische Jahrbucher» работы Энгельса «Наброски к критике политической экономии» между Марксом и Энгельсом завязывается переписка.
- 23 марта* Маркс встречается с русскими политическими деятелями — М. Бакуниным, В. Боткиным, Г. Толстым и с французскими демократами и социалистами — П. Леру, Л. Бланом и другими. При встрече происходит обмен мнениями по ряду теоретических и политических вопросов.

<i>26 марта</i>	Маркс порывает с буржуазным радикалом А. Руге из-за отрицательного отношения последнего к коммунистическому направлению, которое Маркс придал журналу «Deutsch-Französische Jahrbucher». В связи с разрывом с Руге, материальными затруднениями и трудностями распространения журнала в Германии издание его прекращается.
<i>16 апреля</i>	В связи с опубликованием статей Маркса в «Deutsch-Französische Jahrbucher» прусское правительство обвиняет Маркса в «государственной измене и оскорблении его величества» и издаёт приказ об аресте Маркса в случае переезда им прусской границы.
<i>Апрель — Август</i>	Маркс продолжает изучение работ буржуазных экономистов и даёт первый набросок критики буржуазной политической экономии в своих экономическо-философских рукописях.
<i>Приблизительно июль</i>	Маркс знакомится с П. Ж. Прудоном.
<i>31 июля</i>	Маркс пишет статью против А. Руге под названием «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»». Статья публикуется в издававшейся в Париже немецкой газете «Vorwärts!» («Вперёд!») 7 и 10 августа. С этого времени начинается сотрудничество К. Маркса в газете «Vorwärts!» и участие в её редактировании.
<i>Около 28 августа</i>	Маркс встречается с приехавшим в Париж Энгельсом.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

(1820 — август 1844)

1820

28 ноября

В г. Бармене (Рейнская провинция Пруссии) родился Фридрих Энгельс.

1834

20 октября

Энгельс, посещавший до этого городскую школу в Бармене, поступает в гимназию в Эльберфельде.

1837

15 сентября

Энгельс, по настоянию отца, оставляет гимназию, не окончив последнего класса, и начинает работать конторщиком в торговой фирме отца в Бармене.

1838 — 1841

Середина июля

Энгельс уезжает в Бремен для прохождения практики

1838 — вторая

в крупной торговой фирме. В свободное от работы

половина марта

время он занимается литературой, проявляя большой

1841

интерес к писателям «Молодой Германии»; пишет для журнала «Telegraph für Deutschland» («Германский телеграф») статью «Письма из Вупперталя» и помещает в литературно-критических журналах ряд рецензий и очерков.

Энгельс усиленно изучает философию Гегеля, читает литературу, посвящённую критике религии, в том числе книгу левого гегельянца Д. Штрауса «Жизнь Иисуса».

В этот период происходит формирование взглядов Энгельса как революционного демократа.

1841

Конец марта

Энгельс возвращается из Бремена в Бармен.

*Вторая половина
сентября 1841 —
15 августа 1842*

Энгельс уезжает в Берлин для отбытия воинской повинности в артиллерийской бригаде. В свободное от военной службы время Энгельс посещает в качестве вольнослушателя лекции в Берлинском университете; устанавливает близкие отношения с левыми гегельянами — братьями Бауэрами, Ф. Кёппеном и другими. В ряде печатных произведений: «Шеллинг о Гегеле», «Шеллинг и откровение», «Шеллинг — философ во Христе» Энгельс подвергает резкой критике реакционные взгляды Шеллинга.

Вторая половина Энгельс изучает произведение Л. Фейербаха «Сущность 1841 христианства».

1842

Март

Энгельс начинает сотрудничать в «Rheinische Zeitung» («Рейнской газете»). В течение года он пишет для этой газеты ряд публицистических статей.

Около 15 июня

Энгельс пишет для левогегельянского журнала «Deutsche Jahrbucher» («Немецкий ежегодник») критическую статью на книгу Александра Юнга «Лекции о современной литературе немцев». Статья печатается в журнале 7, 8 и 9 июля.

Около

После отбытия воинской повинности Энгельс возвра-

10 октября

щается из Берлина в Бармен.

*Приблизительно
Октябрь*

Энгельс пишет статью «Фридрих-Вильгельм IV, король прусский». Статья публикуется в сборнике «Einund-zwanzig Bogen aus der Schweiz» («Двадцать один лист из Швейцарии»), вышедшем в Швейцарии в июле 1843 года.

*Вторая половина
Ноября*

Энгельс отправляется в Англию для изучения коммерческого дела на бумагопрядильной фабрике в Манчестере, принадлежавшей фирме «Эрмен и Энгельс».

По пути в Англию Энгельс посещает в Кёльне редакцию «Rheinische Zeitung», где впервые встречается с Марксом.

29, 30 ноября

По приезде в Англию Энгельс пишет статьи «Английская точка зрения на внутренние кризисы» и «Внутренние кризисы» и посылает их в «Rheinische Zeitung». Статьи печатаются в газете 8, 9 и 10 декабря.

*19, 20, 22
декабря*

Энгельс пишет статьи: «Позиция политических партий», «Положение рабочего класса в Англии» и «Хлебные

законы», которые печатаются в «Rheinische Zeitung» 24, 25 и 27 декабря.

*Декабрь 1842 —
август 1844*

Энгельс изучает социальные и политические отношения в Англии, условия жизни и труда английских рабочих, знакомится с их борьбой, с чартистским движением. Он посещает фабрики и рабочие кварталы в Манчестере, присутствует на массовых митингах и собраниях рабочих.

Энгельс изучает произведения буржуазных экономистов: А. Смита, Д. Рикардо, Ж. Б. Сэя, Дж. Р. Мак-Куллоха, Джемса Милля и других, знакомится с социалистической литературой, с произведениями А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, Г. Бабёфа, Э. Кабе, В. Вейтлинга и других представителей утопического социализма и коммунизма, а также с сочинениями П. Ж. Прудона.

Во время пребывания в Англии совершается переход Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

1843

*16, 23 мая,
9, 27 июня*

В журнале «Schweizerischer Republikaner» («Швейцарский республиканец») публикуются четыре корреспонденции Энгельса под названием «Письма из Лондона».

*Приблизительно
май — июнь*

Во время пребывания в Лондоне Энгельс устанавливает связи с руководителями тайного немецкого рабочего общества Союз справедливых — К. Шаппером, И. Моллем и Г. Бауэром.

Осень

Энгельс посещает редакцию чартистской газеты «The Northern Star» («Северная звезда») в Лидсе и знакомится с её редактором Дж. Гарни, одним из видных деятелей революционного крыла чартистского движения.

*23 октября —
начало ноября*

Энгельс начинает сотрудничать в «The New Moral World» («Новый нравственный мир») — органе английских социалистов-оуэнистов. Он пишет для этой газеты первую статью под названием «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», которая публикуется 4 и 18 ноября. Статья перепечатывается с некоторыми сокращениями в «The Northern Star» 11 и 25 ноября.

*Приблизительно
Декабрь*

Энгельс знакомится с немецким революционным поэтом Г. Веертом, с которым у него устанавливаются дружеские отношения.

*Конец 1843 —
январь 1844*

Энгельс пишет работу «Наброски к критике политической экономии».

1844

<i>Январь</i>	Энгельс пишет для «Deutsch-Französische Jahrbucher» («Немецко-французского ежегодника»), издаваемого К. Марксом и А. Руге в Париже, статью «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»». Этой работой открывается задуманная Энгельсом серия статей о положении Англии.
<i>3 февраля</i>	В «The New Moral World» публикуется статья Ф. Энгельса «Движение на континенте».
<i>Февраль</i>	Энгельс пишет статью «Положение Англии. Восемнадцатый век», которая публикуется в газете «Vorwärts!» («Вперёд!») с 31 августа по 11 сентября.
<i>Конец февраля</i>	<p>В журнале «Deutsch-Französische Jahrbucher» опубликованы статьи Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»».</p> <p>В связи с опубликованием в журнале работы Энгельса «Наброски к критике политической экономии» между Марксом и Энгельсом завязывается переписка.</p>
<i>Март</i>	Энгельс пишет статью «Положение Англии. Английская конституция», которая публикуется в газете «Vorwärts!» с 18 сентября по 19 октября.
<i>Апрель — август</i>	Энгельс продолжает изучение экономики Англии и условий жизни и труда английских рабочих. Он собирает материал для задуманной им работы о социальной истории Англии и о положении английского пролетариата.
<i>Около 26 августа</i>	Энгельс уезжает из Англии в Германию.
<i>Около 28 августа</i>	Энгельс заезжает в Париж, где встречается с Марксом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Августин (прозванный «блаженным») (354 — 430) — христианский богослов и философ-идеалист, воинствующий проповедник религиозного мировоззрения. — 87, 109.

Александр Македонский (356 — 323 до н. э.) — знаменитый полководец и государственный деятель древнего мира. — 99, 618.

Алисон (Alison), Арчибалд (1792 — 1867) — английский буржуазный историк и экономист, тори. — 563, 565.

Алисон (Alison), Уильям Палтни (1790 — 1859) — профессор медицины в Эдинбургском университете, тори. — 580.

Альтенштейн (Altenstein), Карл (1770 — 1840) — прусский министр по делам культа, просвещения и медицины (1817 — 1838). — 490.

Аммон (Ammon), Христоф Фридрих (1766 — 1850) — немецкий теолог, протестант. — 87.

Анфантен (Enfantin), Бартелеми Проспер (1796 — 1864) — французский социалист-утопист, один из ближайших учеников Сен-Симона; вместе с Базаром возглавлял сен-симонистскую школу. — 118.

Аристотель (384 — 322 до н. э.) — великий мыслитель древности; в философии колебался между материализмом и идеализмом; идеолог класса рабовладельцев. — 99, 111, 117, 373.

Аркрайт (Arkwright), Ричард (1732 — 1792) — английский буржуазный предприниматель периода промышленного переворота; присвоил ряд патентов на чужие изобретения, сделанные в Англии. — 570, 608, 609, 612.

Б

Баадер (Baader), Франц (1765 — 1841) — немецкий реакционный философ, теолог, мистик. — 485.

Бабёф (Babeuf), Гракх (настоящее имя Франсуа Ноэль) (1760 — 1797) — французский революционер, выдающийся представитель утопического уравнилельного коммунизма, организатор заговора «равных». — 527, 529, 530.

Байрон (Byron), Джордж (1788 — 1824) — выдающийся английский поэт, представитель революционного романтизма. — 475, 513.

Барер (Barege), Бертран (1755 — 1841) — французский юрист, деятель буржуазной революции

- конца XVIII в., депутат Конвента — якобинец; позже активный участник термидорианского контрреволюционного переворота. — 439.
- Бауэр* (Bauer), Бруно (1809 — 1882) — немецкий философ-идеалист, один из виднейших левогегельянцев, буржуазный радикал; после 1866 г. национал-либерал. — 106, 382 — 387, 389, 392, 394, 395, 398 — 400, 406 — 409, 411, 474, 488, 494, 539, 590, 591.
- Бауэр* (Bauer), Эдгар (1820 — 1886) — немецкий публицист, левый гегельянец; брат Б. Бауэра. — 541.
- Бёме* (Bohme), Якоб (1575 — 1624) — немецкий ремесленник, философ-мистик. — 77, 100.
- Бен Джонсон* — см. Джонсон, Бенджамин.
- Бентам* (Bentham), Иеремия (1748 — 1832) — английский буржуазный социолог, теоретик утилитаризма. — 615, 616, 631.
- Беранже* (Beranger), Пьер Жан (1780 — 1857) — крупнейший французский поэт-демократ, автор политических сатир. — 76.
- Бернар Клервоский* (Bernard de Clairvaux) (ок. 1091 — 1153) — французский богослов, фанатический приверженец католицизма. — 77.
- Бёрне* (Borne), Людвиг (1786 — 1837) — немецкий публицист и критик, один из видных представителей радикальной мелкобуржуазной оппозиции; к концу жизни сторонник христианского социализма. — 477 — 481, 527.
- Бертолле* (Berthollet), Клод Луи (1748 — 1822) — выдающийся французский химик. — 554.
- Блэк* (Black), Джозеф (1728 — 1799) — известный английский учёный, химик и физик. — 599.
- Блэкстон* (Blackstone), Уильям (1723 — 1780) — английский юрист, апологет английского конституционно-монархического строя. — 621.
- Боз* (Boz) — см. *Диккенс*, Чарлз.
- Бомон де ла Бонниньер* (Beaumont de la Bonniniegre), Гюстав (1802 — 1866) — французский буржуазный публицист и политический деятель; автор книг о рабстве и об исправительных заведениях в США. — 387, 397, 399, 409.
- Бриджуотер* (Bridgewater), Фрэнсис, герцог (1736 — 1803) — английский крупный землевладелец. — 614.
- Буонарроти* (Buonarroti), Филипп (1761 — 1837) — итальянский революционер, видный деятель революционного движения во Франции конца XVIII — начала XIX века; коммунист-утопист, соратник Бабёфа; книга Буонарроти «Заговор во имя равенства» (1828) способствовала возрождению бабувистских традиций в революционном рабочем движении. — 527.
- Бурбоны* — королевская династия во Франции (1589 — 1792, 1814 — 1815 и 1815 — 1830). — 372.
- Бэкон* (Bacon), Фрэнсис, барон Веруламский (1561 — 1626) — выдающийся английский философ, родоначальник английского материализма; естествоиспытатель и историк. — 111, 434, 601, 619.
- Бэрстоу* (Bairstow), Джонатан (род. ок. 1819) — участник чартистского движения, член чартистского конвента 1842 года. — 532.
- Бюлов-Куммеров* (Bulow-Cummerow), Эрнст (1775 — 1851) — немецкий реакционный публицист и политический деятель, выразитель взглядов прусского юнкерства. — 115, 175, 494.
- Бюре* (Buret), Эжен (1810 — 1842) — французский мелкобуржуазный социалист. — 436.
- Бюффон* (Buffon), Жорж Луи (1707 — 1788) — выдающийся французский естествоиспытатель. — 599.
- Бюше* (Buche), Филипп (1796 — 1865) — французский политический деятель и историк, буржуазный республиканец, один из идеологов христианского социализма. — 403.

В

Ванини (Vanini), Лючио (1585 — 1619) — итальянский философ, за материалистические и антирелигиозные идеи и критику феодальных порядков был казнён инквизицией. — 178.

Варнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense), Карл Август (1785 — 1858) — немецкий писатель и литературный критик либерального направления. — 478.

Вейтлинг (Weitling), Вильгельм (1808 — 1871) — видный деятель рабочего движения Германии в период его зарождения, один из теоретиков утопического уравнилельного коммунизма; по профессии портной. — 379, 443, 444, 535 — 537.

Веллингтон (Wellington), Артур, герцог (1769 — 1852) — английский полководец, реакционный государственный деятель, тори, премьер-министр (1828 — 1830). — 573.

Видок (Vidocq), Франсуа Эжен (1775 — 1857) — французский уголовный преступник, тайный полицейский агент; ему приписывают «Мемуары Видока»; имя его стало нарицательным для обозначения ловкого сыщика и мошенника. — 113.

Виктория (1819 — 1901) — английская королева (1837 — 1901). — 487.

Винбург (Wienburg), Людольф (1802 — 1872) — немецкий писатель и критик, один из представителей литературной группы «Молодая Германия». — 475, 477, 479, 480.

Винклер (Winkler), Теодор (литературный псевдоним — Теодор Хелль) (1775 — 1856) — немецкий реакционный писатель и журналист. — 39.

Витцлебен (Witzleben), Август (литературный псевдоним — А. Тромлиц) (1773 — 1839) — немецкий буржуазный писатель, автор ряда легковесных романов и новелл на исторические темы. — 467.

Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари (1694 —

1778) — французский философ-деист, писатель-сатирик, историк, видный представитель буржуазного Просвещения XVIII в., боролся против абсолютизма и католицизма. — 8, 43, 80, 87, 112, 178, 465, 513, 520.

Вольф (Wolff), Христиан (1679 — 1754) — немецкий философ-идеалист, метафизик. — 112.

Г

Галилей (Galilei), Галилео (1564 — 1642) — великий итальянский физик и астроном, создатель основ механики, борец за передовое мировоззрение. — 37.

Галлер (Haller), Альбрехт (1708 — 1777) — швейцарский естествоиспытатель, поэт и публицист; отличался крайне реакционными общественно-политическими взглядами. — 43.

Галлер (Haller), Карл Людвиг (1768 — 1854) — швейцарский реакционный юрист и историк, апологет крепостничества и абсолютизма. — 43, 92, 489.

Гамильтон (Hamilton), Томас (1789 — 1842) — английский полковник, писатель, автор книги «Люди и нравы в Америке». — 387, 389, 409.

Ганзман (Hansemann), Давид (1790 — 1864) — крупный капиталист, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии; в марте — сентябре 1848 г. министр финансов Пруссии, вёл предательскую политику соглашения с реакцией. — 207, 209.

Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770 — 1831) — крупнейший немецкий философ — объективный идеалист, наиболее всесторонне разработал идеалистическую диалектику. — 106, 111, 163, 181, 221 — 232, 234, 235, 240 — 250, 252 — 254, 256 — 263, 265 — 269, 271, 273 — 283, 285, 286, 288 — 292, 294, 295, 297 — 303, 305, 306, 308 — 311, 313 — 319, 321 — 337, 339 — 342,

- 344, 345, 348 — 355, 360 — 367, 390, 392, 401, 414, 421, 475 — 480, 482, 483, 489, 537, 538, 540, 585, 589, 591, 592, 616.
- Гей* (Heu), Вильгельм (1789 — 1854) — немецкий священник, автор стихов и басен для детей. — 470.
- Гейне* (Heine), Генрих (1797 — 1856) — великий немецкий революционный поэт. — 467, 479 — 481.
- Генрих IV* (1050 — 1106) — германский император (1056 — 1106). — 459.
- Генрих VIII* (1491 — 1547) — английский король (1509 — 1547). — 40.
- Георг I* (1660 — 1727) — английский король (1714 — 1727). — 608, 620.
- Георг III* (1738 — 1820) — английский король (1760 — 1820). — 608.
- Гераклит* (ок. 540 — ок. 480 до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ, один из основоположников диалектики, стихийный материалист. — 33, 111.
- Герbart* (Herbart), Иоганн Фридрих (1776 — 1841) — немецкий реакционный философ-идеалист, психолог и педагог. — 484.
- Гервег* (Herwegh), Георг (1817 — 1875) — известный немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ. — 174, 177, 178, 382, 477, 540.
- Гердер* (Herder), Иоганн Готфрид (1744 — 1803) — немецкий писатель и теоретик литературы, связанный с буржуазным Просвещением XVIII века; оказал влияние на формирование прогрессивного литературного течения «Буря и натиск». — 86.
- Гермес* (Hermes), Карл Генрих (1800 — 1856) — немецкий реакционный публицист, в 1842 г. один из редакторов «Kolnische Zeitung»; тайный агент прусского правительства. — 94 — 104, 112.
- Görres* (Görres), Йозеф (1776 — 1848) — немецкий писатель реакционно-романтического направления, филолог и историк, сторонник католицизма. — 109.
- Гесс* (Hes), Мозес (1812 — 1875) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х годов один из главных представителей «истинного социализма». — 539.
- Гёте* (Goethe), Иоганн Вольфганг (1749 — 1832) — великий немецкий писатель и мыслитель. — 7, 35, 373, 465, 470, 587, 589, 594.
- Гёце* (Goeze), Иоганн Мельхиор (1717 — 1786) — немецкий теолог, лютеранский пастор, ярый противник просветительских взглядов Лессинга. — 184.
- Гибсон* (Gibson), Томас Милнер (1806 — 1884) — английский политический и государственный деятель, фритредер. — 632.
- Гизо* (Guizot), Франсуа Пьер Гийом (1787 — 1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель, с 1840 по 1848 г. фактически руководил внутренней и внешней политикой, выражал интересы крупной финансовой буржуазии. — 133, 170.
- Гладстон* (Gladstone), Уильям Юарт (1809 — 1898) — английский политический и государственный деятель, пилит (умеренный тори), во второй половине XIX в. лидер либеральной партии; многократно входил в кабинет министров, премьер-министр (1868 — 1874, 1880 — 1885, 1886, 1892 — 1894). — 515.
- Гоббс* (Hobbes), Томас (1588 — 1679) — выдающийся английский философ, представитель механистического материализма; социально-политические воззрения Гоббса отличались резко антидемократическими тенденциями. — 111.
- Гогенштауфены* — императорская династия в Германии (1138 — 1254). — 491.
- Годвин* (Godwin), Уильям (1756 — 1836) — английский мелкобуржуазный писатель и публицист, рационалист, один из родоначальников анархизма. — 615, 616.
- Гольбах* (Holbach), Поль Анри (1723 — 1789) — выдающийся французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов фран

- цузской революционной буржуазии. — 513, 520.
- Гомер* — полупоэтический древнегреческий эпический поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи». — 87.
- Готшед* (Gottsched), Иоганн Христоф (1700 — 1766) — немецкий писатель и критик, представитель раннего Просвещения XVIII в. в Германии; стремился упорядочить немецкий литературный язык; произведения Готшета, в которых сказались отсталость, провинциализм и рабские нравы представителей немецкой литературы того времени, подвергались критике со стороны передовых писателей XVIII в. (Лессинг и др.). — 80.
- Гофман* (Hoffmann), Эрнст Теодор Амадей (1776 — 1822) — немецкий писатель, реакционный романтик, в творчестве которого элементы реального сочетались с фантастикой и мистикой и с пропагандой иррациональности познания. — 86.
- Грехем* (Graham), Джемс Роберт Джордж (1792 — 1861) — английский государственный деятель, пилит (умеренный торговец). — 514, 515, 629.
- Григорий VII* (Гильдебранд) (ок. 1020 — 1085) — римский папа (1073 — 1085). — 459.
- Гроций* (Grotius), Гуго (1583 — 1645) — голландский учёный, юрист, один из основоположников буржуазной теории естественного права. — 111.
- Грюн* (Grun), Анастасиус (1806 — 1876) — австрийский поэт, в 30-х годах выпустил анонимно ряд сборников, содержавших критику феодальной и католической реакции в Германии. — 477.
- Гуго* (Hugo), Густав (1764 — 1844) — немецкий юрист, профессор права в Гёттингене, родоначальник реакционной исторической школы права. — 85 — 92.
- Гуттен* (Hutten), Ульрих фон (1488 — 1523) — немецкий поэт-гуманист, сторонник реформации, один из идеологов немецкого рыцарства, участник рыцарского восстания 1522 — 1523 годов. — 184, 185.
- Гуцков* (Gutzkow), Карл (1811 — 1878) — немецкий писатель, один из представителей литературной группы «Молодая Германия»; в 1838 — 1842 гг. редактор журнала «Telegraph für Deutschland». — 467, 474, 475, 477 — 482.
- Гюль* (Gull), Фридрих (1812 — 1879) — немецкий поэт, автор стихов и песен для детей. — 470.

Д

- Данкомб* (Duncombe), Томас Слингсби (1796 — 1861) — английский политический деятель, буржуазный радикал, в 40-х годах участвовал в чартистском движении. — 514, 516, 626.
- Дезами* (Dezamy), Теодор (1803 — 1850) — французский публицист, видный представитель революционного направления утопического коммунизма. — 379.
- Делольм* (Delolme), Жан Луи (1741 — 1806) — швейцарский государственный деятель, юрист, апологет английского конституционно-монархического строя. — 621.
- Джонсон* (Jonson), Бенджамин (ок. 1573 — 1637) — английский драматург, современник Шекспира, стремился к реалистическому изображению действительности. — 594.
- Диккенс* (Dickens), Чарлз (литературный псевдоним — Боз) (1812 — 1870) — выдающийся английский писатель-реалист. — 542.
- Дингельштедт* (Dingelstedt), Франц, барон (1814 — 1881) — немецкий поэт и писатель, вначале представитель мелкобуржуазной оппозиционной политической поэзии, с середины 40-х годов придворный драматург, монархист. — 468.
- Диоген* из Синопа (ок. 404 — ок. 323 до н. э.) — древнегреческий философ, один из основателей

кинической школы, отражавшей пассивный протест беднейших слоёв народа против господства имущих. — 39.

Дистервег (Diesterweg), Адольф (1790 — 1866) — немецкий прогрессивный педагог, последователь швейцарского педагога-демократа Песталоцци. — 466.

Дохерти (Doherty), Хью — ирландец, издатель фурьеристской газеты «London Phalanx», выходившей в 1841 — 1843 гг.; автор трудов по философии и филологии. — 529.

Дуллер (Duller), Эдуард (1809 — 1853) — немецкий писатель, реакционный романист, автор слабых исторических новелл. — 472.

Дунс Скот (Duns Scotus), Иоанн (ок. 1265 — 1308) — средневековый философ, схоластик, представитель номинализма, являвшегося в средние века первым выражением материализма; автор монументального труда «Оксфордское сочинение». — 33.

Дэви (Davy), Гемфри (1778 — 1829) — выдающийся английский учёный, химик и физик. — 554, 568.

Е

Елизавета (1533 — 1603) — английская королева (1558 — 1603). — 40, 435, 624, 632.

Ж

Жан Поль (Jean Paul) (литературный псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера) (1763 — 1825) — немецкий мелкобуржуазный писатель-сатирик. — 462.

Жирар (Girard), Филипп (1775 — 1845) — известный французский инженер-изобретатель. — 610.

Жорж Санд (George Sand) (1804 — 1876) — известная французская писательница, автор ряда романов на социальные темы, представительница демократического течения в романтизме. — 475, 533, 542.

К

Кабе (Cabet), Этьенн (1788 — 1856) — французский публицист, видный представитель мирного утопического коммунизма, автор книги «Путешествие в Икарию». — 379, 380, 530, 532, 533, 535.

Кампанелла (Campanella), Томмазо (1568 — 1639) — итальянский философ, один из ранних представителей утопического коммунизма. — 111.

Кант (Kant), Иммануил (1724 — 1804) — выдающийся немецкий философ, родоначальник немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX века. — 13, 77, 86, 88, 537, 538, 540.

Карл I (1600 — 1649) — английский король (1625 — 1649), казнён во время английской буржуазной революции XVII века. — 56.

Карл II (1630 — 1685) — английский король (1660 — 1685). — 586.

Карл-Теодор (1724 — 1799) — курфюрст пфальцский и баварский. — 464.

Карлейль (Carlile), Ричард (1790 — 1843) — английский радикальный публицист, социальный реформатор; издатель прогрессивной литературы. — 633.

Карлейль (Carlyle), Томас (1795 — 1881) — английский писатель, историк, философ-идеалист, проповедовавший культ героев; выражая взгляды, близкие к феодальному социализму 40-х годов, критиковал английскую буржуазию с позиций реакционного романтизма, примыкал к партии тори; после 1848 г. законченный реакционер, открытый враг рабочего движения. — 512, 572, 575, 576, 578 — 581, 584 — 586, 589 — 597.

Карр (Karr), Альфонс (1808 — 1890) — французский мелкобуржуазный публицист и писатель, автор и издатель сатирического ежесемейника «Guêpes». — 170.

Карптрайт (Cartwright), Эдмунд (1743 — 1823) — известный английский изобретатель. — 554, 609.

- Карьер* (Carriere), Мориц (1817 — 1895) — немецкий философ-идеалист, профессор эстетики. — 468.
- Кауфман* (Kaufmann), Петер (1804 — 1872) — немецкий буржуазный экономист. — 216.
- Кей-Шатлуорт* (Kay-Shuttleworth), Джеймс Филлипс (1804 — 1877) — английский врач, буржуазный общественный деятель. — 434.
- Кларк* (Clarke), Самюэл (1675 — 1729) — английский теолог и философ-идеалист. — 100.
- Клейн* (Klein), Юлиус Леопольд (1810 — 1876) — немецкий драматург и театральный критик. —
- Кобден* (Cobden), Ричард (1804 — 1865) — английский фабрикант, буржуазный политический деятель, фритредер, один из основателей Лиги против хлебных законов. — 573, 626.
- Козегартен* (Kosegarten), Вильгельм (1792 — 1868) — немецкий реакционный публицист, защищал крепостничество и проповедовал возврат к средневековью. — 115, 117.
- Кок* (Cock), Поль де (ок. 1794 — 1871) — французский буржуазный писатель, автор фривольных развлекательных романов. — 467.
- Кондорсе* (Condorcet), Жан Антуан (1743 — 1794) — французский буржуазный социолог, просветитель; во время французской буржуазной революции конца XVIII в. примыкал к жирондистам. — 112.
- Консидеран* (Considerant), Виктор (1808 — 1893) — французский публицист, социалист-утопист, ученик и последователь Фурье. — 117, 529.
- Констан* (Constant), Бенжамен (1767 — 1830) — французский либеральный буржуазный политический деятель, публицист и писатель; занимался вопросами государственного права. — 89, 90.
- Коперник* (Copernik), Николай (1473 — 1543) — великий польский астроном, основатель гелиоцентрической системы мира. — 77, 111.
- Крете* (Cretet), Эмманюэль, граф (1747 — 1809) — французский политический деятель, министр внутренних дел при Наполеоне I (1807 — 1809). — 438.
- Кромвель* (Cromwell), Оливер (1599 — 1658) — вождь буржуазии и обуржуазившегося дворянства в период английской буржуазной революции XVII в., с 1653 г. лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии. — 41, 602, 620.
- Кромптон* (Crompton), Самюэл (1753 — 1827) — известный английский изобретатель. — 570, 608, 609.
- Круммахер* (Krummacher), Фридрих Вильгельм (1796 — 1868) — немецкий церковный проповедник, кальвинистский пастор, глава вуппертальских пиетистов. — 458 — 463, 488.
- Кузен* (Cousin), Виктор (1792 — 1867) — французский философ-идеалист, эклектик. — 483.
- Купер* (Cooper), Томас (1805 — 1892) — английский поэт и журналист, мелкобуржуазный радикал, участвовал в чартистском движении в начале 40-х годов; впоследствии христианский проповедник. — 516.
- Кюне* (Kuhne), Густав (1806 — 1888) — немецкий писатель, один из представителей литературной группы «Молодая Германия». — 475, 477, 479 — 481.

Л

- Лавуазье* (Lavoisier), Антуан Лоран (1743 — 1794) — выдающийся французский учёный, химик. — 599.
- Ламенне* (Lamennais), Фелисите (1782 — 1854) — французский аббат, публицист, один из идеологов христианского социализма. — 533.
- Ланге* (Lange), Иоахим (1670 — 1744) — немецкий теолог, профессор в Галле, крайний реакционер. — 112.
- Лаубе* (Laube), Генрих (1806 — 1884) — немецкий писатель, один

- из представителей литературной группы «Молодая Германия»; позже крупный театральный деятель, режиссёр венских театров. — 474, 475, 477, 479 — 481.
- Левальд* (Lewald), Август (1792 — 1871) — немецкий писатель, близко стоявший к литературной группе «Молодая Германия», основатель и редактор либерального журнала «Еуропа» (1835 — 1846). — 469.
- Лейбниц* (Leibniz), Готфрид Вильгельм (1646 — 1716) — великий немецкий математик; философ-идеалист. — 100, 537.
- Ленау* (Lenau), Николаус (1802 — 1850) — видный австрийский поэт, творчество которого проникнуто антифеодальными и антикатолическими настроениями. — 477.
- Лео* (Leo), Генрих (1799 — 1878) — немецкий историк и публицист, защитник крайне реакционных политических и религиозных взглядов, один из идеологов прусского юнкерства. — 92, 482, 485, 488, 492.
- Леру* (Leroux), Пьер (1797 — 1871) — французский публицист, социалист-утопист, один из представителей христианского социализма. — 117, 533.
- Лессинг* (Lessing), Готхольд Эфраим (1729 — 1781) — великий немецкий писатель, критик и философ, один из видных просветителей XVIII века. — 80, 184.
- Либих* (Liebig), Юстус (1803 — 1873) — выдающийся немецкий учёный, один из основателей агрохимии. — 554, 568.
- Линней* (Linne), Карл (1707 — 1778) — выдающийся шведский естествоиспытатель, создатель системы классификации растений и животных. — 599.
- Лист* (List), Фридрих (1789 — 1846) — немецкий, вульгарный буржуазный экономист, проповедник крайнего протекционизма. — 419, 547.
- Ло* (Law), Джон (1671 — 1729) — английский буржуазный экономист и финансист, министр финансов во Франции (1719 — 1720); известен своей спекулятивной деятельностью по выпуску бумажных денег, закончившейся грандиозным крахом. — 41.
- Локк* (Locke), Джон (1632 — 1704) — выдающийся английский философ-дуалист, сенсуалист; буржуазный экономист. — 608, 619.
- Луи-Филипп* (1773 — 1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830 — 1848). — 487, 524.
- Лукиан* (ок. 120 — ок. 180) — выдающийся древнегреческий писатель-сатирик, атеист. — 94, 99, 418.
- Лукреций* (Тит Лукреций Кар) (ок. 99 — ок. 55 до н. э.) — выдающийся римский философ и поэт, материалист, атеист. — 99.
- Людовик XIV* (1638 — 1715) — французский король (1643 — 1715). —
- Лютер* (Luther), Мартин (1483 — 1546) — видный деятель реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии; идеолог немецкого бюргерства; во время Крестьянской войны 1525 г. выступил против восставших крестьян и городской бедноты на стороне князей. — 28, 29, 77, 184, 185, 422, 533, 534.

М

- Мак-Адам* (Mac Adam), Джон Лаудон (1756 — 1836) — английский дорожный инспектор, специалист по строительству шоссейных дорог. — 614.
- Макиавелли* (Machiavelli), Никколо (1469 — 1527) — итальянский политический мыслитель, историк и писатель, один из идеологов итальянской буржуазии периода зарождения капиталистических отношений. — 61, 111.
- Мак-Куллох* (Mac Culloch), Джон Рамси (1789 — 1864) — английский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии. — 434, 547, 551.

Мальбранш (Malebranche), Никола (1638 — 1715) — французский философ-идеалист, метафизик. — 100

Мальтус (Malthus), Томас Роберт (1766 — 1834) — английский священник, реакционный буржуазный экономист, апологет капитализма, проповедник человеконенавистнической теории народонаселения. — 436, 513, 546, 547, 564 — 568.

Марий, Гай (ок. 156 — 86 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, консул (107, 104 — 100, 86 до н. э.). — 620.

Мария (Католичка) (1516 — 1558) — английская королева (1553 — 1558). — 40.

Маркс (Marx), Карл (1818 — 1883) (биографические данные). — 218, 371, 372, 375, 378 — 381, 410, 430, 444, 540, 543.

Марриэт (Marryat), Фредерик (1792 — 1848) — английский писатель, моряк, автор приключенческих романов. — 467.

Мейен (Meuен), Эдуард (1812 — 1870) — немецкий публицист, левый гегельянец; впоследствии национал-либерал. — 485.

Милль (Mill), Джемс (1773 — 1836) — английский буржуазный экономист и философ, вульгаризатор теории Рикардо; в философии последователь Бентама. — 547, 616.

Мирабо (Mirabeau), Оноре Габриель (1749 — 1791) — видный деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., выразитель интересов крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства. — 38, 112.

Мозен (Mosen), Юлиус (1803 — 1867) — немецкий писатель, представитель романтического направления. — 469, 477.

Монтень (Montaigne), Мишель (1533 — 1592) — французский философ-скептик, писатель эпохи Возрождения. — 87.

Монтескьё (Montesquieu), Шарль (1689 — 1755) — французский буржуазный социолог, экономист и

писатель, представитель буржуазного Просвещения XVIII в., теоретик конституционной монархии. — 61, 112, 122, 374.

Мундт (Mundt), Теодор (1808 — 1861) — немецкий писатель, один из представителей литературной группы «Молодая Германия»; позже профессор литературы и истории в Бреславле и Берлине. — 467, 474, 475, 477, 479 — 482, 543.

Мюнцер (Munzer), Томас (ок. 1490 — 1525) — великий немецкий революционер, вождь и идеолог крестьянско-плебейского лагеря во время реформации и Крестьянской войны 1525 г., проповедовал идеи уравнительного утопического коммунизма. — 410, 534.

Н

Наполеон I Бонапарт (1769 — 1821) — французский император (1804 — 1814 и 1815). — 41, 102, 112, 141, 374, 437, 438, 441, 467, 527, 602.

Нёссельт (Nosselt), Фридрих Август (1781 — 1850) — немецкий педагог, автор учебников по истории, географии и немецкой литературе. — 464.

Нестрой (Nestroy), Иоганн (1802 — 1862) — австрийский драматург, автор популярных водевилей и фарсов. — 467.

Николай I (1796 — 1855) — русский император (1825 — 1855). — 377, 487.

Ньютон (Newton), Исаак (1642 — 1727) — великий английский физик, астроном и математик, основатель механики как науки. — 100, 599, 608.

О

Окен (Oken), Лоренц (1779 — 1851) — немецкий естествоиспытатель и натурфилософ. — 32.

О'Коннел (O'Connell), Даниел (1775 — 1847) — ирландский адвокат и буржуазный политический

деятель, лидер правого, либерального крыла национально-освободительного движения. — 512, 522 — 524, 634, 635.

О'Коннор (O'Connor), Фергюс (1794 — 1855) — один из лидеров левого крыла чартистского движения, основатель и редактор газеты «Northern Star»; после 1848 г. реформист. — 512, 516, 517.

Орлеанский, герцог — см. *Филипп*, герцог Орлеанский.

Остлер (Oastler), Ричард (1789 — 1861) — английский политический деятель, примыкал к партии тори, в борьбе против фритредерской буржуазии выступал за законодательное ограничение рабочего дня. — 575.

Оуэн (Owen), Роберт (1771 — 1858) — великий английский социалист-утопист. — 519, 532.

П

Паулюс (Paulus), Генрих Эберхард Готлоб (1761 — 1851) — немецкий протестантский теолог, рационалист. — 460.

Перикл (ок. 493 — 429 до н. э.) — афинский государственный деятель, способствовал укреплению рабовладельческой демократии. — 83, 98, 99.

Пётр I (1672 — 1725) — русский царь с 1682 г., император всероссийский с 1721 года. — 14.

Петрарка (Petrarca), Франческо (1304 — 1374) — выдающийся итальянский поэт эпохи Возрождения. — 470.

Пиль (Peel), Роберт (1788 — 1850) — английский государственный деятель, умеренный тори, премьер-министр (1841 — 1846), при поддержке либералов провел отмену хлебных законов (1846). — 505, 506, 510, 515, 522 — 524, 573, 620.

Пифагор (ок. 571 — 497 до н. э.) — древнегреческий математик, философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии. — 32.

Платен (Platen), Август (1796 — 1835) — немецкий поэт, либерал. — 469.

Платон (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии. — 117.

Помпей (Гней Помпей Магнус) (106 — 48 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. — 22, 33.

Портер (Porter), Джордж (1792 — 1852) — английский буржуазный экономист и статистик. — 615.

Пристли (Priestley), Джозеф (1733 — 1804) — известный английский учёный, химик, философ-материалист. — 599.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809 — 1865) — французский публицист, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма. — 117, 379, 443, 533.

Птолемей, Клавдий (II в.) — древнегреческий математик, астроном и географ, создатель учения о геоцентрической системе мира. — 77.

Пэйн (Paine), Томас (1737 — 1809) — английский радикальный публицист, республиканец, участник войны за независимость США и французской буржуазной революции конца XVIII века. — 520.

Пюклер-Мускау (Puckler-Muskau), Герман, князь (1785 — 1871) — немецкий писатель. — 477, 478.

Пютман (Puttmann), Герман (1811 — 1894) — немецкий радикальный поэт и журналист, в середине 40-х годов один из представителей «истинного социализма». — 469.

Р

Радевелль (Radewell), Фридрих — немецкий писатель. — 481.

Рассел (Russell), Джон (1792 — 1878) — английский государственный деятель, лидер партии вигов,

премьер-министр (1846 — 1852 и 1865 — 1866). — 505, 506, 510, 573, 632.

Раумер (Raumer), Фридрих (1781 — 1873) — немецкий реакционный историк. — 619.

Рембрандт (Rembrandt) (1606 — 1669) — великий голландский художник. — 73.

Рикардо (Ricardo), Давид (1772 — 1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. — 434, 547, 551, 555.

Ричардсон (Richardson), Самюэл (1689 — 1761) — английский писатель, положил начало сентиментально-мещанскому жанру в литературе. — 87.

Робеспьер (Robespierre), Максимилиан (1758 — 1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793 — 1794). — 14, 441, 602, 621.

Робеспьер (Robespierre), Огюстен (1763 — 1794) — один из видных деятелей французской буржуазной революции конца XVIII в., якобинец; брат М. Робеспьера. — 403.

Розенкранц (Rosenkranz), Карл (1805 — 1879) — немецкий философ-гегельянец и историк литературы. — 473.

Рохов (Rochow), Густав Адольф (1792 — 1847) — представитель реакционного прусского юнкерства; министр внутренних дел Пруссии (1834 — 1842). — 493.

Руге (Ruge), Арнольд (1802 — 1880) — немецкий публицист, левый гегельянец, буржуазный радикал; после 1866 г. национал-либерал. — 371, 372, 378, 430 — 433, 435, 437 — 439, 441 — 448, 485, 539, 543.

Ру-Лавернь (Roux-Lavergne), Пьер Селестен (1802 — 1874) — французский историк, философ-идеалист. — 403.

Рункель (Runkel), Мартин — немецкий публицист, в 1839 — 1843 гг. —

редактор консервативной «*Elberfelder Zeitung*». — 468.

Руссо (Rousseau), Жан Жак (1712 — 1778) — выдающийся французский просветитель, демократ, идеолог мелкой буржуазии. — 87, 111, 112, 405, 513, 520.

Рюккерт (Ruckert), Фридрих (1788 — 1866) — немецкий поэт-романтик и переводчик восточной поэзии. — 470.

С

Савиньи (Savigny), Фридрих Карл (1779 — 1861) — немецкий юрист, последователь Гуго, глава реакционной исторической школы права; в 1842 — 1848 гг. министр по пересмотру законов. — 86, 91.

Саутуэлл (Southwell), Чарлз (1814 — 1860) — английский социалист-утопист, последователь Оуэна. — 519, 521.

Сен-Симон (Saint-Simon), Анри (1760 — 1825) — великий французский социалист-утопист. — 527, 529, 532.

Сиейес (Sieyès), Эммануэль Жозеф (1748 — 1836) — французский аббат, деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., представитель крупной буржуазии. — 71, 115.

Силсфилд (Sealsfield), Чарлз (литературный псевдоним Карла Постля) (1793 — 1864) — австрийский писатель либерального направления. — 484.

Смит (Smith), Адам (1723 — 1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. — 513, 546, 547, 549, 555, 599, 615.

Сократ (ок. 469 — ок. 399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии. — 99.

Солон (ок. 638 — ок. 558 до н. э.) — знаменитый афинский законодатель, под давлением народных масс провёл ряд законов, направленных против родовой аристократии. — 79.

Спиноза (Spinoza), Барух (Бенедикт) (1632 — 1677) — выдающийся голландский философ-материалист, атеист. — 13, 111, 591.

Стюарты — королевская династия, правившая в Шотландии (1371 — 1714) и в Англии (1603 — 1714). — 372.

Сулла (Луций Корнелий Сулла) (138 — 78 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, консул (88 до н. э.), диктатор (82 — 79 до н. э.). — 620.

Сэй (Say), Жан Батист (1767 — 1832) — французский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии. — 551 — 553.

Сю (Sue), Эжен (1804 — 1857) — французский писатель, автор сентиментально-мещанских романов на социальные темы. — 542.

Т

Тацит (Публий Корнелий Тацит) (ок. 55 — ок. 120) — известный римский историк. — 462.

Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (ок. 150 — ок. 222) — христианский богослов, мракобес, ярый враг науки. — 100.

Токвиль (Tocqueville), Алексис (1805 — 1859) — французский буржуазный историк и политический деятель. — 387.

Томпсон (Thompson), Томас Перронет (1783 — 1869) — английский буржуазный политический деятель, вульгарный экономист, фритредер. — 555.

Тромлиц (Tromlitz) — см. *Вицлебен*, Август.

Тук (Tooke), Джон Хорн (1736 — 1812) — английский политический деятель, буржуазный демократ. — 616.

Тьер (Thiers), Адольф (1797 — 1877) — французский буржуазный историк и государственный деятель, премьер-министр (1836, 1840), президент республики (1871 — 1873), палач Парижской Коммуны. — 170.

У

Уатт (Watt), Джеймс (1736 — 1819) — выдающийся английский изобретатель, сконструировал паровую машину. — 554, 555, 608, 609, 612.°

Уланд (Uhland), Людвиг (1787 — 1862) — немецкий поэт-романтик. — 468.

Уолтер (Walter), Джон (1776 — 1847) — английский политический деятель, примыкал к партии тори. — 575.

Уотс (Watts), Джон (1818 — 1887) — английский социалист-утопист, последователь Оуэна; впоследствии буржуазный либерал. — 518, 520, 521, 532.

Уэджвуд (Wedgwood), Джозайя (1730 — 1795) — английский промышленник, усовершенствовал керамическое производство в Англии. — 608.

Уэйд (Wade), Джон (1788 — 1875) — английский публицист, экономист и историк. — 561, 569, 636, 638.

Ф

Фалес из Милета (ок. 624 — ок. 547 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель стихийно-материалистической милетской школы. — 101.

Фейербах (Feuerbach), Людвиг (1804 — 1872) — немецкий крупнейший философ-материалист домарксовского периода. — 28, 29, 106, 108, 381, 474, 482, 484, 485, 539, 554, 590, 591.

Ферранд (Ferrand), Уильям — английский землевладелец, примыкал к партии тори. — 575.

Филипп II (1527 — 1598) — испанский король (1556 — 1598). — 155.

Филипп, герцог Орлеанский (1674 — 1723) — регент Франции (1715 — 1723). — 41, 87.

Фихте (Fichte), Иоганн Готлиб (1762 — 1814) — немецкий философ, субъективный идеалист, пред-

ставитель немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX века. — 13, 77, 111, 537.

Фонбланк (Fonblanque), Олбани (1793 — 1872) — английский либеральный журналист. — 638.

Фосс (Vos), Иоганн Генрих (1751 — 1826) — немецкий поэт, переводчик Гомера, Вергилия и других древних поэтов. — 471.

Фрейлиграт (Freiligrath), Фердинанд (1810 — 1876) — немецкий поэт, в начале своей деятельности романтик, затем революционный поэт, в 1848 — 1849 гг. — один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», член Союза коммунистов; в 50-х годах отошёл от революционной борьбы. — 465, 467 — 469, 471, 472, 477.

Фридрих-Вильгельм III (1770 — 1840) — прусский король (1797 — 1840). — 214, 375, 376, 487, 490, 494.

Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — прусский король (1840 — 1861). — 115, 214, 215, 372, 374 — 377, 424, 430 — 432, 435, 437 — 439, 441, 487 — 495, 540.

Фурье (Fourier), Шарль (1772 — 1837) — великий французский социалист-утопист. — 117, 379, 527 — 529, 532, 562.

Х

Хантсмен (Huntsman), Бенджамин (1704 — 1776) — известный английский изобретатель. — 613.

Харгривс (Hargreaves), Джемс (ум. в 1778 г.) — известный английский изобретатель. — 570, 608.

Харири, Абу-Мухаммед (1054 — 1122) — выдающийся арабский писатель. — 72.

Хинрикс (Hinrichs), Герман Фридрих Вильгельм (1794 — 1861) — немецкий профессор философии, правый гегельянец. — 485.

Ц

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (ок. 100 — 44 до н. э.) — знаменитый

римский полководец и государственный деятель. — 30, 618.

Цёпфль (Zorfl), Генрих (1807 — 1877) — немецкий реакционный юрист, государствовед. — 373.

Цицерон (Марк Туллий Цицерон) (106 — 43 до н. э.) — выдающийся римский оратор и государственный деятель, философ-эклектик. — 99.

Ш

Шапер (Schaper), фон — один из представителей прусской реакционной бюрократии; обер-президент Рейнской провинции (1842 — 1845). — 188 — 192, 216.

Шевалье (Chevalier), Мишель (1806 — 1879) — французский инженер, экономист и публицист, в 30-х годах сенсимонист, позже буржуазный фритредер. — 445.

Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564 — 1616) — великий английский писатель. — 320, 594.

Шелли (Shelley), Перси Биши (1792 — 1822) — выдающийся английский поэт, представитель революционного романтизма, атеист. — 513, 520.

Шеллинг (Schelling), Фридрих Вильгельм (1775 — 1854) — немецкий философ, представитель немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX в., позднее ярый враг науки, поборник религии. — 106, 481, 483, 484, 537, 589 — 591.

Шиллер (Schiller), Фридрих (1759 — 1805) — великий немецкий писатель. — 7, 34, 463.

Шлегель (Schlegel), Август Вильгельм (1767 — 1845) — немецкий поэт, переводчик, историк литературы, один из представителей реакционного романтизма. — 471.

Шлейермахер (Schleiermacher), Фридрих (1768 — 1834) — немецкий философ-идеалист, теолог и проповедник. — 482.

Шталь (Stahl), Фридрих Юлиус (1802 — 1861) — немецкий юрист и политический деятель крайне реакционного направления. — 92.

Штейн (Stein), Лоренц (1815 — 1890) — немецкий юрист, государствовед, тайный агент прусского правительства. — 521.

Штиллинг — см. *Юнг-Штиллинг*, Иоганн Генрих.

Штраус (Straus), Давид Фридрих (1808 — 1874) — немецкий философ и публицист, один из видных левогегельянцев; после 1866 г. национал-либерал. — 28, 108, 460, 474, 475, 482, 485, 513, 538, 575, 590.

Э

Эдуард III (1312 — 1377) — английский король (1327 — 1377). — 435.

Эйххорн (Eichhorn), Иоганн Альбрехт Фридрих (1779 — 1856) — прусский государственный деятель, министр по делам культа, просвещения и медицины в Пруссии (1840 — 1848). — 493.

Энгельс (Engels), Фридрих (1820 — 1895) (биографические данные). — 484, 511, 514, 520, 536, 538, 540, 541, 571, 597, 617.

Эннекен (Hennequin), Виктор Антуан (1816 — 1854) — французский адвокат и публицист, приверженец Фурье. — 117.

Эпикур (ок. 341 — ок. 270 до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ-материалист, атеист. — 99.

Эсхил (525 — 456 до н. э.) — выдающийся древнегреческий драматург, автор классических трагедий. — 418.

Эшли (Ashley), Антони, с 1851 г. граф Шефтсбери (1801 — 1885) — английский политический деятель, тори. — 575.

Ю

Юлиан (Отступник) (ок. 331 — 363) — римский император (361 — 363). — 99.

Юм (Hume), Давид (1711 — 1776) — английский философ, субъективный идеалист, агностик; буржуазный историк и экономист. — 601.

Юнг (Jung), Александр (1799 — 1884) — немецкий писатель, историк литературы, публицист, был близок к литературной группе «Молодая Германия». — 473 — 479, 482 — 486.

Юнг-Штиллинг (Jung-Stilling), Иоганн Генрих (1740 — 1817) — немецкий писатель, пиетист. — 471.

Юр (Ure), Эндрью (1778 — 1857) — английский химик, вульгарный экономист, фритредер. — 571.

Я

Яков I (1566 — 1625) — английский король (1603 — 1625). — 40.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ*

- «*Abend-Zeitung*» («Вечерняя газета») (Дрезден и Лейпциг). — 39, 469.
- «*Allgemeine Lileratur-Zeitung*» — см. «*Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung*».
- «*Allgemeine Preussische Staats-Zeitung*» («Всеобщая прусская государственная газета») (Берлин). — 30 — 35, 160, 167, 171, 469.
- «*Allgemeine Zeitung*» («Всеобщая газета») (Аугсбург). — 33, 106, 114 — 118, 170, 173, 515, 517, 542.
- «*Allgemeine Zeitung*» («Всеобщая газета») (Эльберфельд). — 468.
- «*Barmer Wochenblatt*» («Барменский еженедельник»). — 469.
- «*Barmer Zeitung*» («Барменская газета»). — 468, 469.
- «*Berliner Jahrbucher*» — см. «*Jahrbucher fur wissenschaftliche Kritik*».
- «*Berliner politisches Wochenblatt*» («Берлинский политический еженедельник»). — 43, 106, 115, 375.
- «*Berlinische Nachrichten von Staats-und gelehrten Sachen*» («Берлинские известия по вопросам политики и науки»). — 30.
- * «*Deutsch-Französische Jahrbucher*» («Немецко-французский ежегодник») (Париж). — 369, 371, 381, 413, 429, 444, 543, 571, 590, 597.
- * «*Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst*» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства») (Лейпциг). — 106, 474, 484, 486, 538, 540.
- «*Dorfzeitung*» («Сельская газета») (Эльберфельд). — 469.
- «*Dusseldorfer Zeitung*» («Дюссельдорфская газета»). — 169.
- «*Elberfelder Zeitung*» («Эльберфельдская газета»). — 169, 171, 468, 469.
- «*Europa. Chronik der gebildeten Welt*» («Европа. Хроника образованного мира») (Штутгарт). — 469.
- «*Evangelische Kirchen-Zeitung*» («Евангелическая церковная газета») (Берлин). — 462.
- «*The Examiner*» («Наблюдатель») (Лондон). — 505, 506, 638.
- «*Frankfurter Journal*» («Франкфуртская газета»). — 198.
- «*Fremdenblatt*» («Газета для чужестранцев») (Эльберфельд). — 469.
- «*Gemeinnutziges Wochenblatt*» («Общепольный еженедельник») (Бернкастелм). — 210.

* Одной звёздочкой (*) отмечены газеты и журналы, в которых в 1839 — 1844 гг. сотрудничали К. Маркс и Ф. Энгельс. Двумя звёздочками (**) — те газеты и журналы, которые редактировались Марксом или находились под его влиянием. *Ред.*

- «*Les Guepes*» («Осы») (Париж). — 170.
- «*Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst*» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»). — 474.
- «*Hamburger Korrespondent*» — см. «*Staats und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unparteiischen Korrespondenten*».
- «*Historisch-politische Blatter fur das katholische Deutschland*» («Историко-политические записки для католической Германии») (Мюнхен). — 170, 179, 180, 184, 185.
- «*Intelligenzblatt*» («Листок новостей»), приложение к «*Elberfelder Zeitung*». — 469.
- «*Jahrbuch der Literatur*» («Литературный ежегодник») (Гамбург). — 468.
- «*Jahrbucher fur wissenschaftliche Kritik*» («Ежегодник научной критики») (Берлин). — 468, 485.
- «*Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung*» («Иенская всеобщая литературная газета»). — 466.
- «*Journal des Debats politiques et litteraires*» («Газета политических и литературных дебатов») (Париж). — 33.
- «*Die junge Generation*» («Молодое поколение») (Швейцария). — 535, 536.
- «*Kolnische Zeitung*» («Кёльнская газета»). — 93, 94, 103, 106, 112, 113, 167 — 169, 173 — 178.
- «*Koniglich-Preussische Staats-Kriegs-und Friedens-Zeitung*» («Королевско-прусская газета по государственным, военным и мирным вопросам») (Кёнигсберг). — 112.
- «*Koniglich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen*» («Берлинская королевско-привилегированная газета по вопросам политики и науки»). — 30.
- «*Konigsberger Literatur-Blatt*» («Кёнигсбергская литературная газета»). — 474, 482 — 484, 486.
- «*Konigsberger Zeitung*» — см. «*Koniglich-Preussische Staats-Kriegs- und Friedens Zeitung*».
- «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» («Лейпцигская всеобщая газета»). — 165, 167 — 173, 178 — 182, 185.
- «*Mefistofeles*» *Revue der deutschen Gegenwart in Skizzen und Umrissen*» («Мефистофель. Обзор немецкой современности в очерках и набросках») (Лейпциг и Кассель 1842, Мюнстер 1843 — 1844). — 114.
- «*Mittheilungen des Vereins zur Forderung der Weinkultur an der Mosel und Saar zu Trier*» («Известия Трирского общества поощрения виноделия на Мозеле и Сааре»). — 193, 199.
- *«*Morgenblatt fur gebildete Leser*» («Утренний листок для образованных читателей») (Штутгарт и Тюбинген). — 468.
- «*Munchener politische Blatter*» — см. «*Historisch-politische Blatter fur das katholische Deutschland*».
- «*Le National*» («Национальная газета») (Париж). — 133.
- *«*The New Moral World: and Gazette of the Rational Society*» («Новый нравственный мир и Газета разумного общества») (Лондон). — 541, 543, 634.
- «*The Northern Star, and Leeds General Advertiser*» («Северная звезда и Лидсский всеобщий вестник»). — 634.
- «*The Oracle of Reason: Or, Philosophy Vindicated*» («Оракул разума, или Оправдание философии») (Бристоль, затем Шеффилд и Лондон). — 519.
- «*La Phalange*» («Фаланга») (Париж). — 529.
- «*Der Pilot*» («Кормчий») (Альтона). — 481.
- «*Le Populaire de 1841*» («Народная газета 1841 года») (Париж). — 533, 535.
- «*Preussische Staats- Zeitung*» — см. «*Allgemeine Preussische Staats-Zeitung*».
- «*Provinzialzeitung*» («Провинциальная газета») (Эльберфельд), — 468.
- «*La Reforme*» («Реформа») (Париж). — 430, 433.
- «*La Revue independante*» («Независимое обозрение») (Париж). — 533.

«*Rhein- und Mosel-Zeitung*» («Рейнско-мозельская газета») (Кобленц). — 170, 171, 177 — 185, 216.

**«*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») (Кёльн). — 84, 92, 104, 112 — 115, 117 — 119, 160, 161, 164, 169, 173, 174, 176, 177, 179, 180, 184, 186, 187, 188 — 191, 217, 218, 485, 497, 503, 506, 509, 511, 539, 540.

*«*Schweizerischer Republikaner*» («Швейцарский республиканец») (Цюрих). — 524.

«*Spencersche Zeitung*» — см. «*Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen*»/

«*Staats und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unparteiischen Korrespondenten*» («Политическая и научная газета гамбургского

беспристрастного корреспондента»). — 106, 171.

«*Staats-Zeitung*» — см. «*Allgemeine Preussische Staats-Zeitung*».

«*Taglicher Anzeiger für Berg und Mark*» («Ежедневный вестник области Берг и Марк») (Эльберфельд). — 469.

*«*Telegraph für Deutschland*» («Германский телеграф») (Гамбург). — 453, 472, 481.

«*The Times*» («Времена») (Лондон). — 542.

**«*Vorwärts!*» («Вперёд!») (Париж). — 430, 448, 617, 642.

«*Vossische Zeitung*» — см. «*Königlich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen*».

«*Wupperthaler Lesekreis*» («Вуппертальский круг чтения»), приложение к «*Banner Zeitung*». — 469.